

П.Н. Краснов

ИСТОРИЯ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Петр Краснов

**История Войска Донского.
Картины былого Тихого Дона**

«ВЕЧЕ»

2007

Краснов П. Н.

История Войска Донского. Картины бывшего Тихого Дона /
П. Н. Краснов — «ВЕЧЕ», 2007

Генерал Петр Николаевич Краснов вошел в историю России прежде всего как доблестный воин, один из лидеров Белого движения, а также как военный историк и писатель. Литературное творчество П.Н. Краснова многообразно. Его перу принадлежат прекрасные путевые дневники, яркие исторические работы, любопытные мемуарные очерки, глубокий труд по военной психологии, исторические романы и исследования. П.Н. Краснов был большим знатоком и патриотом донского казачества. Одна из его лучших исторических книг – «Картины бывшего Тихого Дона» (в нашем издании «История войска Донского»), где он ярко и увлекательно описывает славные страницы истории Дона, традиции, быт казачества, рассказывает о казачьих героях – Краснощекове, Денисове, Платове, Бакланове и др. По мнению Краснова, слава Дона связана именно с самоотверженным служением казаков общерусскому делу. Причем имперский период дал наибольшее число казачьих имен, ставших национальной гордостью всей России.

© Краснов П. Н., 2007

© ВЕЧЕ, 2007

Содержание

Картины былого Тихого Дона	5
Часть I	9
1. Далекое прошлое земли войска Донского	11
2. Происхождение казаков. Жизнь и обычаи первых донцов	17
3. Первые набеги казаков	25
4. Участие донских казаков вместе с русскими войсками во взятии Казани в 1552 году	29
5. Донские казаки основывают Терское и Уральское казачьи войска	33
6. Ермак Тимофеевич – покоритель Сибирского царства. 1582 год	35
7. Смерть Ермака. 6 августа 1584 года	43
8. Жизнь донских казаков при царе Феодоре Иоанновиче. Появление на Дону «голытьбы»	51
9. Смутное время. Донцы с атаманами Корелом и Межаковым воюют за самозванца	54
10. Смутное время на Руси. Донцы с атаманом Епифанцем на службе у второго самозванца	58
11. Смутное время на Руси. Донцы прогоняют поляков из Москвы. Избрание на царство царя Михаила Федоровича	60
12. Запрещение казакам заниматься набегами по Волге и ходить под Азов	66
13. Взятие Азова. 18 июня 1637 года	71
14. Азовское сидение. Июнь – сентябрь 1641 года	77
15. Оставление казаками Азова по царскому указу в 1643 году	87
16. Основание города Черкаска. 1644 год	90
17. Жизнь и обычаи донских казаков во время борьбы за Азов	93
18. Как управлялось войско во времена Азовских походов	101
19. Пожалование войску Донскому первого царского знамени в 1645 году	105
20. Разин	110
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Петр Николаевич Краснов

История Войска Донского.

Картины былого Тихого Дона

Картины былого Тихого Дона

Сколь счастлива эпоха, имеющая даровитого певца ее величия и славы. Именно он становится летописцем и вдохновенным бытописателем современности, и на нем лежит груз ответственности за достоверность и точность созданных образов эпохи. Ему бывают признательны потомки за беспристрастность и фотографическую точность настоящего, и он часто остается единственным источником сведений для исследователей и историков будущего, благодарных ему за возможность увидеть запечатленные мгновения прошлого. Автор предлагаемого вниманию читателей труда по истории войска Донского Петр Николаевич Краснов – и стал тем бытописателем своего времени, прославившим величие Российской империи в русской литературе XIX века и первой половины XX века. Будучи знакомым с Императорской армией не понаслышке, он стал певцом боевой славы империи, какими до него в поэзии были Пушкин, Глинка, Языков, Денис Давыдов, Жуковский и Тютчев. Прозаик и публицист, Краснов представил на суд читателей произведения обыкновенные для многих своих современников, но важные для тех, кто станет изучать историю своего государства спустя столетие. Положительные герои Краснова демонстрируют красоту души и величие подвига русского офицера на всех широтах необъятного Российского государства. Кроме того, ряд своих книг Краснов дополнил, где мог, достоверными историческими фактами в описании войн, смуты и гражданских усобиц. Его творчество, уступая в стилистике и изяществе слога признанным литературным мэтрам эпохи, явилось, тем не менее, достойным ответом литературе либерального толка. Авторы-либералы и «прогрессивные публицисты» взывали со страниц своих книжек к расшатыванию устоев национальной жизни, опошляли и подсмеивались над чувствами долга, любви к Отечеству и верности монархическому пути. Со временем дошло до того, что подобная макулатура буквально захлестнула российский книжный рынок в начале XX века. Впрочем, противопоставлять хорошего писателя множеству литературных ремесленников не есть для него великая честь.

Свой дар исторического бытописателя Краснов стремился не растрчивать в бесконечной полемике на страницах журналов о назначении литератора, чем и без того были заполнены их многие страницы, стараясь сконцентрировать свои усилия на кропотливом труде исторического исследования и, как следствие, вписывать недостающие страницы в великую русскую литературу. Русские литераторы XIX века создали немало талантливых произведений, где ими были затронуты глубокие психологические и нравственные вопросы общественной жизни, обличены и явные, и скрытые пороки, начертаны выразительные образы. В лучших своих работах они заставили вызванных ими к жизни персонажей послужить читателям своего рода примером для подражания и дать повод задуматься о вечных вопросах бытия. Однако вместе с этим, считая людей чести и долга явлением само собой разумеющимся, многие даже великие литераторы прошлого нарочито избегали делать их героями своих книг, находясь в поисках необычности характеров, а часто просто модулируя антигероев, в желании противопоставить «скучной» обыденности занимательность душевных пороков и притягательность греха, к которому шли избранные ими персонажи. Увы, но приходится констатировать, что, при всем богатстве выбора образов, многие авторы, признанные впоследствии классиками XIX и начала XX века, сознательно отвернулись от темы героизма, не создали образов подлин-

ных сынов своего Отечества, точно бы убоявшись сделать их главными героями произведений и тем самым прослыть «ретроградами» среди либеральных критиков. Идея самоотверженного служения Царю и Отечеству была бы не только осмеяна либеральной публикой, но положила бы и конец коммерческой стороне вопроса. Редкий издатель осмелился бы публиковать «реакционера», не будучи уверен, что публикация такого рода не будет угрожать благополучию его дела, ибо приверженцев либеральных идей, способных расправиться с «ослушником», хватало на всех уровнях государственной власти и даже в среде августейших персон и в славном XIX веке. В основной массе своей русская литература часто занималась занимательным бытописанием; по выражению Чехова, «люди пили чай, а за окном рушилась жизнь». Казалось, что русской литературе того периода не доставало героических сюжетов и образов, между тем как в современной ей русской истории подобного бывало предостаточно. Империя крепла, простирая свои владения на юг и восток, шло покорение Туркестана, усмирение горцев, выстраивались непростые отношения с Китаем, создавался форпост русской армии на Дальнем Востоке, а на северных широтах России в это время юные мичманы и лейтенанты-гидрографы наносили на карты империи названия новых проливов и архипелагов. Но российские писатели, казалось, не замечали происходящего в стране. В то время как западноевропейская литературная традиция предполагала, что героями произведений само собой становились люди воинского подвига, путешественники, моряки, географы и покорители полярных льдов. В русской литературе описываемого периода эти персонажи отсутствовали. Почти каждый герой романов шотландца Вальтера Скотта – рыцарь или военный, который с достоинством проходит все выпадающие на его долю трудные испытания. У англичан Р. Киплинга и А. Конан-Дойла офицеры часто являются если не всегда главными, то весьма заметными персонажами и почти всегда, вне зависимости от того, на чьей стороне симпатии автора, всесторонняя подготовка, верность традиции и порой личное мужество остаются неотъемлемыми составляющими их характеров. Это хорошо прослеживается на фоне череды малопривлекательных образов военных, возникших из-под пера Грибоедова, Салтыкова-Щедрина, Толстого и впоследствии Куприна. Толстовская эпопея «Война и мир» формально никогда не являлась историческим романом, но была скорее философской поэмой с произвольно выбранными историческими картинками, отвечающими догматам нехристианской философии автора. Представляя мировоззренческие основы Толстого, нетрудно догадаться, почему он, избрав, по существу, богорборческий путь жизни, уже не понимал смысл православной армии, а потому после блистательных ранних «Кавказских рассказов» графу так и не удалось создать правдивых образов русских военных. Повторимся, что выбор авторами золотого и в большей степени серебряного века образов противоречивых и зачастую патологических диктовался отнюдь не недостатком жизненных прототипов. Герои и подвижники в России все еще были, но почему-то не они привлекали к себе внимание литераторов. За примерами не стоит ходить далеко. Почитаемый составителем Иван Александрович Гончаров совершил свое плавание на фрегате «Паллада», в обществе выдающегося русского моряка адмирала Путятина, его подчиненных: капитана Посьета, лейтенанта Можайского, будущего изобретателя первого аэроплана, встречался с другими выдающимися исследователями Дальнего Востока: адмиралом Невельским, губернатором Муравьевым-Амурским, генералом Кауфманом-Туркестанским, епископом Иннокентием (Вениаминовым) – Святителем Северной Америки. Французу Жюлю Верну, немцу Густаву Эмару или американцу Фенимору Куперу хватило бы этих впечатлений на создание многих произведений. Из-под пера Гончарова после всего увиденного появилась лишь среднего объема книжка «Фрегат Паллада», далеко не исчерпывающая всего богатства тем, которых можно было бы коснуться после путешествия. Образы милой его сердцу русской старины и ее реликтов – Ильи Ильича Обломова были для писателя куда более притягательными. Существенный пробел в русской литературе и восполнило творчество П.Н. Краснова. Главные герои всех его романов – это не «лишние люди», не нигилисты, не праздные «прожигатели» жизни, а люди

долга и чести, верные Богу, Царю и Отечеству. Главные герои Краснова не хватают звезд с неба, не делают карьеры, не имеют большой известности. Чаще всего они не имеют и особых талантов и способностей – это обычные люди. Но зато это честные и чистые, очень цельные и не раздвоенные натуры, с прямым характером и ясным взглядом на мир и на свое место в нем. Духовно и нравственно персонажи Краснова являются своего рода образцом для современников. Душевная красота их раскрывается автором в ходе описания тяжелых испытаний, из которых они с честью выходят. Ими не движет холодный расчет, они живут не для себя, не для устройства своей личной жизни, являясь рабами низменных страстей. Персонажи Краснова повсеместно в его книгах бескорыстно служат своему Государю и Отечеству и в служении своем обретают уверенность в правоте своего выбора, получая тем самым подтверждение правильности жизненного пути и согласие с собственной совестью. На подобных «служивых людях» держалась государственная составляющая России, и, когда она пала, в ней настало оскудение подобных. В большинстве своих книг Краснов раскрывает истинное значение армии для народа. Армия в его объяснении есть не просто «силовое ведомство» государства и не часть государственного аппарата, а является выражением воли народа к своей национальной жизни и состоит из его лучшей, жертвенной части. Цель армии в христианском государстве – защита христианской веры, христианского Государя и Отечества, защита ценой собственной жизни. Сила христианского воинства состоит в исполнении заповеди Спасителя: *«больше сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя»* (Ин. 15, 13). Сила любви жертвенной привлекает помощь Божью и дарует победу. Победа не бывает без жертв, добровольных и сознательных жертв со стороны христианских воинов. Это сближает подвиг христианских воинов с подвигом раннехристианских мучеников. И как «мученики являются семенем Церкви», так и христианские воины-герои, положившие живот свой *«за други своя»* на поле брани, укрепляют основы государственного и народного единства. Не торговля и экономика, не взаимный, корыстный интерес сплачивают нацию и укрепляют государство, а взаимное жертвенное служение общему делу, наиболее ярко выраженное в воинском подвиге. Кровь, пролитая в боях за Отечество, сплачивает оставшихся в живых и шлет назидание будущим поколениям. Таким образом, национальная армия является ничем не заменимой важнейшей частью национального организма. И потому народы, лишённые своего государства и своей армии, имеют неполноценную национальную жизнь. Известно, что сам генерал Краснов был большим знатоком истории Дона и его патриотом. В политическом выражении, как пресловутый «казачий сепаратизм», это выглядело неважно и раздражало многих русских патриотов, озабоченных территориальной целостностью России (в т. ч. генерала Деникина). Но в литературе, особенно исторической, самого генерала Краснова эта любовь к родному Дону дала много ярких страниц. В предлагаемых читателю «Картинах былого Тихого Дона» Краснов признает благодетельность пребывания Дона в составе Российской империи и имперского управления для развития донского казачества. Прежнее, самостийное житие донских казаков было богато многими славными вехами, например обороной Азова от турецких войск в 1637–1642 годы, но было омрачено самовольством, разбоем и грабежом, участием в походах самозванцев, то, что впоследствии будет названо «разинщиной» и «булавинщиной». Говоря образно, империя посадила казаков на государевых коней и превратила их в воинов, славных по всему миру. Под имперскими штандартами донские казаки брали Берлин и Париж, ходили с Суворовым в Италию и Швейцарию, Финляндию и Швецию, брали Измаил и т. д. Один из славных донских предков составителя был пожалован потомственным дворянством за участие в швейцарском походе Суворова. Самые яркие страницы истории Дона связаны именно с самоотверженным служением казаков общерусскому делу, например поголовная мобилизация всех казаков (от 17 до 60 лет) в 1812 году или в 1854 году. «Имперский период» в жизни Дона дал наибольшее количество казачьих героев: атаманов Краснощекова, Денисова, Платова, Бакланова и др. Все они, помимо чисто донской своей славы, стали еще и национальными русскими героями. Эта

казачья слава досталась ценой больших жертв. Краснов приводит такие цифры: за два месяца отступления от западной границы в 1812 году лейб-гвардии Атаманский полк, участвовавший почти в ежедневных арьергардных боях, потерял 850 человек из тысячи казаков. Оставшиеся полторы сотни атаманцев участвовали в Бородинском сражении. Мало кто вернулся домой на Дон с тех полей сражений. Но это были не разрушительные жертвы мятежей и восстаний, а созидательные жертвы строительства общерусского государства. На штандарте полка атамана Бакланова были начертаны слова из Символа Веры: «Чаю Воскресения мертвых и жизни будущего века». Именно с этим упованием уходили всегда на войну сыны вольного Тихого Дона. На фоне донской славы, как составной части общерусской славы, нет места «казачьему сепаратизму». Сам Петр Николаевич окончил свою жизнь, хотя и в преклонном возрасте, но мученически, подобно героям собственных романов. Ему не довелось пасть на поле брани, как его знаменитому прадеду генерал-майору Краснову, смертельно раненному в знаменитом Шевардинском бою. Смерть его скорее походила на мученическую кончину другого донского героя, которого он весьма почитал, – атамана Матвея Ивановича Краснощекова, попавшего в плен к шведам в 1740 году и сожженного ими заживо в Стокгольме. О кончине генерала Краснова нам известно из воспоминаний его внучатого племянника Николая Краснова «Незабываемое», также недавно изданных в России. Предательски выданный британцами СМЕРШу в Линце в 1945 году вместе с тысячами других казаков, генерал Краснов знал, что его ждет нелегкая смерть и что большевики врагов своих не прощают. Держался он мужественно и с достоинством офицера Императорской русской армии. Примечательно, что, прощаясь в лубянских коридорах с внуком Николаем Николаевичем Красновым, он особенно просил того не держать зла на свою страну, отождествляя палачей-коммунистов с русским народом. Здесь открывается подлинный генерал Краснов. Все случайное наносное в его личности уходит, остается только главное в человеке: христианин, воин Святой Руси. Книга генерала Краснова по истории войска Донского вполне достойна того, чтобы войти в учебные программы школ и вузов не только на Дону, но и повсеместно в России. Ибо написана она не только историком-любителем и хронографом эпохи, но и человеком, ставшим неотъемлемой частью Донской истории, всегда обращенной к будущему.

О.Г. Гончаренко

Часть I

*Исторический бесконечной борьбы,
Край казачества, вольности, славы,
Подвергался не раз ты ударам судьбы,
Сын свободный великой державы...*

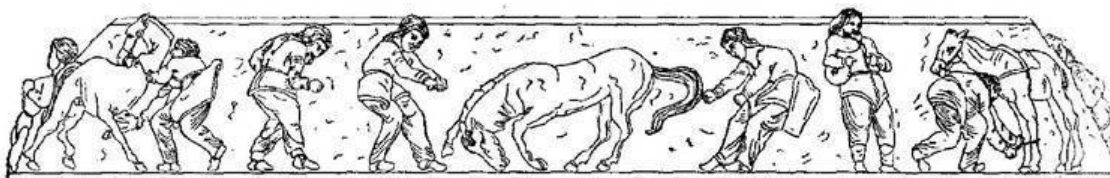
*Ты героев гнездо, где родился Ермак,
Где явился граф Платов, Бакланов,
Богатырь чародей, нагоняющий страх
На чеченцев и гордых османов!..*

Г. Чулков

1. Далекое прошлое земли войска Донского

Широко, в приволье зеленых степей, течет Дон. Зеркальной лентой блестящего серебра извивается он среди полей, между белых мазанок станиц, между зеленых садов, по широкому степному раздолью. И медленно и плавно его течение. Нигде не бурлит он, нигде не волнуется. Зеленые деревья обступили его берега, придвинулись близко к воде, отразились в зеркальной глади широкой реки и будто глядятся в нее. Там точно скалы нависли крутые утесы, виноградник сбежал к самой воде и темные гроздья висят между крупных узорных листьев. Медленно и плавно катит свои волны Дон. Будто спит на песчаном перекате, точно и не течет, а замер, застыл на одном месте. Недаром и зовется он – Тихий.

Тихий Дон!.. Тихо в могучем просторе его степей. Зацветут весной его берега пестрыми цветами, дивным запахом наполнится степь, а потом все сильнее и сильнее станет палить солнце и выгорит, пожелтеет и почернеет степь... Понесется над ней знойный ветер, помчит сухое «перекасти-поле» и принесет пряный запах полыни в станицу... Придет и мороз. Замерзнут стоячие воды озера, станет и Дон. Белым саваном снегового покрова оденется степь. Заревет над нею страшный буран и в хороводе снежинок закроет свет Божий, и станет темно и жутко... Тогда только держись в степи, оберегая табун, чтобы ветер не угнал его в самое море.

Изображения скифов на древнегреческой Никопольской вазе, хранящейся в Санкт-Петербурге в Императорском Эрмитаже

Начавшись в русских землях, медленно и плавно идет Дон, широко разливаясь в низовьях, делясь на множество рукавов, и наконец, свободно и вольно вливается в синее море – море Азовское. За Азовским морем лежит дивный Крым. Там синеют причудливые узоры гор, спускающихся золотистыми обрывами скал к чудному синему морю – морю Черному...

По всему этому краю, по обоим берегам Тихого Дона, живут донские казаки. Из года в год кипит и волнуется жизнь по станицам; одни рождаются, другие умирают, там казаки вернулись из полков домой, а там, глядишь: – старик отец запряг в телегу волов, привязал сзади боевого коня и везет уже сына на сборный пункт. В одной семье радуются появлению сына, молодого казака, в другой – поют панихиду: умер старик дед, участник многих походов... На станичном кладбище прибавляется крест и семья ставит новый голубец. Отцы говорят, что дети не похожи на них, живут не по-старому, не по-казачьему, а послушаешь дедов – так тогда жизнь и совсем была иная. И хочется узнать эту старую жизнь, хочется узнать, что было вчера, в прошлом году, десять лет тому назад, сто лет... двести...

Ан память и изменила. Самые старые люди уже не помнят, не знают, путают события. Нужно искать по книгам, вдумываться в слова старых песен, изучать самую землю донскую, искать тех следов, которые оставили на ней люди, когда-то жившие на нашем месте, нужно исследовать историю Донского войска. И вот, исследуя ее, встречаешь дивные картины былого. Удивляешься мужеству, стойкости, святой, непоколебимой вере во Христа наших дедов. Удивляешься – и любишь всех. Чем ближе узнаешь прошлое Тихого Дона – тем крепче его любишь. Боже мой! Сколько людей раскидало свои кости по этой степи, сколько казаков сложило сме-

лые головы по берегам Дона, сколько лежит на дне Азовского и Черного морей! Кровавая борьба, неустанная война шла здесь из года в год, изо дня в день, здесь спали не иначе, как с оружием в руках, здесь жили тревожной боевой жизнью, не зная покоя. Отсюда выходили герои, удивлявшие весь мир своими победами... Как же не полюбопытствовать узнать это прошлое, не пожелать приподнять завесу веков и взглянуть, что же было давно, давно, за много лет до нашей жизни...

Там и сям в степи находят каменные грубые изображения людей, поставленных как столбы. Близ станицы Елизаветовской, у хутора Недвиговки Ростовского округа, при рытье колодцев, при распашке земель, находят золотые вещи, глиняные сосуды. Золотые подвески, серьги, бусы – не нашего вида. Теперь таких не носят и никто не помнит, чтобы такие вещи носили. Между вещами находят и монеты. Ученые люди говорят, что это вещи греческие, что здесь жили греки. Нашлись недалеко от Азова обломки плиты и на плите надпись греческими буквами. И по надписи прочли, что точно здесь жили греки, здесь у них были города, здесь вели они свою торговлю. Продолжая раскопки курганов в разных местах, нашли кости, а при костях золотые и глиняные сосуды с различными изображениями. Выбиты на них люди и лошади. Люди с длинными волосами и бородами усмиряют лошадей, лечат их, ездят на них. Лошади, видно, дикие, смелые, степные, а люди сидят крепко, ездят лихо... Стали сравнивать с тем, что написано в древних греческих книгах, с тем, что изображено на картах, сделанных в очень давние времена, и узнали – прошлое Дона.

После побоища. Поле битвы во время образования Руси. Телами наших предков покрыто оно. Их кровью добывалась Русская земля. С картины В.М. Васнецова

Дон был известен древним грекам задолго до Рождества Христова. В его степях, местами поросших густыми лесами, жили тогда полудикие люди – *скифы* и *сарматы*. Они жили войной и охотой. Они были лихими, смелыми, неустрашимыми наездниками и кочевали по степи с места на место, ища лучшего корма для лошадей, так, как кочуют калмыки. С ними вели торговлю греки. Греки называли Дон – Танаисом и построили в низовьях его город Танаиды, место которого по древним греческим книгам можно довольно точно определить. Он находился в 9 верстах от устья р. Мертвого Донца. Здесь между селеньями Недвиговкой и Синявкой найдены груды камней, на которых сохранились украшения, буквы, надписи – все греческое, это и есть остатки Танаид.

Отсюда, от низовьев Дона, шли большие торговые пути на восток, к Волге, а потом за Волгу – в Азию, шли пути и вдоль берега моря, к Кавказским горам. Эти пути были как бы воротами между Азией и Европой, через которые проходили народы Азии воевать народы, населявшие Европу. Кто бы ни шел с востока на запад – он прежде всего вступал в донские степи, и потому здесь неустанно дрались за право жизни. Скифы и сарматы оберегали свой стада от натиска других народов, надвигавшихся с востока. Они боролись страшным смертным боем в широкой степи донской, называвшейся тогда просто *Поле*. Да, это и было боевое Поле!

Роскошный убор высоких трав покрывал целину, степь, не знавшую плуга. Всадник скрывался в этой траве совершенно, утопал как в зеленом море. И волновалась и играла степь, под порывами ветра, как море. Вдоль рек росли дремучие леса: дубы, караич, вязы, клены, ясени, грабы, тополи, дикие яблони были оплетены цепким плющом, между ними теснились кусты колючего терновника, калины, бузины, крушины... Там скрывались дикие звери, оттуда выскакивали стада быстроногих диких коз, туда, ища тени, убегали сайгаки, там хоронились хищный барс, медведь и волки, оттуда выбегали пугливый заяц и красная лиса.

В этом охотничьем раздолье искали спасения и люди, борющиеся за свою жизнь, за свои дома.

Задолго до Рождества Христова скифов вытеснили, истребили и поработили пришедшие из Азии *хозары*. Они построили по Дону свои городки и крепости. И теперь еще в юрту Цымлянкой станицы указывают холмы, тянущиеся правильными полосами, и груды камней и кирпичей – это остатки развалин хозарской крепости Саркеллы.

Шли годы, проносились века. На хозар напали печенеги и истребили и смешались с ними; печенегов, в свою очередь, потеснили *половцы*. В диком Поле шла вечная, неустанная борьба за право жить. В то время, когда на Дону шла эта борьба, к западу от Дона – на реке Днепре, и к северу, по р. Западной Двине, стали строить крепкие города народы славянского племени, называемого *Русью*. Русские князья, а среди них знаменитый своей храбростью Святослав, находят и на Дон и сражаются в Поле с печенегами.

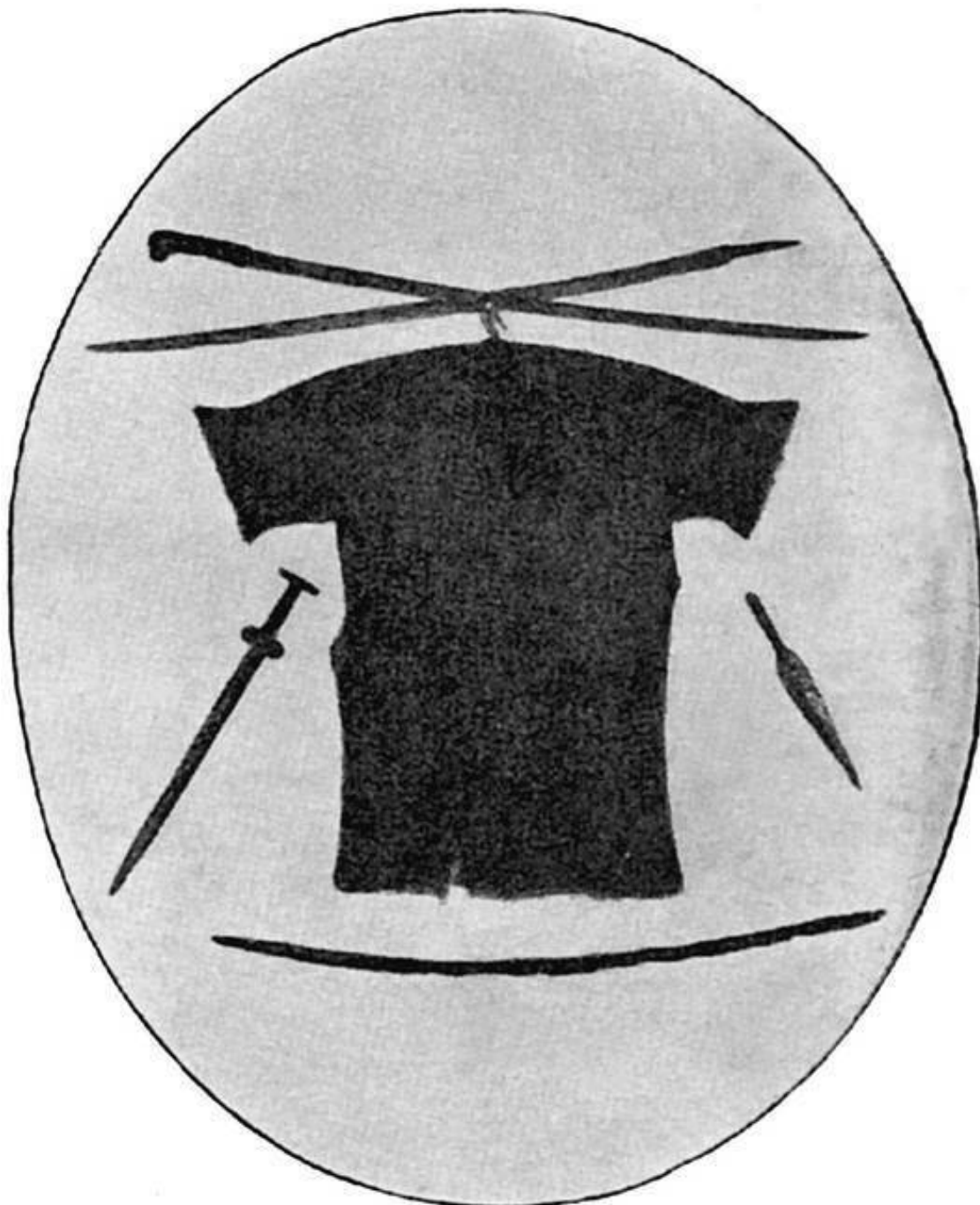
Русские в 862 году собрались на общий совет и соединились все вместе, образовав одно княжество. Князем своим они избрали Рюрика. Так зародилось отдельное русское княжество, которому вскоре пришлось вынести отчаянную борьбу с татарами.

В 988 году, при князе Владимире, русские приняли христианскую веру и русские княжества стали занимать земли кругом Поля. Особенно могущественным сделался князь Киевский. Но вот, в 1224 году в широкие ворота, прямо на Дон, на хозарскую крепость Саркеллы, на становища половецкие повалили *татары*. Как саранча громадной тучей налетает на поля и пожирает нивы без остатка, так темной толпой надвинулись на Дон, а потом и на Русь татары. От поднятой их войском пыли потускнело и затмилось солнце. Ржанье тысяч коней, рев верблюдов, крик ослов, скрип тяжелых колес, голоса людей слились в немолчный шум. Точно море шумело, ревело и билось в степи. На небольших, но крепких конях, вооруженные луками и стрелами, около аршина длиной, с острыми железными наконечниками, широкой лавой раскинулись они по задонской степи, переправились через Дон и начали ставить свои кибитки по Дону. На месте становищ половецких устраивалось татарское государство, или орда.

Русские князья попробовали победить татар. На реке Калке, близ Дона, столкнулись их слабые дружины с татарскими полками. Произошел кровопролитный бой. Много храбрых витязей русских полегло в этом бою. Татары победили. Они пришли в русскую землю, обложили тяжелой данью русских, поставили всюду своих начальников. В обломках лежали города. На месте деревень чернели уголья пожарищ, да торчали обгорелые трубы. Нивы были потоптаны, луга съедены. «Где прошел татарский конь – там трава не росла».

В низовьях Волги и Дона, в Крыму были поставлены главные татарские города – ханские ставки. Татары приняли магометанскую веру. Они строили мечети, и развалины этих мечетей сохранились во многих местах Донской области. Но особенно замечательны развалины кир-

пичных мечетей близ Глазуновской станицы Усть-Медведицкого округа и в юрте Каменской станицы Донецкого округа. По всему Дону раскинулись татарские становища, здесь собирали татары свои полчища, чтобы идти разорять русскую землю. Отсюда делали они свои набеги, здесь сражались они с передовыми полками русских князей. Недаром глубоко в земле находят на Дону заржавелые железные клинки татарских сабель, наконечники их стрел и рубашки, сделанные из железных цепочек, так называемые кольчуги, в которых дрались русские витязи.

**Оружие, найденное при раскопках курганов на Дону, времен половцев и татар.
Шашки, меч, кольчуга и наконечник стрелы**

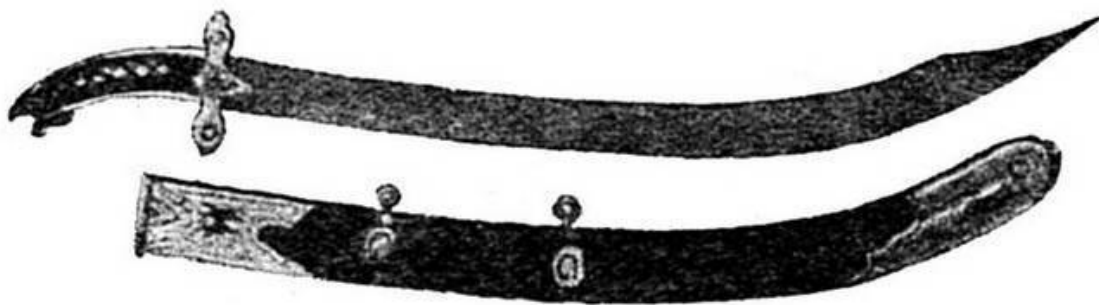
Двести с лишком лет тянулась на Руси страшная татарская неволя. Не было согласия между русскими князьями, не было смелости напасть самим и одолеть татар. За эти двести лет

на севере от Дона зародилось новое русское княжество – княжество Московское. Московские князья где лаской, где силой приобрели себе друзей. Один из них, князь Дмитрий Иоаннович, собрал большое войско и 8-го сентября 1380 года, на Куликовом поле, на берегах реки Дона, разбил татар.

Это была первая победа русских над татарами. Смелее стали русские и мало-по-малу сбросили с себя цепи татарской неволи. Московское княжество усилилось. Уже границы его подошли к Дону. Здесь московские князья построили пограничные засеки, поставили сторожевые башни, чтобы успеть предупредить жителей городов о набеге татарском. Постоянного войска у русских не было. Войска собирались тогда, когда приближалась опасность. Конные татары двигались быстро. Они налетали широкою лавою на русские города и деревни, они жгли деревянные дома русских, разоряли каменные постройки, увозили домашнюю рухлядь, брали в неволю женщин и детей.

– Татары идут! – это был страшный крик в тогдашней Руси. В церквях тревожно звонили в колокола, женщины, дети и старики собирались у алтарей молить Всевышнего о спасении. Взрослые, все, кто мог сражаться, торопливо собирались, брали копья, топоры, луки и шли навстречу несметному врагу. Дрались, защищая свои дома и семьи, отчаянно. Падали под ударами татарских сабель до последнего. Татары врывались в городки. И часто старики, женщины и дети, подожженные татарами в церкви, задыхались в дыму и сгорали живьем. Толпы пленных сгонялись в неволю. На месте нив, полей, садов, деревень оставалась вытоптанная татарскими конями, политая русскою кровью земля, да тихо тлели головешки пожарищ.

В это тяжелое, подневольное время, когда три четверти Русской земли платило дань татарам и боялось татарского набега, – защитниками Руси от татар, первыми смелыми борцами за свободу Руси, первыми разведчиками, проникшими далеко в глубь татарской земли и на татарские набегии ответившими своими набегами, первыми людьми, явившимися в татарские юрты и снявшими цепи с русских пленников, томившихся в неволе, – были *казаки*.

Восточная сабля

Так, на земле, занимаемой теперь донскими казаками, жили задолго до Рождества Христова – *скифы* и *сарматы* – дикие народы, и среди них имели свои торговые города – *греки*. Потом много лет шла война, и скифов сменили *хозары*. Они жили несколько столетий по берегам Дона, их потеснили – *печенеги*, а печенегов сменили *половцы*. В то время, когда и печенеги и половцы занимали земли теперешнего войска Донского, впервые стали приходить туда *русские*. Наконец, половцев сменили *татары*. Во время владычества на Дону татар, на Дон идут одиночные смелые *русские люди*, которые селятся там, силою удерживаются в донских степях и получают название *казаков*. Это случилось приблизительно в 1500 г. после Рождества Христова. После этого года в русских летописях мы находим уже упоминание о донских казаках. Такою боевою жизнью в течение почти двух тысяч лет жил Дон, сменяя на своих берегах скифов и сарматов – хозарами, хозар – печенегами, печенегов – половцами, половцев – тата-

рами, татар – донскими казаками... Кто был до скифов и сарматов, – а наверное кто-нибудь был, – нам в точности не известно. Время не сохранило ничего, напоминающего о народах, бывших прежде скифов, а древние историки мало пишут о земле Донской до владычества на ней скифов.

Но кто же дал основание донскому казачеству? Кто такие донские казаки?

2. Происхождение казаков. Жизнь и обычаи первых донцов

Московскому князю для борьбы с татарами, для покорения других русских княжеств нужно было войско. Раньше войско это составляли приближенные к князю люди, посвятившие себя военному – ратному делу и составлявшие княжескую дружину. Дружинники были отборным войском князя. Их было немного. Главную же силу князя, его рать, составляли люди из крестьянского сословия, которых брали от сохи, и оттого их называли *посошными людьми*.

Князя награждали своих дружинников за храбрость, за верную службу землями, дарили им поместья вместе с живущими на них крестьянами. Но за это они требовали, чтобы каждый дружинник, или, как их при московских князьях называли – *боярин*, по первому призыву своего князя являлся людным, *конным и оружным*. То есть, приходил бы сам на коне и приводил с собою конных вооруженных людей.

Азиаты. С картины В.В. Верещагина

Сначала крестьянам разрешено было переходить с места на место, от одного боярина к другому. Они были свободны. Но тогда оказывалось, что у одних бояр людей было больше, чем нужно, другие же не могли выполнить княжого наряда на войну. И вот, для того, чтобы каждый боярин имел людей для обработки своего поместья, чтобы мог он выполнить военный наряд, крестьянам запретили свободно переходить с места на место, их прикрепили к земле, сделали их *крепостными* у помещиков – бояр, составлявших *княжской двор*, а потому называвшихся также *дворянами*.

У одного помещика крестьянам жилось хорошо и привольно, у другого, напротив, с ними обращались жестоко, как с рабами.

И вот, наиболее сильные и мужественные, свободолюбивые, те, которые не могли забыть своей воли, уходили из родных деревень и шли искать счастья на юге, в диком *Поле*, в вечной борьбе с татарами. «Лучше смерть на воле, – говорили они, – нежели жизнь в плену». Эти русские люди встретились в Поле с остатками смелых хозар, печенегов и половцев, скрывавшихся от татар в дремучих лесах, в раздолье степей, соединились, сдружились с ними и положили основание донскому казачеству.

Позднее, при царях Московских, в Москве потребовали, чтобы все люди исповедывали православную веру по тем книгам, которые исправил патриарх московский Никон, при царе Алексее Михайловиче. Потребовали троеперстного крестного знамения вместо двуперстного, как крестились в старину, уничтожали иконы старого письма. За сложение двух перстов при крестном знамении, за службу по старинному уставу, за поклонение дедовским иконам – преследовали жестоко: заточали в темницы, били кнутом, жгли каленым железом, казнили смертью.

И были на Руси люди, которые дорожили верою своих отцов больше, чем именем и покоем. Они слышали, что по Дону живут казаки, люди вольные, которые не спрашивают, кто как верует, лишь бы веровал во Христа, и гонимые за веру, за старый обряд – *старообрядцы* – шли на Дон, шли в казаки, и несли туда свою стойкую старую веру.

Во времена царей Московских и, особенно, при царе Иване Васильевиче Грозном тяжело жилось русским людям. За смелое правдивое слово можно было сложить голову. И люди, которым дорога была свобода совести, уходили туда, где требовались только удалая голова да верность своей клятве.

Но шли на Дон, в широкое и дикое Поле и те, кто пострадали от татар. Шли ради мести. У того татары увели в Поле, то есть в плен, невесту, сестру, брата, убили отца и мать – он шел отомстить за убитых, выручить пленных. У другого рука зудила поте-шиться в чистом поле, поиграть с копьем, поискать удачи в поиске бранном. Просили такие люди благословенья родительского, собирались в станицы, или *ватаги*, и шли искать счастья в борьбе с татарами. У иных молодецкая сила живчиком по жилушкам переливалась, тянуло их в туманную даль и было так, что – «либо в стремя ногой, либо в пень головой!..»

И днем и ночью шли русские люди за линию московских засек сторожевых башен, шли искать себе боевого счастья на тихом Дону.

И всех Дон принимал, и всем находил место.

Чем же жили эти люди? Ответ на это находим в песне донской:

Степью широкой!..
Степью необъятной!..
Там!.. – на воле, на тихом Дону!
Скучно станет – на Волгу пойдем,
Бедно станет – и денег найдем,
Волга матушка всех приютит,

Всех приласкает и всех одарит...

Жили набегами. Жили войною, жили добычей.

Этих людей звали *казаками*.

По-татарски и по-турецки *гозак*, или *гузак*, значит легко вооруженный конный воин, воин без доспехов, без кольчуги, без шлема... Таковыми и были первые казаки.

Так как татары были конными, то и казаки обзаводились конем и седлом по татарскому образцу, с деревянным ленчиком и высокими луками, с подушкой и сумами переметными, вооружались казаки саблей и луком со стрелами и шли искать себе счастья.

Каждая станица, или ватага, выбирала себе старшего, которого по образцу северных моряков, ходивших и по русским рекам, называли ват-маном; отсюда потом произошло и название *атаман*.

Казаки селились в степи, в самом боевом поле, среди татар. Там строили они свои городки из плетней и ставили бедные плетневые шалаши, чтобы не жалко их было бросить в случае неудачи. Крепость стен своих городков казаки заменяли бдительностью, сторожкостью и хорошей разведкой. Землю казаки не пахали, хлеба не сеяли, а жили добычей, которую брали от татар и турок. От татар же и турок они отбивали себе и коней, и оружие, и дорогую материю для одежды, и золото, за которое покупали себе все, что нужно. С той поры и в песню казачью вошли слова:

У нас, на Дону, живут не по-вашему,
Не ткут, не прядут, не сеют, не жнут.
А хорошо живут...

Когда не было поисков бранных, то жили казаки охотой. В те времена Дон был не только степью раздольной, но по берегам больших рек стояли вековые леса. В особенности густы и тенисты были эти леса по верхнему Дону, Медведице и Бузулуку. В лесах водились медведи, волки, лисицы, туры, олени, дикие кабаны, дикие козы и горностаи.

В реках аршинные стерляди и саженные осетры, и всякая красная рыба была обычной добычей Донцов.

С саблей и на коне, или с луком и колчаном, набитым стрелами, пешком, или с сетями на легком челне, выдолбленном из большого дерева, проводили казаки свои досуги после походов и набегов.

От такой жизни они делались легкими, смелыми и предприимчивыми.

Шли казаки на Дон, главным образом, по самому Дону и его притокам. Там и селились. К Дону и вдоль него местами были проложены проездные дороги. Дороги эти назывались военно-дозорными. Одна из таких дорог лежала на левой, ногайской стороне Донца. Она входила в казачью землю выше р. Деркула, а затем шла на р. Глубокую, Калитвенец к Соколым горам. За Соколыми горами, за речкою Быстрою лежал первый казачий городок *Раздоры*. Раздоры были нижние и верхние. *Нижние* Раздоры, или *первая станица атаманская*, находились под Кобяковым городищем. Это было первое казачье селение, которое встречали татары, шедшие из Крыма или от Азовского моря, вверх по Дону. *Верхние* Раздоры, или *Донецкие* Раздоры, лежали в устьях одного из рукавов Донца, близ нынешней Раздорской станицы.

От Нижних Раздор шли дороги к Крымскому хану, к Волге, к главному татарскому хану, в Золотую Орду и на Кубань.

В низовьях же Дона лежали и еще становища казачьи – *Махин остров* – на левом берегу Дона в 5-ти верстах от нынешней Ольгинской станицы, *Монастырский* и *Смагин городки*. Монастырский городок был тоже местом перекрестка дорог, и потому там собиралось немало казаков. Русские люди, приходя в низовья Дона, встречались там с остатками населявших

когда-то донские степи народов. Это были те храбрецы, которые отстояли себе и жизнь, и свободу. Они говорили про себя по-татарски – *сары-аз-ман*, что значит: «мы – удалые головы», и пришельцы называли их и себя сары-азманами. Здесь, в низовьях Дона, жизнь была очень трудная, здесь русские пришельцы, смешиваясь с удалцами сары-азманами, вечно воюя, образовали казачьи поселки и получили название *Низовых казаков*. Все, кто селился к югу от Верхних Раздор, ниже Донца, были Низовые казаки. Те, кто селился доверху, севернее Раздор, получили название *Верховых казаков*. Первые городки казачьи были устроены Низовыми казаками. И Раздоры, и Монастырский и Махин городки были поставлены ими. Они прочно держались по Дону. Живя среди татар, воюя с черкесами на Кубани, перемешавшись и перероднившись с остатками древних народов, живших в степи, они стали сильно отличаться и видом своим от новых пришельцев. Черноволосые, стройные, подвижные и веселые, способные на всякое лихое, смелое дело, они были настоящими казаками.

Выше Раздор казаки стали селиться позднее. Здесь больше было чисто русских людей, и перемешивались и рождались здешние казаки с русскими же, бежавшими из Рязани. И опасности здесь было меньше, потому жили спокойнее. Верховые казаки были волосом русы, носили бороды и говорили чистым русским языком, не вставляя в свою речь татарских слов. Они построили первоначально городок *Кагальник* на р. Донце, а потом распространились по притокам Дона – рекам Хопру, Медведице и Донцу.

Так создались два вида казаков: Низовые и Верховые. И различие между ними можно подметить и теперь. Верховые казаки рассудительнее, менее быстры в решениях, домовитее, нежели казаки Низовые. В Низовых чувствуется родство с азиатскими народами и греками из древних Танаид. Старинное воинское племя их породило; и до сего дня они полны боевого задора, воинственны и молодцоваты.

Селясь в степи, устраивая городки, составляя свои казачьи становища, они образовали небольшие общества, или *станицы*. И станицы эти, по числу казаков, делились на разные приборы, были станицы *большого* и малого прибора. Эти станицы выбирали себе на год атамана. Выборы атамана, решение различных вопросов, сбор в поход, наконец, в трудные дни вечной войны с татарами, когда нужно было на что-нибудь решиться, казаки собирались на общее собрание, непременно в *круг*. Живя по-братски, донские казаки не иначе думали о своих делах, как думашку единую. Так и в песне казачьей поется:

Собирались казаки-друзи, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый круг,
Они думали думашку все единую.

Если была в казачьем городке какая-нибудь часовенка, то и круг собирался возле нее, а если ее не было, то на площадь, или, как тогда называли, на майдан, выносили образ Спаса или Николая Чудотворца и, поставив его на аналой, становились вокруг него.

На походе же, в поле, съезжались тоже в круг и, часто, не слезая с лошадей, становились лицом друг к другу. Так делали и во время морских набегов, когда лодки для совета собирались в круг. Все стояли лицом друг к другу, всякому было и видно, и слышно все, что делалось и говорилось в кругу, всякий мог свободно говорить и предлагать то, что полезно, всякий мог принять или не принять предложение, но раз что-либо постановил весь круг, то это уже было свято, это был закон. За измену было обычное наказание: в куль, да в воду!

Богатырский бой древних русских с дикими скифами на земле нынешнего Донского войска. С картины В.М. Васнецова

В казаки принимали всякого. Нужно было только одно неременное условие – вера в Христа. Какая – все равно. Этого не спрашивали. Старая или новая, русская или не русская. Казаки в свое товарищество принимали и смелых татар, и турок, и греков, даже немцы попадали в казаки и быстро принимали все казачьи обычаи и становились настоящими казаками.

– В Бога веруешь? – спрашивали станичники пришлого человека.

– Верую.

– А ну перекрестись!

И татарин, и турок-магометанин принимали веру казачью, веру в Истинного Бога, и сливались с Донцами. Казаки, требуя веры, понимали, что только вера в Бога, глубокая и искренняя, даст мужество новому казаку перенести тяжелую жизнь среди военных походов и вечной опасности. Отсюда и пошли по Дону фамилии: Грековых – от греков, Татариновых – от татар, Турченковых, Турчаниновых – от турок, Жидченковых, Жученковых – от жидов, Грузиновых – от грузин, Персияновых – от персов, Черкесовых – от черкес, Сербиновых, Себряковых – от сербов, Миллеров – от немцев, Калмыковых – от калмыков, Мещеряковых – от мещерских татар, Поляковых – от поляков, но все они стали настоящими казаками, и только прозвания их напоминают, кто первый из их рода пришел на Дон.

Свободно, но и тяжело жилось казакам. Боролись они за славу казачью и ее ставили выше всего. В этой борьбе они забывали о всех радостях земных. В эти поры сложилась среди Донцов и поговорка – «хоть жизнь собачья, так слава казачья». И гордились казаки этою славой. *Все земли нашему казачьему житью завидуют,* – говорили они.

А жизнь была, действительно, тяжелая. В городках казачьих первое время совсем не было женщин, и казаки были безбрачны. Потом начали появляться женатые, но они не пользовались почетом среди казаков. Да и было их мало – один на сто. Умирали казаки, гибли от ран в стычках с татарами, а на место их шли из Руси новые молодцы. Шли лихие конники, меткие стрелки, ловкие лодочники, шли угнетенные, шли обиженные, шли озлобленные – шли готовые казаки. Первым казакам в их вечной тревоге, жившим среди неприятельской страны, некогда было думать о детях, и если у кого от пленной татарки или турчанки рождался ребенок, его некому было холить и воспитывать, и часто он умирал.

Потом, когда построены были по Дону городки: Раздоры, Монастырский и Кагальник, казаки стали больше жениться. Но и женитьба была особенная. Священников было мало, церквей по Дону почти не было. Весь Дон тогдашний был – как бы стан военный. Поэтому казак брал себе жену и объявлял перед атаманом и казаками.

– Ты будь мне жена!

– А ты – мне муж, – говорила избранница казачья.

И они жили, как муж и жена.

Но если мужу надоедала семейная жизнь – он выводил свою жену в праздничный день на майдан и объявлял перед казаками:

– Кому любя, кому надобна!? Она мне гожа была, работяща и домовита. Бери, кому надобна!

Казаки на Черном море

И если находился охотник жениться, то договаривались, за какую цену или за какие вещи, а иногда и просто за попойку отпускал муж свою жену. Если же никого не находилось, то просто отпускал муж свою жену на волю.

По мере того как прочнее оседали казаки по Дону, стали появляться по городкам и дети, которые росли в вечной тревоге бранной и с малых лет учились стрелять и ездить верхом, и тогда начал Дон уже шириться и расти и новыми своими казачьими детьми.

В те далекие времена, когда зарождалось казачество, не только детям, но и старым людям трудно было жить по Дону среди тревоги бранной.

Если страшен был крик «татары идут» для Руси, то там имели время собраться и изготавиться к бою, у казаков же этот крик означал немедленный бой. Часто успевали только поседлать и дрались уже в улицах, среди пламени пылающего казачьего городка. Тут некогда было думать о женщинах, о детях, о стариках. И потому в это тревожное, боевое время на Дону не было и стариков дряхлых.

Каждый казак, когда чувствовал, что за ранами, болезнями и старостью он становится плохим помощником в боях и походах, шел в ближайший монастырь Никольский, близ Шацких ворот, или Борщевский-Троицкий и там проводил остаток своих дней, или налагал на себя обет идти на поклонение пешком тысячи верст и шел в далекие Соловки на Белое море. И там, рассказывая про свои походы и про свои победы, он говорил, что лил кровь и провел всю свою жизнь на войне для того, *«чтобы басурманская вера над нами не посмеялась, чтоб государственной вотчины пяди не поступитъся»*.

Сильна была в те времена вера басурманская. Татары были могущественной державой, а за ними стояло грозное турецкое государство. И напор этих двух государств на государство русское сдерживали одни казаки. Да мало того, что сдерживали, они еще и подавались поотепенно вперед, приближаясь к низовью Дона, приближаясь к морю Азовскому.

В то время, когда так, мало-помалу, из пришлых людей создавалось военное братство, ставшее защитой Руси от неожиданных набегов татарских, и на Руси произошли большие перемены.

Русские стали собираться в середине своей земли, у небольшого города Москвы. В Москве появился целый ряд умных князей, которые, постепенно усиливаясь, подчинили себе и другие города русские, сбросили с себя татарскую неволю. Московский князь Иоанн III Васильевич, освободившись от татарского ига, широко раздвинул русские земли.

3. Первые набеги казаков

В проворстве, ловкости и воинской хитрости казаки превосходили своих врагов – татар. Во время походов они выработали свой способ действий, называвшийся татарским словом, *лава*. И никто не мог соперничать тогда с казаками в лаве. В разведках и поисках, казак шел незаметный даже для зоркого татарского глаза. *Он шел в траве с травой ровен*: высокий ковыль, кустарник, овраг, забор – все способствовало всаднику-невидимке. От татар научились казаки и переправам через широкие реки. Они связывали вместе несколько пучков камыша, делали из него плотик, называвшийся *салою*, привязывали его веревкой к шее или хвосту лошади, складывали на плотик седло и вьюк, а сам казак хватался рукою за гриву и плыл через реку вплавь.

Во время общей тревоги казаки собирались по 5–6 городков вместе, укреплялись и отсиживались в них. И, где бы неприятель ни появился, везде смелым натиском встречали его казаки. Станичные есаулы, схватив знамя, во весь дух неслись по улицам, сзывая на бой атаманов-молодцов. Вестовая пушка или колокол били тревогу. Старики и жены казачьи перегоняли стада и табуны на острова реки и скрывали их в камышах или за болотами. Лодки приковывали к пристаням цепями или затопляли их, имущество закапывали в землю. Отбив врага, казаки не оставались у него в долгу и готовились в новый поход. На походе просто, даже бедно одетые донцы того времени отличались умом и храбростью. Не раз говорили они азиатам и русским знатым людям, боярам, про себя: *зипуны-то у нас серые, да умы бархатные*.

И по мере того, как росло и ширилось казачество, тесно ему становилось в приволье донских степей, искали они выхода из них и все чаще и чаще начали сталкиваться с Азовским пашою или уходить на Волгу.

Разросшиеся станицы казачьи требовали и большей добычи. Да и казакам дома не сиделось, хотелось им *поохотиться*. И вот, когда задумает казак пойти в удалой набег, выходит он к станичной избе, на сборное место станицы, и, кидая свою шапку-*трукменку*, сделанную из бараньей смушки, сверху несколько уже, нежели у основания, кричит зычным голосом:

– Атаманы-молодцы! Послушайте!.. На Сине море, аль на Черное поохотиться; на Куму или на Кубань реку за ясырьми (пленными); на Волгу-матушку рыбки половить иль под Астрахань, на Низовье, за добычей, иль в Сибирь пушных зверей пострелять!..

К говорившему со всех сторон станицы сходились казаки. И вот, то один, то другой бросал свою шапку вверх и мало-помалу вокруг него собиралась толпа, иногда в несколько сот человек. Все шли в ближайшую церковь-часовню – голубец, клали земной поклон перед образом, а потом отправлялись в общую избу, где за чаркою вина обсуждали условия похода и выбирали *походного атамана*. Остающиеся дома казаки помогали идущим в поиск снарядиться. И если этот поиск был речной, все вместе строили лодки, если на конях, то готовили коней. Богатые снабжали бедных оружием, выговаривая за собой право на известную часть добычи.

В этой вольной ватаге во время похода дисциплина и порядок были образцовые. Походный атаман мог казнить смертью за малейшее непослушание. Беспрекословно повиновались и выборным есаулам и сотникам. Но кончался поход, возвращались казаки к своим домам и опять все были равные.

Кто шел с атаманом промыслять зверя, на зверовую охоту или шел воевать с татарами, персами или турками, назывался *охотником*. Но кто восставал против своих братьев-казаков или шел на московских людей, того и в те времена казацкой вольницы называли *вором-разбойником*. В степной, конный поиск казаки отправлялись малыми партиями – по 5–10 человек, широко рассыпаясь по степи. Вот откуда взялось у казаков и в лаве *звено*. Обыкновенно на двух казаков имелась заводная вьючная лошадь с сумами, в которые складывалось имущество,

продовольствие, а впоследствии и добыча. Такие казаки, пользовавшиеся одной общей сумой, назывались *односумами*.

Но часто, очень часто, казаки пускались в морской поиск. Наши деды были искусными наездниками, но были также и отличными моряками. По Дону в Азовское море, из Азовского моря в Черное море – это был их обычный путь. Богатые города Крыма и турецких берегов Малой Азии были им хорошо знакомы. Для морских походов казаки строили себе большие, длинные лодки без палубы. На лодках были мачты, но парусом казаки пользовались только при попутном ветре, а против ветра шли на веслах. На каждую лодку садилось 60–100 человек, борта лодки обшивались камышом, для защиты от неприятельских пуль и для большей устойчивости лодок. На дно клали бочки с пресной водой, сухари, пшено, сушеную и соленую рыбу и смело с такими запасами пускались в неизвестные края. Водки в поход не брали. На походе – прежде всего требовалась трезвость. На казаках в походах одежда была самая бедная, чтобы неприятель не хотел поживиться ею, как добычей, чтобы легче было подходить к нему и укрываться в степи и на море.

Морские набеги казаков заставили турок укрепить находившийся в устьях р. Дона город Азов. Самый Дон перегородили они цепью из тяжелых бревен, скованных железными кольцами. Но это препятствие не останавливало казаков. Темной, ненастной ночью, в жестокую бурю, без выстрела, прорывались они сквозь эти цепи и выходили в море. Без компаса и без карт, по солнцу и по звездам, узнавали они направление и, без ошибки, вели свои лодки к турецким берегам. Завидев вдали турецкие корабли, – они рассыпались и уходили против ветра, а затем, перед закатом солнца, приближались к ним со стороны солнца, так, чтобы солнце светило прямо в глаза туркам, кидались на корабли с топорами и саблями и храбро рубились с турками. Захватив корабль, они брали на свои лодки оружие и наиболее ценные, но мелкие вещи, а затем, прорубив дно, пускали корабль ко дну. В неравном бою казаки, благодаря своей смелости и ловкости, почти всегда выходили победителями. Но доставалось нередко и казакам, и много костей казачьих покоится на дне моря. Если целый турецкий флот гнался за донцами, распустив паруса, казаки неслись к берегам, скрывали, а иногда затопляли свои лодки в камышах, а сами рассеивались по берегу. И, когда флот турецкий уходил, они собирались снова, вычерпывали воду из лодок, ставили новые весла и бросались следить за турецкими кораблями, ища случая напасть на них. Так и на море на лодках казаки действовали тем же подобием назойливой лавы, которая составила им славу на суше.

В тихую погоду черными точками рисовались на синем море казачьи лодки. Ярко сверкали на солнце белые весла, ходко шли казаки. Вдруг где-либо на ладье кто-нибудь начинал песню. Песня пелась про героев казаков, но чаще всего вспоминали в ней удалого атамана Ермака Тимофеевича. Песню пели хором, немного в нос, как пела тогда вся Русь, научившаяся песням хоровым у греков.

Далеко по синему морю раздавалась эта песня и вторили ей мерные и плавные взмахи казачьих весел.

На Усть Дона тихого,
По край моря синего
Построилась башенка,
Башенка высокая.
На этой на башенке,
На самой на маковке
Стоял часовой казак;
Он стоял, да умаялся;
Не долго мешкавши,
Бежит, спотыкается,

Говорит, задыхается:
«Кормилец наш, батюшка!
Ермак Тимофеевич!
Посмотри-ка, что там на море,
Да на море, на Азовском то:
Не белым там забелелось,
Не черным там зачернелось,
Зачернелись на синем море
Все турецкие кораблики!»

Речь возговорит надежда-атаман Ермак Тимофеевич:

«Вы садитесь в легки лодочки,
На носу ставьте по пушечке,
По пушечке по медненькой,
Разбивайте корабли басурманские.
Мы достанем много золота
И турецкого оружия!»

Кончат казаки свою песню, примолкнут, пригорюнятся, закручинятся, и сейчас же кто-либо из старых, бывалых казаков начнет рассказывать про походы, про хитрость турецкую, про богатство пашей, про то, как в крутой неволе томятся у них русские пленники, а прекрасные русские женщины наполняют темницы богатых турок.

Татары

И огнем загорятся глаза казаков, крепче налягут они мускулистыми руками на вальки весел, и только пена, шипя, разбегается из-под острогрудых кораблей!

Так жили наши деды – донские казаки. Поход и смертный бой заменяли им годы ученья и строевой службы. В непогоду, на свежем морском ветру, закалялось их тело, от трудов становились крепкими руки и остер был их глаз.

Они были воинами. Доблесть воинская была на Дону выше всего. Храбрость, неутомимость, меткая стрельба, умение владеть оружием ценились больше и дороже богатства. За них выбирали в атаманы, таких людей славили в песнях и молва о подвигах их шла далеко по Дону, разливалась широкой волной по России, делалась слышной и в чужих землях – за границей.

4. Участие донских казаков вместе с русскими войсками во взятии Казани в 1552 году

Русь в это время оправлялась от татарской неволи. Города русские, Смоленск, Рязань, Москва, Новгород, были один от другого независимы. Князья, правившие этими городами, часто враждовали друг с другом, и пятьсот лет тому назад беспокойно было на Руси. Но постепенно стал усиливаться Московский князь. Он покорил себе соседних князей, смирил Новгород, усилился, завел порядочное войско.

В 1547 году великий князь Московский Иоанн IV Васильевич венчался в Москве царским венцом, стал Царем всея Руси. Все русские города ему были подвластны. Границы его царства на юге доходили до верховьев Дона, на востоке немного не дошли до Волги, на севере захватывали Новгород и на западе остановились у Смоленска. Желая расширить свое царство, молодой, шестнадцатилетний царь, Иоанн IV Васильевич, решил завоевать татарское Казанское царство и, тем самым, навсегда покончить с татарской неволей, в которой двести лет томилась русские люди.

Два раза подходил Иоанн с войсками к Казани, и оба раза неудачно. То наступала ранняя весна и нельзя было перевезти через Волгу тяжелые пушки, необходимые для осады города, то, напротив, зима была такая, что воины замерзали в лесах, и войско подошло к Казани слишком утомленное и не могло приступить к обложению города. Третий поход царь Иоанн объявил летом 1552 года. В этом походе первый раз заодно с русскими войсками, участвовали донские казаки. В летописях московских мы читаем о том, как донские казаки вместе с конницей князя Курбского прогоняли на Арском поле, подле Казани, конные полчища татарского князя Япончи, и о том, как при взятии Казани, стены которой были взорваны бочками с порохом, первыми ворвались в улицы города донские казаки. Существует предание, что тогда же царь Иоанн IV пожаловал войско Донское первой своей грамотой, которою закрепил все земли, занятые донцами, за донскими казаками.

До нас не дошли имена казачьих атаманов и есаулов, храбро бившихся под казанскими стенами с татарами, не сохранилась и грамота царская. Но участие донцов в казанской осаде осталось в памяти народной. У стариков-станичников Багаевской и других станиц еще лет пятьдесят тому назад можно было слышать песню, где воспевали подвиги донского атамана Ермака Тимофеевича, взявшего Казань и подарившего ее царю Иоанну Васильевичу. Есть и еще песни, где поется о Ермаке, который явился к царю Ивану Васильевичу и посоветовал ему, как взять Казань. Очевидно, что в народной памяти остались подвиги наших дедов под казанскими стенами. Ермаку Тимофеевичу, этому первому герою казаку, казаки приписали и атаманство под Казанью. Старая песня лучше всякого рассказа рисует нам охотничьи набег донцов по рекам и то, как собирались казаки в поход. Вот как пели старики наши про взятие казаками Казани.

«Как проходит, братцы, лето теплое,
Настает, братцы, зима холодная.
И где-то мы, братцы, зимовать будем?
На Яик¹ нам пойтить – переход велик,
А за Волгу пойтить – нам ворами слыть,
Нам ворами слыть – быть половленными,
По разным по тюрьмам поразсаженным,

¹ Яиком тогда называлась р. Урал.

А мне, Ермаку, быть повешену.
Как вы думайте, братцы, да подумайте.
Меня, Ермака, вы послушайте».

Ермак говорит, как в трубу трубит:

«Пойдемте мы, братцы,
под Казань город,
Под тем ли, под городом сам Царь стоит,
Грозный Царь Иван Васильевич.
Он стоит, братцы, ровно три года,
И не может он, братцы, Казань город взять.
Мы пойдемте, братцы, ему поклонимся
И под власть его, ему покоримся!»
Как пришел Ермак к Царю, на колени стал.
Как возговорит Царь Ермаку-казаку:

«Не ты ли, Ермак, войсковой атаманушка?
Не ты ли разбивал бусы², корабли
мои военные?»
«Я разбивал, Государь, бусы корабли,
Бусы корабли не орленые, не клейменные!
Отслужу я тебе, Государь, службу важную:
Ты позволь мне, Царь, Казань город взять,
А возьму я Казань ровно в три часа.
Да и чем меня будешь жаловать!»

Как надел Ермак сумку старческую,
Платье ветхое, все истасканное,
И пошел Ермак в Казань за милостыню
Побираться, христарadniчать,
Заприметел там Ермак пороховую казну
И с тем вернулся он к товарищам.

«Ой вы, братцы мои, атаманы молодцы!
Да копайте вы ров под пороховую казну!»

Скоро вырыли глубокий ров Донские казаки,
Как поставил там Ермак, свечу воска ярого,
Во бочонок ли поставил полный с порохом,
А другую он поставил, где с Царем сидел.
И сказал Ермак Царю Грозному:

«Догорит свеча – я Казань возьму!»

Догорела свеча – в Казани поднялось облако!
Как крикнет Ермак Донским казакам,

² Бусами назывались морские персидские суда.

Донским казакам, Гребенским и Яиковским:

«Ой вы, братцы мои, атаманы молодцы!
Вы бегите в город Казань скорехонько,
Вы гоните из города вон всех басурман,
Не берите вы в полон ни одной души:
Плен Донским казакам не надобен!»

Ермак тремя стами казаками город взял,
Город взял он Казань и Царю отдал,
Избавил Ермак войско Царское от урона,
За то Царь пожаловал Ермака *князем*
И наградил его медалью именною,
Да подарил Ермаку славный, тихий Дон
Со всеми его речками и проточками.
Как возговорит Ермак Донским казакам:

«Пойдемте, братцы, на тихий Дон,
покаемся,
Не женатые, братцы, все поженимся!»...

После взятия Казани начались постоянные сношения Московского царя Иоанна IV Васильевича с донскими казаками. Царь пишет грамоты «на Дон в Нижние и Верхние юрты, Атаманам и Казакам», он приказывает им провожать своих послов, едущих к татарам. До нас дошла грамота от 1570 года. Эта грамота первая, которая сохранилась до нашего времени, и потому с нее считается и начало Донского войска с 1570 года.

Иоанн Грозный. Мрамор. *Скульптор М.М. Антокольский*

5. Донские казаки основывают Терское и Уральское казачьи войска

В песнях казачьих того времени часто упоминается о том, что донские казаки действовали вместе с другими казаками – с казаками гребенскими и яицкими. Так скликает Ермак Тимофеевич донских казаков и говорит:

– Ой вы, Донские казаки, охотники,
Вы Донские, Гребенские со Яицкими!

Давно это было... Еще до покорения Казани, а точно года нигде не указано. Как-то раз на станичной площади Раздорского городка собрались все «непенные», то есть не опороченные ничем казаки. Шумно было на кругу. Шумно и людно. Замышлялся новый исход, вызывали охотников. В середине стоял статный и видный кавак – атаман *Андрей*, окруженный бывалыми в походах, смелыми казаками, отчаянными головорезами – старшинами. Много было тут седых волос и седых кудрей, но сухощавы и загорелы были лица. Не один темный шрам на лице говорил о том, что недаром досталось казаку звание старшины, что не раз рубился он с врагом-татаринном или турком. Долго гуторили и гомонили казаки. Вдруг атаман взялся за свою высокую, остроконечную барашковую шапку и сейчас же раздался крик:

– Помолчи, честная станица, атаман трухменку гнет!

Это кричал молодой есаул. И стих круг войсковой. И тогда заговорил атаман. Он предлагал казакам пойти «поохотиться» на Каспийское море.

– Любо, или не любо, атаманы молодцы! – воскликнул он.

Снова зашумел круг. То и дело выходили из него казаки, кидали шапки оземь, и скоро порядочная партия казаков собралась к атаману. Набег был решен. Предводителем был избран атаман Андрей.

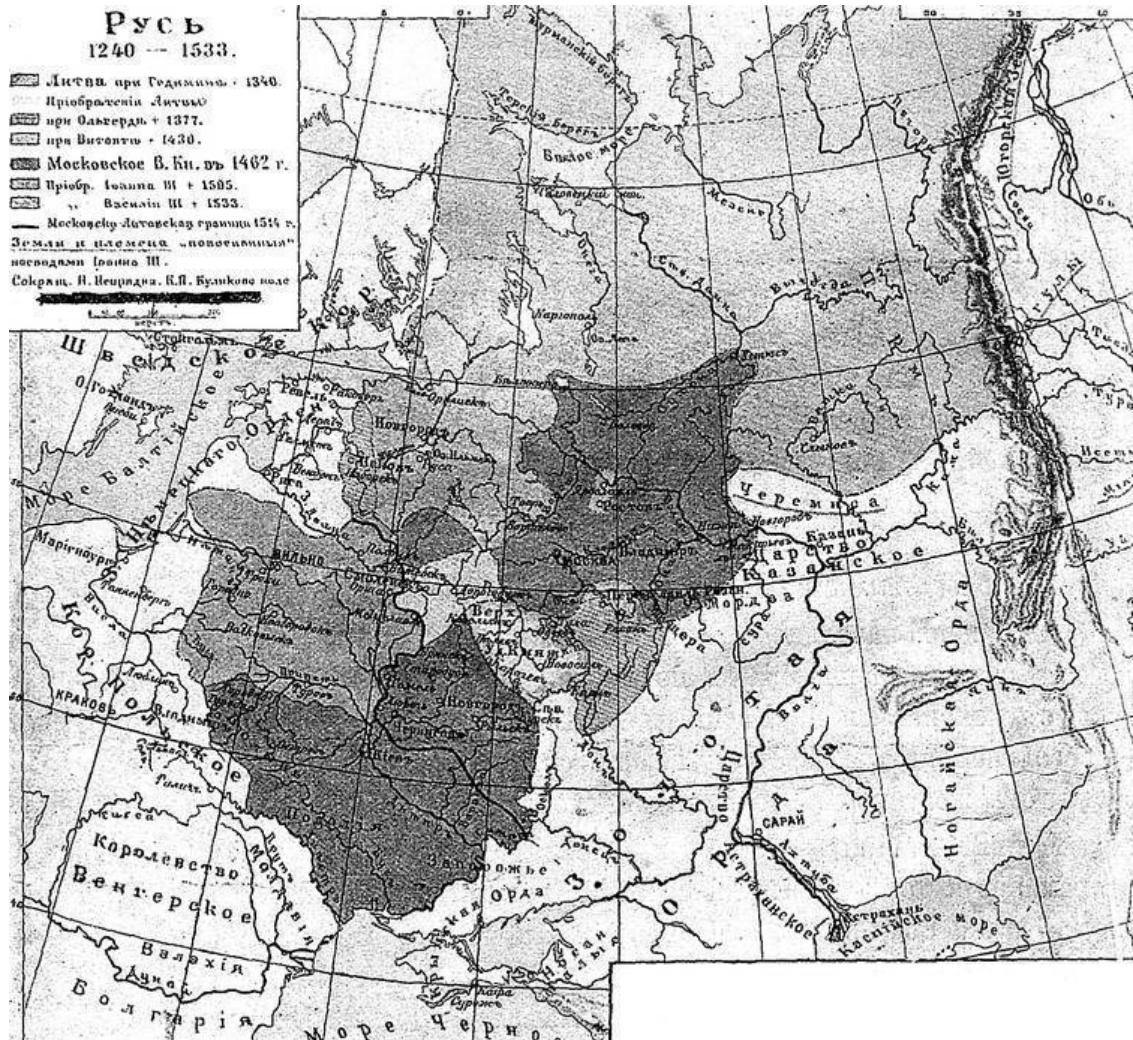
Снарядивши на Волге мелкие лодки, партия охотников спустилась в Каспийское море; долго ходили казаки по морю, останавливали персидских купцов и брали от них добычу. Но настала осень, задули сильные ветры, зашумела буря. Спасаясь от нее, казаки пристали к неведомому им берегу. Вдали виднелись высокие горы с вершинами, покрытыми снегом. Это были Кавказские горы. В горах казаки зазимовали. Поставили в долинах шатры, стали ходить на разведку, и понравилась Андреевым казакам эта земля. На следующий год они послали на Дон товарищей звать к себе донцов, выхваляя *гребни* гор, на которых они жили. Называли они себя поэтому Гребенскими казаками. Пришли еще казаки, и основалось Гребенское казачье войско со своим атаманом, со своим кругом и с обычаями, сходными с обычаями донцов. В 1580 году повелением царя Иоанна IV Васильевича Грозного они были переведены на Терек и потому стали называться *Терскими* казаками.

Так первоначальное Донское войско положило основание Терскому. Терские казаки – наши братья по крови, они вместе с донцами сражались с нехристями на Каспии и на Волге, добывая славу казачью. И до сего времени в Терском войске сохранились те же обычаи, та же речь, тот же говор, что и в Донском.

Мелкие станицы донских казаков селились и по Волге, близ Астрахани, и тогда называли себя Волжскими казаками. В 1584 году партия казаков в 800 человек под предводительством атамана *Нечая* пустилась с Волги на восток, прошла пустыни и степи и дошла до реки Урала, который тогда назывался Яиком. Приволье уральских степей, ширь и обилие рыбой реки Урала понравились казакам, и они решили здесь поселиться. Поставили эти казаки обычные свои плетневые городки, сдружились с киргизами и татарами, ходили набегами в далекие азиатские

земли, соединялись с донцами в больших ходах, а потом часто действовали и самостоятельно. Назывались они Яицкими казаками, а впоследствии составили войско Уральское.

Так в первые же годы своего существования донские казаки выделили из своей среды партии, образовавшие два славных и доблестных войска – Терское, или Гребенское и Уральское, или Яицкое.

Русская земля ко времени походов на Казань царя Иоанна IV Васильевича

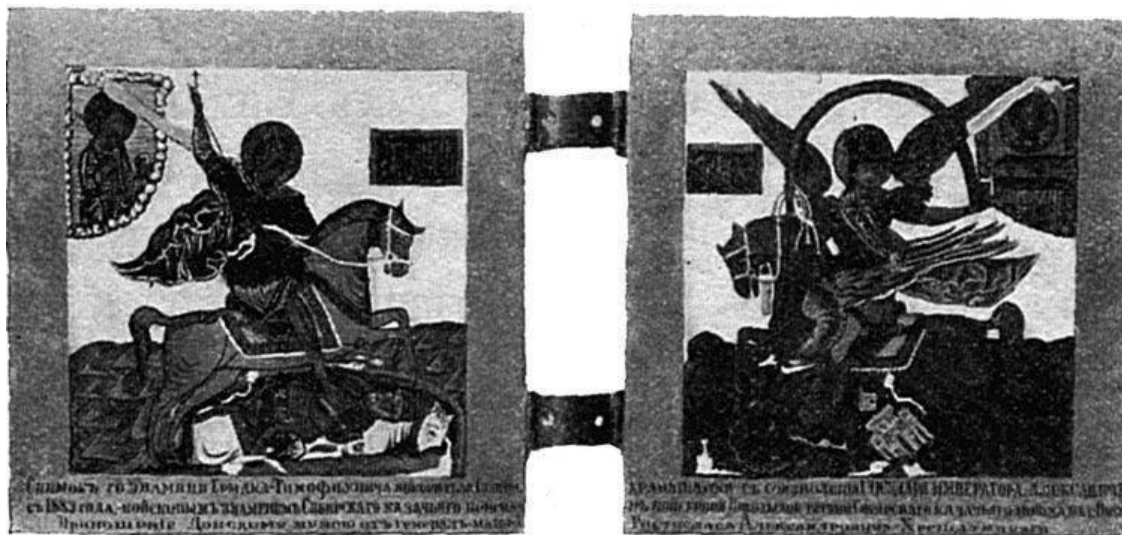
Вскоре донским казакам суждено было совершить новый великий подвиг, присоединить к Российской земле громадное царство Сибирское и положить основание Сибирскому казачьему войску.

6. Ермак Тимофеевич – покоритель Сибирского царства. 1582 год

В те далекие времена на Дону мало было людей, умеющих писать, и подвиги донцов того времени не записывались и не сохранились бы до нас вовсе, если бы не дошла до нас старая песня казачья. Рождались на Дону богатыри, сильной волей своей водили за собою станицы казаков, тяжелой рукой рубились с татарами и турками, смело ходили на лодках по бурному морю и пели их сподвижники про них песни. Так много песен поется на Дону про Ермолая, или, как его называли – Ермака Тимофеевича. Поют в них и про то, как ходил Ермак по Азовскому морю на турок, как брал Ермак с казаками Казань город, покорял Сибирь и брал сибирские города. Называют его в иных песнях «воровским атаманушкой», в других говорят просто: –

Старики были старые,
Казаки стародавние,
Атаман был у казаков
Ермолай Тимофеевич,
Есаул был у казаков
Гаврила Лаврентьевич.

Если бы не пришлось Ермаку Тимофеевичу столкнуться с русскими людьми и служить с ними одну царскую службу, может быть, про Ермака мы бы и знали только из песен. Но пришлось ему встретиться с русскими людьми и при помощи их сделать набег на Сибирь. На Руси в то время уже были люди, которые записывали все, что делается в Русской земле, составляли летописи, и вот из летописей мы подробно узнаем о подвигах Ермака с донскими казаками в Сибири.

Знамя Ермака

Вскоре после завоевания Казани (в 1552 году), в 1558 году царь Иоанн IV Васильевич, чтобы обеспечить Пермскую землю, лежащую вверх по реке Каме, подарил большие участки у Уральских гор купцам Строгановым и разрешил им строить крепости, иметь пушки и войска для защиты своих угодий. Строгановы настроили небольшие деревянные крепостцы, дошли

до самых Уральских гор, добывая здесь лес, охотясь за пушным зверем и собирая камни самоцветные. Но когда подошли они к Уральским горам, которые тогда назывались Каменным поясом, их встретили отряды Сибирского царя Кучума и не пустили их за горы. Войско Строгановых было наемное. В нем были и немцы, и шведы, и латыши, и татары. За стенами городков, стреляя из пушек и из ружей, прячась от стрел татарских за бревнами, они дрались хорошо, но сделать поход в неведомые, далекие страны, пройти по широким и быстрым рекам, драться неизвестно с какими народами эти дружины не могли.

Основатели Строгановского городка, братья Яков и Григорий так и умерли, не решившись перешагнуть за Каменный пояс; наследники их, меньшой брат Семен и сыновья Максим Яковлев и Никита Григорьев, решили продолжать начатое дело. В это время к ним и пришел Ермак.

Глухой осенью 1579 года, тогда, когда со дня на день ожидали, что Волга и Кама станут и покроются льдом, по бурным волнам их показались черные лодки. То шел вверх по Каме – грозный донской атаман Ермак Тимофеевич с казацкой вольницей. Шли с ним Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк с товарищами. Все это были люди отчаянные. Не раз останавливали они на Волге корабли, отбирали товары у перепуганных купцов и с веселою песней гребли дальше. Казанский воевода *Иван Мурашкин* с целым войском, по приказу царскому, гонялся за ними и не мог поймать. И вот, в вольном набеге своем, повернули донские лодки в Каму и подошли к Строгановскому городку.

Среднего роста, широкоплечий, на диво сложенный, крепкий казак был Ермак Тимофеевич. Черные кудри вились над ушами, взгляд у него был быстрый, лицо чистое и пригожее. Пышно и богато оделся он, подходя к Строгановскому городку, окруженный своими казаками.

Ласково принятый Строгановыми Ермак остался у них, и здесь, послушав их сетования на набег Кучумовых татар, крепко задумался. Смелой душой своей чуял Ермак, что зовут его Строгановы на славный подвиг. Это не удалой набег на Волгу – это завоевание целого царства. Надолго, быть может, навсегда придется уйти с Дона, забыть приволье родных степей. Но манил его подвиг прекрасный. И вот, собравши вокруг себя своих удалцов, обратился к ним с такою речью:

«Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте.
Зимой мы, братцы, исправимся,
А как вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други братцы, в поход пойдем,
Мы заслужим перед Грозным Царем
вину свою:
Как гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю, по Хвалынскому³,
Разбивали мы, братцы, бусы корабли,
Как и те-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка Всецарскаго!
Как и лето настанет, братцы, лето теплое,
Да, пора уже нам, братцы, в поход идтить.
Ой вы, гой еси, братцы, атаманы молодцы,
Эй вы, делайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабаички сосновые,

³ Хвалынским называлось тогда Каспийское море.

Мы поедemте, братцы, с Божьею помощью,
Мы пригрянемте, братцы,
вверх по Волге реке,
Перейдемте мы, братцы, горы крутые,
Доберемся мы до царства басурманского,
Завоеем мы царство Сибирское,
Покорим его мы, братцы, Царю Белому,
А царя-то Кучума в полон возьмем
И за то-то Государь Царь нас пожалует.
Я тогда-то пойду сам ко Белому Царю,
Я надену тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку под мышечку,
Принесу я Царю Белому повинную:
Ой ты гой еси, надежда
православный Царь!
Не вели меня казнить, да вели речь говорить:
Как и я то Ермак сын Тимофеевич,
Как и я то воровской Донской атаманушка,
Как и я то гулял ведь по синю морю,
Что по синю морю, по Хвалынскому,
Как и я то разбивал ведь бусы корабли,
Как и те корабли все не орленые,
А теперича, надежда, православный Царь,
Приношу тебе буйную головушку
И с буйной головой царство Сибирское!»

Молча слушал Ермака круг казачий. И думали казаки «думушку единую». И сладка им была мысль искупить свои грехи, свои грабежи и нападения на купцов великим подвигом, таким подвигом, который прославил бы навсегда имя казачье. А слава казачья донцам была всего дороже.

Смотрели казаки на снегом покрытые, поросшие густым лесом горы и хотелось им пере-шагнуть за них, поглядеть, что там делается за горами, какие народы там живут и как воюют. Много повидали они на своем веку. Ходили по Азовскому и Черному морям, видали турецкие города, видали высокие страшные горы Кавказа, но за Каменным поясом они не были ни разу. И тянула их к себе эта неведомая, неизвестная даль, и охотою шли они на труды и лишения походной жизни, шли на опасные бои.

– Любо! Любо нам, Ермак Тимофеевич, с тобою идти! Любо покорить царя Сибирского и подарить его Московскому православному Царю! Любо... Аминь!

Низко поклонился кругу атаман и вышел с площади. За ним разошлись и казаки. И на другой день закипела работа.

Всю зиму стучали в лесу топоры, визжали пилы – то казаки строили себе легкие лодки. Заготавливали «зеле» – то есть порох, лили пули, устанавливали маленькие пушечки, солили мясо впрок. Строгановы усилили небольшую дружину казаков тремя стами находившихся у них на службе воинов – русских, татар, литовцев и немцев, придали им еще проводников и переводчиков, и весной 1581 года отряд Ермака в 840 человек был совершенно готов к походу.

С этими маленькими силами, ничтожными числом, Ермак отправился в поход, завоевывать громадную Сибирь. Он разделил отряд на части, назначил в каждой атамана, назначил есаулов, сотников и пятидесятников, и пошел за Уральский хребет. Четыре дня плыл Ермак на лодках вверх по р. Чусовой до устья р. Серебряной, а потом два дня шел по Серебряной

до Сибирской дороги. Здесь Ермак высадился на берег и построил укрепление, названное им «Кокуй-город». Сложив здесь запасы и обеспечив таким образом, на всякий случай, путь отступления, Ермак налегке поплыл в р. Туру, за которой начиналось уже царство Сибирское. Здесь в татарском улусе казаки захватили важного князя – мирзу Таузака.

Ермак Тимофеевич

Ермак потребовал его к себе и допросил о царстве Кучума. Таузак правдиво и точно рассказал Ермаку, каково царство Сибирское, и за то Ермак отпустил своего пленника на волю. Таузак отправился к царю Кучуму и известил его о движении на Сибирь неведомых белолицых людей. Кучум собрал совет из старшин. В тесном юрте уселись желтолицые и косоглазые обитатели Сибири, и Таузак повел перед ними свой рассказ:

– Идут, – сказал он, – из-за Каменного пояса люди страшные, ростом великие. Глаза у них быстрые. А из луков своих они стреляют огнем и громом смертоносным, который далеко попадает, ранит до смерти и всякие доспехи наши пробивает насквозь. А называют они себя донскими казаками! Быть беде!

– Быть беде! – повторили старшины, и призадумался весь их совет.

– К этому были приметы и указания, – сказал один татарский мирза. – Видели подданные мои город в небе, и в том городе были видны христианские колокольни. А в реке Иртыше в тот час вода стала кровавой.

– Видели мы, – проговорил другой мирза, – как Тобольский мыс выбрасывал золотые и серебряные искры.

Мирза Девлетбай, живший на Панине бугре, против теперешнего Тобольска, в городе Бициктуре, доложил Кучуму, что и он видал много знамений: с Иртыша приходил белый волк, а от реки Тобола черная гончая собака, и они грызлись между собою. И волк, как толковали кудесники, означал ханскую силу, а собака российскую, и российская победила.

Таковыми бабьими бреднями растревляли себя татары. Они еще не видали казаков, а уже боялись их, Ермак еще был далеко, а уже прятали имущество татары и робость одолевала их. Кучум против маленькой дружины Ермака послал большой конный отряд царевича Маметкула.

А Ермак шел спокойно по реке Тоболу. Легко было на сердце у донцов; веселые, бодрые песни звенели в чужеземной стране. Недалеко от урочища Бабасан встретились донцы с Маметкулом.

Дружина Ермака построилась в боевой порядок в пешем строю и начала пальбу из пищалей и из аркебузов. Маметкул бросился в атаку, но не приученные к грому выстрелов, полудикие лошади татарские не шли на огонь, пули и стрелы поражали их, и атака татар была отбита. Маметкул бросился второй и третий раз, но только урон его становился больше, падали лошади и люди, и донцы Ермака подавались все вперед и вперед. Маметкул отступил, и Ермак подошел и устью р. Тобола.

На пятьдесят второй день похода Ермака, 22 октября 1581 года, под вечер, казачьи струги, шедшие по р. Иртышу, подошли к городищу Атик-мурзы. Здесь казаки причалили к берегу и высадились. Невысокие холмы, покрытые уже почерневшим дубняком и елями, горели тысячью огней. То был стан самого царя Сибирского Кучума, засевшего с Маметкулом в крепкой засеке и решившегося смертным боем защищать свое царство. Гомон тысячи голосов, ржание коней слышно было по реке на несколько верст. Точно море, глухо шумел стан татарский.

Тихо было в казачьем лагере. Таким маленьким казался этот стан – всего один полк, если считать по-нынешнему, шел против целой армии. Но это был полк богатырей, прекрасно вооруженных, смелых, упорных, гордых и самолюбивых! Полк донских казаков.

Близ полночи сотники, бывшие на совете у Ермака, сказали пятидесятникам, а те десятникам приказ всем собираться на войсковой круг. На лесной прогалине, над обрывом, у глухо ропчущей реки собрались казаки. Мрачны были их лица. Незавидной казалась им доля. Зашли невесть куда, кругом угрюмые горы и скалы, хмурое, низко нависшее небо, впереди бесчисленная рать, одолеть которую нет силы.

– Идти назад! – глухо пронеслось по рядам казачьим, когда вышел Ермак.

Смоляные факелы освещали его лицо. В доспехах и металлическом шлеме, из-под которого вились черные кудри, он весь был порыв и мужество. Красные отблески огней играли на стали кольчуги, будто кровавые пятна.

Он взялся за шапку.

– Помолчи, честная станица! – раздались возгласы. – Атаман слово держать будет!

Стихнул весь круг казачий. Плотнее сдвинулись ряды, задние напирали на передних, только тяжелое дыхание да сдержанный кашель прерывали ночную тишину.

Ермак поднял курчавую голову. Из-под снятого шлема черными змеями рассыпались кудри, ярко блеснул белый лоб над загорелым лицом; глаза горели решимостью, удалью... и восторгом. Предстоящий кровавый бой радовал донца-атамана!

– Идти назад!? – тихо, но сурово сказал он. – Идти назад через безлюдную и мрачную пустыню, идти за горы, покрытые глубоким снегом. Идти пешком, потому что реки замерзнут!..

Ермак вздохнул. Вздохнул, как один человек, и весь круг войсковой.

– Вернуться домой на тихий Дон и что сказать!? Вернуться без славы! Нас спросят дома старики, нас спросят жены и дети: во вы пропадали два года за Волгой, что сделали вы?

Молчание царило в кругу. Напряженно слушали казаки речь своего атамана. Ермак умел говорить, недаром про него и в песне поется: «Ермак возговорит, как в трубу вструбит». Серебром лилась его речь.

– Что ж, атаманы молодцы, решайте: идти нам со срамом домой, чтобы жены смеялись над нами, чтобы родители прокляли нас и не было нам никогда от них благословения, или вернуться после победы покорителями царства Сибирского?!

Огнем загорелись глаза казачьей вольницы. Слетели порывом шапки с косматых голов, поднялись руки, творя крестное знамение, поклялись казаки либо умереть, либо победить Кучума царя. «Смерть – лучше отступления!» – говорили казаки. Задумчивые расходились донцы по своим шалашам и там тихо беседовали, точили оружие, отсыпали порох, готовили пули.

И слышалось всюду одно слово, одна клятва между односумами: – «если ты жив останешься, расскажи дома, как меня убили!» – потому что каждый готовил себе славную смерть!

Бой Ермака с Кучумовыми полчищами в Сибири. С картины художника В.И. Сурикова

На рассвете, 23 октября, казаки ударили на приступ укрепленного Кучумом селения Чувашева. Засвистали пули казачьи, загремели ружья и навстречу им полетели тучи стрел. За ружейною трескотнею, за свистом стрел не слышно было ни голосов, ни команд. До полудня шла перестрелка. Татары, видя, что казаков очень мало, сами проломили засеки в трех местах и живыми людскими потоками устремились на казаков. Это был отчаянный бой. Каждый понимал, что от того, кто победит, зависит быть или не быть тому живому. Летописец, записавший о том, как происходила эта битва, написал – *«и бысть сеча зла; за руки емлюще сечахуся»*, то есть, хватали друг друга за руки, чтобы помешать наносить удары. Но под могучими ударами казаков густые толпы татар стали редеть. Раненый царевич Маметкул был переправлен с приближенными людьми на ту сторону реки и татары начали отступать. Уже темнело, когда казаки заняли татарские засеки, а потом отошли на старый свой бивак к Атику городку. Всю ночь не спали они. Хоронили убитых. Их было 107 человек; перевязывали раны, строили укрепления, опасаясь нападения татар. Но татарам было довольно. Союзники Кучума, остяцкие князья, покинули его, Маметкул, лучший витязь его, был ранен, а сам Кучум тою же ночью ушел в свою столицу город *Сибирь*, собрал свои пожитки, жен и бежал с ними в степи.

26 октября 1581 года казаки заняли Сибирь. Там, в ханских дворцах и торговых рядах, они нашли богатую добычу: золото и серебро в сундуках, золотом тканые материи и царские уборы, дорогие меха и драгоценные камни...

Ермак зазимовал в Сибири. Его дружина разместилась в покинутых домах; по окрестным городам и селам были посланы гонцы с известием, что казаки не сделают зла тому, кто добром вернется в свои дома, примет клятву на верность царю Московскому и будет послушен Ермаку. И вот из лесов стали возвращаться мирные татары. Казаки принимали их ласково, помогали им на первых порах, и слух о том, что Ермак правитель добрый, пошел по всей Сибири. Юрты и отдельные кочевые спешили заявлять Ермаку о том, что они верны русскому царю, и доносили казакам о всяком движении своего бывшего царя Кучума и его войска.

Кучум от горя совсем одряхлел, потерял зрение и скитался одинокий по Ишимской степи. Оправившийся от раны Маметкул своими наездниками окружил казачий стан и захватывал одиночных казаков, возвращавшихся с поездок.

Но следил за ним и Ермак. Его удалыцы не спали зимою. Из пешей рати, шедшей на судах, к весне дружина Ермака обратилась в отличную конницу. Татары окрестных Сибири юртов стали друзьями казаков, они донесли Ермаку, что Маметкул с небольшим отрядом татар стал на реке Вагое. Это было весной 1583 года. Ермак отправил против него сотню в 60 человек. Казаки напали ночью на татарский стан. Большинство татар они умертвили сонными, а самого Маметкула взяли в плен и живым доставили Ермаку. Как только вскрылись реки, опять на судах пошли казачьи отряды, широко раздвигая завоевания Ермака. Не одна казачья голова легла на приступе сибирских городов. Убит был и один из главных сотрудников Ермака – Никита Пан.

В самой Сибири снаряжалось посольство к Строгановым и Московскому царю. Отбирались лучшие меха, 2400 соболей, 20 чернобурых лисиц и 20 бобров, лучшие камни, отсыпалось самородное золото, заворачивались и зашивались в рогожи драгоценные царские шапки и наряды Кучума. Начальником летучей станицы с подарками царю Иоанну IV, которыми бил челом донской казак Ермак Тимофеевич, – был назначен лучший дружинник Ермака – атаман *Иван Кольцо*. Ему наказано было, прибыв в Москву, *«бить челом царю царством Сибирским»*...

Веселую грянули казаки песню, когда по знакомому пути, по рекам сибирским поплыли назад к Каменному поясу. Весла бодро ходили в руках, сознание великого дела, которое они совершили, окрыляло их, и летели острогрудые челны казачьи по холодным волнам широких рек.

Царь радостно принял Ивана Кольцо. Он простил казакам все прежние их разбои на Волге, пожаловал посланных деньгами и сукнами на одежду, разрешил атаману Кольцо наби-

рать в Московской земле охотников для заселения Сибири и повелел отправить Маметкула в Москву. Ермаку с его товарищами была пожалована царем грамота.

В грамоте царской, – Иоанн IV милостиво объявлял казакам забвение старых провинностей и вечную благодарность России за важную услугу. Ермак был назван *князем Сибирским*, ему было поручено устраивать завоеванную землю. Для принятия же сибирских городов, из Москвы был послан воевода князь Семен Болховской и голова Иван Глухов с отрядом лучших московских солдат – стрельцов.

Ратный крестник Ермака, Маметкул, оказался и в Москве храбрым воином. Он дослужился в русских войсках до чина воеводы – что отвечает нынешнему генералу, – и воевал со шведами, отличаясь мужеством и искусством.

Подаренная Московскому государству донскими казаками Сибирь – усилила Московского царя и стала его снабжать и хлебом, и золотом. Но, вместе с тем, Ермак с донцами подарили русскому народу обширные земли. И, когда тесно стало на Руси, потянулись переселенцы в широкие Сибирские степи, в дремучую тайгу и нашли там отличные места для жизни.

Теперь Сибирь неразрывная часть Русского государства, богатый край со многими красивыми городами. Бежит через этот край железный путь, на днях пройдет и другой, и земледельцы, и скотоводы, и горнопромышленники – живут в завоеванной триста лет тому назад донскими казаками Сибири припеваючи...

7. Смерть Ермака. 6 августа 1584 года

Отправив атамана Кольцо в Москву, Ермак ушел с казаками на север Сибири. Во всех городах он объявлял жителям о подчинении их Московскому царю и оставлял казаков для порядка. Так, в походах и трудах, провел он лето и зиму 1582 года и лето 1583 года. Осенью этого года он возвратился в Сибирь, и здесь его встретил прибывший из Москвы атаман Кольцо.

Радостна была встреча атаманов. Собрался круг казачий и с увлечением слушали донцы длинный рассказ посланца о царском приеме. Сибирский князь Ермак надел привезенные от царя тяжелые доспехи, казаки целовались друг с другом, поздравляя один другого с царскими милостями, делили деньги, делили сукна. Гуляли и пели песни, восхваляя своего атамана.

Дружно и ласково приняли они и стрельцов, прибывших с Кольцом, одарили их сибирскими мехами, отвели им дома. Но Сибирь был небольшой город. В нем не было хороших теплых домов, казаки и татары жили в кибитках, питались чем Бог пошлет. Зима стала ранняя, выпал глубокий снег, реки замерзли. Казаки не могли промышлять ни охотою, ни рыбной ловлей. Скоро в городе стало не хватать съестного. Пришлось плохо питаться. Непривычные к лишениям похода стрельцы начали хворать. От недостатка в овощах в отряде их появилась цинга. Их воевода князь Болховской умер от болезни. С честью похоронили его казаки.

Но вот тяжелая зима стала подходить к концу. Ярче заблистало солнце. Сделалось теплее. Из окрестных деревень потянулись обозы. Ободрилось войско Ермака. Но отряд уменьшился почти наполовину. А летом ему предстояли новые испытания.

Памятник Ермаку Тимофеевичу в г. Новочеркасске

Казачи дружили с татарами и остяками и доверяли им во всем. Сами честные и правдивые в дружбе и товариществе, они считали и татар честными, истинными товарищами... Атаманы казачьи ездили в гости к мирзам, пировали с ними и вели долгие беседы. Татары, между тем, готовили измену. Они льстили казакам, низко кланялись им, пировали с ними, клялись, что они стали их братьями, а сами задумывали жестокую месть. Летом, как-то, атаман Иван Кольцо гостил с 40 казаками у мирзы Карачи. Как всегда, пили пьяную бузу, слушали, как

заунывно пели под звон струн слепые певчие, смотрели медленный танец татарок. Ночью бес-печно полегли все спать, без часовых и без оружия. Забыли казачью сноровку... Под утро никто не встал. Всех зарезал, никого не пощадил жестокий Карача. Не успела рассеяться печаль по этому случаю, как новое несчастье легло на маленький отряд Ермака. Погиб другой атаман его, лихой донец Михайлов. Он погиб на разведке, убитый из засады стрелой.

Гибли казаки. Лучшие воины были убиты. В июне месяце татары вдруг перестали платить дань. У Карачи собралось большое войско, и он обложил им город Сибирь. На этот раз татары были осторожны. Они поставили свои засеки и расположили за ними войско в трех верстах от города. Они решили погубить Ермака и его дружину голодом. Настали тяжелые дни. Ни пушки, ни ружья казачьи не могли достать до татарского лагеря.

И вот, в это тяжелое время снова проснулась доблесть казачья. Атаман Мещеряк вызвал охотников пробиться сквозь стан татарский и напасть на татар сзади. Выбрав безлунную ночь, он тихо вышел из города Сибири и, подкравшись незаметно к главному стану татарскому, бросился резать сонных татар. Оба сына Карачи были убиты. В ужасе татары разбежались, а Мещеряк засел со своим отрядом в татарском обозе. На рассвете Карача собрал татар и атаковал казаков. Но казаки встретили татар дружным огнем из пищалей и отогнали врагов. Мало того, они бросились еще их преследовать и в полдень вернулись в освобожденную от осады Сибирь.

Чтобы наказать врага и обезопасить себя на будущее время, Ермак с 300 казаков отправился в новый поход по Сибирскому царству. К зиме он вернулся с богатой добычей. Все городки были приведены к покорности, на всех наложена дань.

Два года прошло спокойно. Казаки и русские сумели завязать торговлю с соседними народами. Потянулись в Сибирь, а оттуда в Москву из Китая караваны с чаем, из Бухары повезли шелк и хлопок, из далекой Индии благовония и пряности. Богатела Сибирь от торговли.

Узнав об этом, старый Кучум, бродивший в верховьях Иртыша, в 1584 году собрал войско, стал заставою и не пропускал бухарских купцов в Сибирское царство. Об этом донесли Ермаку. Ермак взял 50 казаков и с ними поплыл на лодках вверх по Иртышу. Несколько дней гребли казаки между лесов и угрюмых скал. Они дошли до застав, но нигде не нашли татар. Ермак, проведя весь день в поисках, к ночи с 5-го на 6-е августа вернулся к лодкам и расположился на ночлег. Ночь была темная, лил дождь, ветер шумел вершинами деревьев. Усталые казаки заснули крепким сном. Татары, следившие за казачьим отрядом с другого берега Иртыша, переправились через реку и напали на сонных казаков. Только двое проснулись, Ермак и еще один донец. Ермак отчаянно оборонялся, но видя, что он один, что погибла его верная дружина, бросился в Иртыш, в надежде доплыть до лодок. Но тяжелые доспехи, подаренные ему Иоанном, тянули его ко дну, усталость брала свое, обессиливали руки, туманилась голова – и погиб великий донец, князь Сибирский, не доплыв до стругов.

Другому, простому казаку, удалось пробиться. Он бежал в Сибирь и рассказал там о гибели атамана...

На следующий год в Сибирь из Москвы прибыли воеводы Мансуров, Сукин и Мясной. По Сибирскому царству начали строить городки. В 1585 году поставили Тюмень, а через два года Тобольск, потом Пелым, Березов, Сургут, Тару и Нарым. Сибирское царство, завоеванное донскими казаками, прочно занималось. Остатки Ермаковой дружины положили основание *новому казачьему войску – Сибирскому.*

Умер Ермак, погиб в Иртыше, в отчаянной схватке с татарами, но умерло только брренное тело его. Сам он, великий донской атаман, жив и доньне. Жив в песнях казачьих – старых и новых. И теперь донцы и сибирские казаки в мощной песне вспоминают бурную ночь с 5-го на 6-е августа 1584 года. Кто не знает этой песни, составленной из стихотворения известного стихотворца русского К.Ф. Рыльева?

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молния блистала;
Безперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.

«О, спите, спите», мнил⁴ герой:
«Друзья, под бурю ревущей!
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий.

Вам нужен отдых: сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.

Кто жизни не щадил своей,
Опасность в сечах презирая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все прегрешения буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны?..

Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь Царю покорена,
О, мы – не праздно в мире жили!»

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молния блистала;
Безперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых берегах;
Вздвигались седые волны

⁴ Мнил – старое русское слово – значит, думал.

И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег казачьи челны...

С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала.

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать⁵ презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.

Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна,
И гибель зря⁶, стремится в волны;
Душа отвагою полна;
Но далеко от берега челны!

Иртыш волнуется сильнее...
Ермак все силы напрягает —
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает.

Плывет... уж близко челнока:
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.

Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцырь – дар Царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... Вдруг луной
Иртыш на миг осеребрился,
И труп, извергнутый волной,
В стальной кольчуге озарился.

Носились тучи, дождь шумел,
Во мраке молния блистала,
И гром вдали еще гремел,

⁵ Тать – вор.

⁶ Зря – видя, тоже старое русское слово.

Но Ермака уже не стало!..

На смерть Ермака написаны и еще стихи, сочиненные А. А. Д.

За Уральским хребтом,
за рекой Иртышом,
На далеких отрогах Алтая,
Стоит холм, – и на нем,
под кедровым шатром⁷
Есть могила, совсем забытая.

Много лет уж стоит, и курган сторожит
Этот кедр одинокий угрюмо.
Вкруг него ни куста... Вся дорога пуста
И тиха. Нет ни звука, ни шума.

Хищный вран не летит,
дикий зверь не бежит
Этим местом: здесь кроется диво.
Заколдован курган. С ним и кедр великан,
Что разросся так пышно, красиво.

Говорят, что под ним великан исполин,
И в броню и кольчугу одетый,
Беспокойно лежит, потому что зарыт
По обряду отцов не отпетый.

Триста лет, говорят, это было назад,
Рыбаки в Иртыше неводили
И, в мереже одной, здесь,
на берег крутой —
Вместо рыб – мертвеца притащили.

Был в броне боевой, был в кольчуге стальной,
Роста страшного – пойманный в сети.
И дивились ему, великану тому,
Рыбаки простодушные эти.

Но, не зная, как быть,
как покойника сбыть,
Чтоб на грех не затеять бы дела,
Порешили все скрыть и скорее зарыть
Это мертвое, страшное тело.

И с тех пор, только день перейдет в ночь
и тень,

⁷ Кедр – хвойное дерево, похожее на ель, но с длинными мягкими иглами. В громадных шишках его, с большой кулак величиной, находятся мелкие кедровые орехи. Растет в Сибири.

Из могилы покойник выходит
И всю ночь напролет, по холму взад вперед
С тяжким стоном задумчиво бродит.

Этот стон гробовой над уснувшей землей
По разщелинам гор раздается,
Ужасая собой даже кедр вековой,
Что от стонов от этих трясется.

Есть в народе молва, что порою слова
Можно слышать, к могиле склонитесь:
«Я – Донской был казак, по прозванию Ермак,
О покое моем помолитесь»⁸.

Не забыли Ермака и потомки. В Тобольске, главном городе Западной Сибири, первой, покоренной Ермаком, поставлен ему, по повелению Императора Николая I, в 1838 году памятник, с надписью: «Покорителю Сибири – Ермаку». Другой памятник поставлен в 1904 году, на пожертвования донцов, в Новочеркасске, в войске Донском, на родине Ермака. На этом памятнике надпись: «Ермаку – Донцы». 3-й Донской казачий полк, по повелению ныне благополучно царствующего Государя Императора Николая II Александровича, носит его славное имя. Его же имя носит и 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеевича полк. На Дону есть Ермаковская станица, есть Ермаковы хутора, и не один донец носит славное имя Ермаково, как бы в воспоминание, что деды его ходили в славный поиск с Ермаком и смелой битвой завоевали родной Руси целое великое Сибирское царство!

⁸ Для любителей пения добавим, что на стихи эти есть музыка Д.Э. Добровольского для баса и баритона.

**Церковь в Сибири, построенная сподвижниками Ермака – донскими казаками.
Фото начала XX в.**

8. Жизнь донских казаков при царе Феодоре Иоанновиче. Появление на Дону «голытьбы»

Грозен, но велик был царь Московский Иоанн IV. Всю жизнь вел он войны с соседями Московского государства, стремясь расширить его. От татар он отнял всю Волгу с городами Казанью и Астраханью; пробивался он к Балтийскому морю, одно время овладел Нарвой и всей Ливонской землей – нынешним Прибалтийским краем (губерниями Эстляндской, Лифляндской и Курляндской). Долгое время сражались его дружины с поляками, литовцами и шведами. При нем и ему поднес атаман донской Ермак Сибирское царство, и он первый вступил в сношения грамотами с казаками, почитая их за вольное, дружественное России товарищество.

Из набега

Тридцать семь лет правил царь Иоанн на Руси. Он скончался в 1584 году, в один год с Ермаком. Ермак пережил его всего несколькими месяцами. Ему наследовал и на престол вступил царь Феодор Иоаннович.

Царь Феодор был государь мягкий и добрый. Не было у него такой твердой руки, какую имел его отец, чтобы держать в порядке громадное Московское царство. Скромный, застенчивый, он не любил заниматься государственными делами и ему не под силу было править таким большим царством, каким уже была тогда Московская земля. Его отец, царь Иоанн, понимал это и назначил ему в помощь совет пяти бояр. Совет этот назывался Верховной Боярской думой, состоял из бояр: Мстиславского, Никиты Романовича Юрьева, Шуйского, Бельского и Бориса Феодоровича Годунова. Годунов, на сестре которого был женат царь Феодор, скоро стал почти самостоятельно править всем государством, а по смерти царя Феодора венчался и царским венцом.

На Дону, с уходом Ермака с товарищами в Сибирь, продолжалась прежняя боевая, охотничья жизнь. Собирались за атаманами станицы удальцов, строили лодки и шли «добывать зипунов»: кто на Волгу, кто на Азовское море, кто на Черное, кто на Хвалынское. Задевали

удалые партии всякого и прохожего, и проезжего на Дону, шарили по татарским городкам сильного тогда Крымского хана, не раз затрогивали и турецкого султана.

И крымцы, и турки обижались на казаков. Считая их подданными русского государя, они писали в Москву жалобы на казаков, но Москва отрекалась от них. Из Москвы на эти жалобы обыкновенно отписывали: *«казаки донские и волжские не наши – люди вольные, живут и ходят без нашего ведома»*...

31 августа 1584 года была написана в Москве грамота войску Донскому от царя Феодора Иоанновича.

«От Царя и Великаго князя Феодора Иоанновича всея Русии» – написано в этой грамоте: «На Дон, Донским Атаманам и Казакам, старым и новым, которые ныне на Дону, и которые зимуют близко Азова»... Дальше в грамоте своей царь объявляет казакам, что от Москвы к Азовскому паше послан для переговоров Борис Петрович Благово, и чтобы казаки помогли ему доехать до Азова, а сами с азовскими людьми «жили смирно и задору никоторого азовским людям не чинили», да мало того, чтобы позволили азовским людям ловить рыбу по Дону, рубить там дрова и вообще устраиваться на Дону. Кроме того, запрещалось казакам ходить и на крымцев, и требовалось, чтобы казаки жили с Крымским ханом в мире. И за это царь Московский послал казакам свое жалованье: селитру для пороха и свинец. И на будущее время царь Московский обещал дарить казаков своим царским жалованьем.

Приказывал царь Московский еще донским казакам составить поименно, кто и где атаман, и сколько с ним казаков, и список этот отдать тому же Благово, когда он поедет назад. И за это царь обещал к весне всем атаманам прислать еще жалованье.

Этой грамотой кончалась первобытная вольная жизнь казаков. Не стало им свободы, не могли они больше по своей воле ходить «зипуна добывать», искать добычи. Из вольных людей они обращаются этой грамотой в войско царское, получающее за свою верную службу жалованье. Уже нельзя было, как прежде, любому казаку выйти на площадь, бросить свою шапку оземь и кликать народ – «на Волгу матушку, иль в Сибирь пушных зверей пострелять, на море Черное или Хвалынское». Атаманы были записаны, и станицы донских богатырей должны были составлять дружины царские по указу из Москвы. Донские казаки начинали входить в состав московскаго войска, как постоянные его союзники, верные и храбрые, и за это Московский царь жалует их грамотами, подарками и отличиями...

Но по одной грамоте, по одному царскому указу не могла измениться вся жизнь донцов. Больше ста лет прошло, пока успокоилось все на Дону, пока казаки донские поняли, что с ростом и увеличением могущества Московского царства – им нельзя воевать от себя, составлять партии и охотиться на Волге, Каспии и на Черном море. То тут, то там являлись вольные атаманы, собирали, как и встарь, вокруг себя станицу, и шли громить и грабить – куда глаза глядят. Только станицы эти стали больше. Уже не 20, не 50, даже не сто человек примыкало к атаману, а собирались целыми тысячами. Одни, по призыву Московского царя, шли к его войску воевать наряду с царской дружиной, добывать себе зипуна из законной добычи, отнятой от неприятеля; другие шли самовольно, большей частью, за царское же дело, наказать Азовского пашу или татар, но были и такие, которые шли против царского указа и, помня старые времена, занимались разбоями, где придется...

Охотников идти в набеги на Дону все еще было много. Но добычи стало меньше. Меньше стало и богатства на Дону. А людей все прибывало. Селились с казаками беглые крестьяне, прикрепленные к земле при царе Феодоре Иоанновиче 5 марта 1593 года, бежали люди и от казней. Народа становилось больше. Леса редели, зверя и рыбы было труднее добывать. Пастбищ для скота еще было довольно, но не у всех был этот скот. Пахать и сеять – никому и в голову не приходило. От этой тяжелой крестьянской работы и бежали, да это на Дону было и запрещено под страхом жестокой смертной казни. Так, наряду с «добрыми», домовитыми казаками, имевшими свои дома – курени, жившими по городкам, имевшими коров, быков,

лошадей, получавшими в жалованье из Москвы деньги, сукна, хлеб, порох и свинец, – появились на Дону казаки «голутвенные», «голытьба» – одинокие бедняки, у которых не было

Ни кола, ни двора,
Зипун весь пожиток,
Эх, живи, не тужи —
Умрешь! – не убыток!⁹

Этим беднякам все было – все равно. Им и после царского указа хотелось на Волгу, на грабежи, за добычей.

«А как попадешься,
пели они, —
– так сам отвечай
Головушкой бедной своей».

Одинокие сироты, бродили они по городкам и станицам, ища себе атамана, ища случая получить и добычу. Это про таких «голутвенных» казаков и поется по Дону песня:

Ты воспой, сирота, песню новую!
– Хорошо песню играть, пообедавши,
А я, сирота, еще не ужинал...
Поутру сироту в допрос повели.
– Ты скажи, сирота, где ночевал?
Ты скажи – с кем разбой держал?
– У меня, молодца, было три товарища:
Первый товарищ – мой конь вороной,
А другой товарищ – я сам молодой,
А третий товарищ – сабля вострая в руках!

Много беспокойства доставляли эти голутвенные казаки Московскому государю, но, когда соединялись они с атаманами и шли за царское дело, они составляли грозную силу. Скоро с почтением стали произносить в Москве имя – *великого* войска Донского, и благодарностью была полна Москва за услуги донцов. В тяжелые годы *смутного* времени донцы явились к Москве, готовые или умереть за своего природного Государя – Царя Московского, или победить его врагов.

⁹ «Песня бобыля». Стихотворение поэта И.С. Никитина.

9. Смутное время. Донцы с атаманами Корелом и Межаковым воюют за самозванца

Что же это было за время на Руси, которое история назвала – смутным? Тяжелое это было время.

У царя Иоанна IV, кроме сына Феодора, был еще сын Дмитрий. Он, вместе со своею матерью, Мариєю Нагой, был в опале и жил в маленьком городке Угличе. Когда царем Московским сделался Феодор Иоаннович, он хотел вернуть брата в Москву. Но... совершенно неожиданно пришло известие, что Дмитрий, который был тогда маленьким мальчиком, в припадке падучей болезни закололся. Младенца Дмитрия похоронили, окровавленную рубашечку его привезли в Москву, и, казалось, дело это так и должно было бы кончиться.

Но вскоре в народе стала ходить молва, что царевич Дмитрий не закололся, а что его убили по приказу Бориса Годунова. В те далекие времена ни газет, ни книг, ни печатных известий не было. Да и печатать книги на Руси еще не умели. Книги были только рукописные. Это были списки Евангелия, жития святых, Библия, Псалтырь, книги церковно-служебные. Книги стоили очень дорого. Много труда надо было положить, чтобы переписать книгу. Бывали еще летописи, где записывались события в Московском царстве, какая и где война была, был голод или урожай, и где и когда был пожар. Но и эти летописи писались в монастырях и иметь их могли только очень богатые люди. Народ же по маленьким городкам и деревням узнавал о том, что делается на белом свете, только из рассказов прохожих да проезжих людей. Остановится такой прохожий человек в избе на ночлег и рассказывает, что и где он слышал. А его рассказ передадут другим, да мало того, что передадут, еще и приукрасят своими вымыслами, часто и совсем переврут его.

Вид Троице-Сергиевой лавры

Таким образом, в начале 1604 года стал ходить в народе слух о том, что сын Иоанна IV и природный, законный наследник царского Московского престола не закололся и не убит, – все это рассказы бояр да Годунова, – а жив. Говорили, что, вместо подлинного царевича, убили другого мальчика, а Дмитрия спасли и увезли в Литву, там он вырос и скоро явится в Московское государство и потребует отчета от Годунова. Передавали это тайно, запершись в избе, по секрету: боялись Годунова, – но, известно, чем больше тайна, чем больше секрет, тем охотнее об этом болтают люди и тем скорее это становится известным.

Годунова на Руси не любили. При царе Феодоре Иоанновиче, но по его уговору, прикрепили крестьян к земле и уничтожили свободу перехода от одного помещика к другому, при Борисе в Москве был голод и люди умирали от недостатка хлеба. Пожар истребил Москву. Конечно, все это было не виной Годунова, напротив, Годунов помогал пострадавшим от голода и огня, но народ во всем обвинил Годунова и охотно поверил сказке о том, что царевич Дмитрий жив.

Дошла эта сказка и до Дона. И туда приходившие из русской земли люди принесли таинственную молву народную о подмене в Угличе младенца и о том, что природный государь жив и скоро придет в Москву. И на Дону этому поверили. Там тоже не любили Годунова. Хотя грамота, воспрещавшая казакам ходить под Азов, и была писана царем Феодором Иоанновичем, но и на Дону знали, что составлял и задумывал ее всеильный Годунов. Недовольны были казаки на Годунова и за то, что он запретил казакам продавать в России добычу и построил на Дону городок-заставу, Царев-Борисов на р. Донце, чтобы не пускать донцов на Русь. От нового же молодого царя ожидали только милостей...

Этими слухами воспользовались наглые люди. Они добыли молодого человека, Григория Отрепьева, годами подходившего к возрасту убиенного Дмитрия, тайно отправили его в Литву и выдали там за подлинного сына царя Иоанна IV. Явился ложный царевич-Лжедмитрий, явился самозванец. В нем принял участие исконный враг Московского царства, король польский Сигизмунд. Лжедмитрия окружили католические священники и монахи-иезуиты, мечтавшие обратить всю православную Русь, при помощи самозванца, в польскую, католическую веру. Поляки обещали Лжедмитрию поддержку войском, и 15 августа 1604 года Лжедмитрий тронулся на Москву.

Еще раньше Лжедмитрий послал на Дон литвина Свирского со своей грамотой. В грамоте этой Самозванец писал, что он – сын царя Белого, которому «вы, казаки, вольные христианские рыцари, присягнули в верности»; самозванец звал донцов «свергнуть раба и злодея с престола Иоаннова»...

Как было разобраться казакам в таком темном деле? Писал им такие же грамоты и Борис Годунов. Кому верить? Помутилась вся Русская земля, замутился и тихий Дон. Решили, по случаю приезда Свирского, собрать войсковой круг и на нем обсудить, где правда.

Круг порешил: послать выборных на разведку, и указал на атаманов: *Андрея Корела* и *Филата Межакова*. Живо снарядились атаманы в далекий путь и поехали посмотреть, подлинно ли самозванец – царский сын, и на чьей стороне правда. Донские атаманы были приветливо приняты поляками в стане Лжедмитрия. Все им понравилось у поляков, и хорошие кони, и отличное оружие, и парчевые и шелковые наряды. Всюду видели они богатство и блеск. А когда вышел к ним Лжедмитрий, окруженный знатными польскими панями и вельможами, вышел в золотой одежде, с конвоем из блестяще одетых в золотые доспехи молодых людей, атаманы донские поверили, что он подлинно, точно их природный сын государев.

С такой вестью прибыли они и на Дон.

Внимательно слушали их рассказ на кругу казаки. Многим в приглашении Лжедмитрия виделось славное дело: защита царя русского: другим хотелось похода, добычи. И когда объявили Корел и Межаков, что казаков зовет истинный государь, многие собрались в поход. Вся «голытьба» заволновалась. Добыли коней, добыли оружие и пошли с атаманами в Литву к городку Самбору, где собиралось ополчение Лжедмитрия.

Когда царь Борис Годунов узнал об этом, он послал на Дон дворянина Хрущова для того, чтобы отговорить казаков от помощи самозванцу. Но казаки не поверили Хрущову. Они заковали его и повезли в Сокольники, где в то время находился со своим войском самозванец. 3-го сентября 1604 года они прибыли с ним к палатке Лжедмитрия. Увидев самозванца, Хрущов залился слезами, упал на колени и воскликнул:

– Вижу Иоанна в лице твоём: я твой слуга навеки...

Никто из казаков не видал Иоанна, и потому свидетельство дворянина русского укрепило их в том, что они делают правое дело, и они, с полной готовностью умереть за Лжедмитрия, пошли с ним на Русь. Тогда же послали они на Дон гонцов сзывать еще людей на защиту истинного царя Московского.

Пестрый и буйный был стан Лжедмитрия. И это нравилось казакам. Поляки, литовцы, беглые русские крестьяне, запорожские казаки, татары, попы православные, польские священники, или ксендзы, все это гуляло и браталось с донскими казаками, играло в зернь, шумело, пело песни, ссорилось и мирилось. По душе была такая жизнь гулебщикам-казакам. То, что царь Борис собирает громадное войско, что впереди всех ожидает кровавый бой, их не пугало. На то и родились они казаками, чтобы смерти не бояться.

Первая битва Лжедмитрия с царскими войсками произошла 21 января 1605 года у села Добрынич. Царским войском командовал воевода Мстиславский. Донцы в этой битве участия не принимали. Царское войско, опрокинутое сначала польской конницей и запорожскими казаками, скоро устроилось и встретило полки самозванца залпом из 12 000 ружей. Запорожская конница отступила, оставив без помощи свою пехоту, и пехота запорожцев вся была истреблена.

Победа Мстиславского с царскими войсками была полная. Лжедмитрий на раненом в ногу коне бежал и едва не попался в плен. Полки его разбежались, казалось, дело самозванца было проиграно. Но в это время к нему на подмогу явилось 4000 донских казаков, прибывших с Дона, чтобы постоять за настоящего государя. Это была громадная сила, и самозванец начал новое наступление к Москве.

Донцы, в числе 4000 человек, под начальством атамана Андрея Корелы, и небольшая русская дружина Григория Акинфиева заняли город *Кромы*. Царский воевода Мстиславский, считавший самой опасной силой в стане самозванца донцов, решал взять Кромы. С огромным, 100-тысячным войском подошел он к этому городу. Царские войска поставили кругом города валы и батареи, установили на них тяжелые пушки и мортиры и начали громить город. Но донцы, ходившие не раз под Азов, видали, как нужно строить и оборонять крепости. Смысленным казачьим взглядом Корела скоро увидал, что не устоять деревянным стенам крепости против артиллерийского огня Мстиславского, и сейчас же снарядил казаков на работы. Казаки и солдаты Акинфиева по ночам копали рвы, насыпали валы и окружали крепость высокой земляной насыпью. В ней донской атаман приказал поделывать землянки, насыпал поперечные валы (траверсы), мало того, стал делать валы и впереди главного вала, подаваться земляными работами навстречу врагу и тревожить его в его траншеях.

4000 донцов храбро держались против 100-тысячного войска. Осада затягивалась. Наконец Мстиславскому удалось зажечь деревянный город. Казаки бросились тушить его, царские дружины заняли было земляные валы, но и в них была измена. Неизвестно по чьему приказу, они вдруг были сведены с валов, казаки снова заняли их место, и осада продолжалась...

Тяжело было донцам, стоявшим за Лжедмитрия, но еще тяжелее было царскому войску. Донцы верили в то, что служат настоящему государю, они не сознавали своей ошибки, верили правоте своего дела и им легко было умирать. Не то было у Мстиславского. Там все колебались. Никто не знал, кто истинный царь. Борис, который венчался в Москве царским венцом, или Лжедмитрий, который называет себя настоящим сыном Иоанновым.

И оттого не могли царские войска сражаться спокойно, оттого болезни и колебания губили их стан. 13 апреля 1605 года в Москве скончался царь Борис. Москва спокойно присягнула сыну его Феодору, но в стане русских войск, стоявших под Кромами, присягу дали неохотно. Новые воеводы, прибывшие на смену Мстиславскому, изменили Феодору, признали Лжедмитрия своим царем, и отсидевшийся в Кромах донской атаман отпер перед ними двери, как перед друзьями.

Царь Феодор, совсем еще мальчик, и мать его царица Мария Годунова – были убиты в Москве. 20 июня 1605 года самозванец торжественно вступил в столицу Московского царства. Вошли с ним в Москву и донские казаки, остававшиеся все время верными ему и считавшие его настоящим государем.

Около года Григорий Отрепьев – он же и Лжедмитрий – был царем на Руси. Сначала он был милостив и справедлив к народу, щедро награждал казаков и солдат, бывших с ним, но вскоре стал окружать себя поляками. К нему явилась его невеста, польская княжна Марина Мнишек, а с ней и польские ксендзы и паны. С русскими стали обращаться жестоко и гордо.

В народе пронесся слух, что русских будут крестить в католическую веру... Народ московский возмутился и под предводительством любимого своего боярина Василия Шуйского, 17 мая 1606 года, ворвался во дворец и растерзал Лжедмитрия.

Царем Московским народом был избран князь Василий Иванович Шуйский.

Можно ли обвинять донцов в их ошибке? Они служили верою и правдою Лжедмитрию потому, что для них он был не Лжедмитрий, а царь Дмитрий Иоаннович. Он был для них настоящий государь. Они не бросились к нему по первому призыву, но подробно разведали раньше о нем. Они увидели, что Лжедмитрию отдавали должную честь и паны, и вельможи, и сам король Польский смотрел на него как на равного. Могли ли они, простые люди, честные и прямые, как истинные воины, догадаться, что это обман? Притом же Дмитрий их обласкал и принял как честных людей, а из Москвы в это время нехорошие шли вести: «теперь, – говорили проезжие люди, – везде казаков сыскивают, вешают и побивают». И казакам не верилось, чтобы царь истинный так наказывал казаков за их верную службу. И все-таки донцы еще колебались. Но когда Хрущов, знатный московский боярин, засвидетельствовал перед ними, что Лжедмитрий настоящий природный государь – все сомнения их кончились. Они присягнули Дмитрию, как сыну Иоаннову. Когда же увидели они его во главе войска, молодого, ловкого наездника, хорошего стрелка, смелого и доброго, они полюбили его и как начальника. Горячо сражаясь за Лжедмитрия, казаки показали, как умеют они воевать за своего государя, а государем своим в то тяжелое, *смутное* время они почитали, и не без основания, – Дмитрия Иоанновича, а не Бориса Годунова.

10. Смутное время на Руси. Донцы с атаманом Епифанцем на службе у второго самозванца

Донские казаки недолго оставались в Москве. Большая часть их, вместе с атаманом Корелой, получившие еще от Лжедмитрия хорошую награду за мужество, отправилась обратно на Дон охранять свои вольные юрты от азовцев, крымцев и ногайцев. Осталось человек 500 настоящих гулебщиков, казаков голутвенных, с атаманами Межаковым, Епифанцем, Коломной, Романовым и Козловым. Они жили около Москвы в своем казачьем стане, проживая полученное жалованье, чужим разведничьим чутьем, что тут, под самой Москвой, теперь опаснее, чем под Азовом, что Русь замутилась окончательно. Под самой Москвой бродили отряды поляков, стоял большой стан запорожских казаков и, хотя войны Москва ни с кем не вела, – всюду были ратные люди, всюду шумели и волновались вооруженные толпы народа.

Народ был празден. В это смутное время мало кто занимался обработкой полей. Боялись прихода неприятеля, боялись, что солдаты отберут и потопчут поля. От праздности, от голода – целые шайки крестьян бродили под Москвой, занимаясь воровством, а при случае и грабежами. Страшно было жить на Руси. Но эта напряженная, опасная жизнь нравилась донцам, в ней они были как рыба в воде.

Царь Шуйский не мог навести порядок на Русской земле. Он был слаб. Главное же, ему не на кого было положиться. Кругом была измена. Бояре завидовали ему, подкапывались под него, готовили новый мятеж.

Защита Троице-Сергиевой лавры от поляков в 1611 году

Уже 17 мая 1606 года в народе появились новые, нелепые слухи. Боярин князь Григорий Шаховской стал распускать слух о том, что царь Дмитрий жив, что в Москве убили не его, а какого-то немца, и что он укрывается пока, готовит силы, чтобы свергнуть царя Василия. Нашли и человека, похожего на Лжедмитрия. Вокруг него собрались вооруженные толпы

беглых крестьян, поляки, примкнули к ним и некоторые отряды запорожских казаков. Так появился на Руси второй самозванец – Лжедмитрий II. Снова начались бои и осады городов русских русскими же войсками. Не довольствуясь одним самозванцем, в взбунтовавшихся толпах выдумали еще и третьего – Лжепетра, рассказывая о том, что будто бы у царя Феодора Иоанновича был сын Петр. Каждая шайка выставляла своего самозванца. Беглые крестьяне, городская гольтьба, воры и мошенники составляли шайки, выбирали себе предводителя и грабили усадьбы, жгли деревни, сжигали хлеба. В минуту опасности они являлись к какому-либо из самозванцев и становились в ряды его дружин, называя себя казаками.

Но какие же это были казаки?

Настоящие казаки ожидали прояснения в этом смутном деле. Первые же слухи о появлении Лжедмитрия II их взволновали. Ведь они ему присягали, они считали его прирожденным государем, они любили его, как своего царя! – значит, они должны были бы и умереть за него. Но так же, как и первый раз, они не торопились идти по первому слуху. Они послали разведать, что за новый Димитрий появился на Руси. Теперь это было легче сделать. Большинство казаков видело и знало Димитрия. Разведчики вернулись с неутешительными вестями. Они не видели Димитрия. Он скрывался где-то в Литве, он не появлялся к своим войскам, за него воевали и управляли князья и воеводы. Это не походило на Лжедмитрия. Тот был храбр. И казаки решили выждать, что будет дальше. Их сманивали богатыми дарами, прельщали большим жалованьем – они ждали, где будет правда. И только тогда, когда польские войска, воевавшие от имени самозванца под начальством гетмана Рожинского, подошли к самой Москве и укрепились в Тушине, часть донцов, увлеченных атаманом Епифанцем, явилась к нему и обещала участвовать в осаде Троице-Сергиевой лавры.

Но, давши это обещание, казаки были неискренни. Им, настоящим русским людям, трудно было быть заодно с поляками. Рука не поднималась бросать ядра в стены, за которыми сверкали православные кресты и хранились мощи преподобного Сергия, весьма чтимого донскими казаками. Совесть мучила донцов. Тревожили их сонные видения.

Одному из казаков явился ночью св. Сергей и говорил ему: «Не даст вам Бог жезла на жребий свой».

Он рассказал про это видение товарищам, и призадумались донцы. Доложили о видении атаману. Епифанец отправился к польским воеводам Сапеге и Лисовскому и рассказал им о смущении своих товарищей.

– Эти знамения, – сказал донской атаман, – не на добро нам: будет великая гибель!

Польские паны сочли Епифанца человеком опасным, могущим погубить все дело, и решили убить его. Но донцы узнали об этом. Страшное возмущение произошло в их стане. Живо собрались они при оружии на круг, вынесли иконы, помолились и все, как один, поклялись преподобным Сергию и Николаю – «не делать зла царствующему городу Москве и стоять с православными заодно на иноверных». В ту же ночь поседлали они коней и пошли из стана польского на юг, к себе, на Дон. Поляки сейчас же снарядили за ними погоню из литовской конницы. Литовцы догнали донцов на р. Клязьме у деревни Вохны. Начались переговоры. Литовцы увещевали донцов вернуться к полякам и продолжать осаду монастыря, но казаки были непреклонны. Литовцы хотели взять донцов силою, но казаки не дались и спокойно вернулись на Дон, в свой Смагин юрт.

С уходом донцов легче стало монастырю. Иноки лавры составили об этом *писание* и отметили на память потомству глубокое усердие донцов к вере.

11. Смутное время на Руси. Донцы прогоняют поляков из Москвы. Избрание на царство царя Михаила Федоровича

Атаман Межаков с остальными донцами, не увлекшимися соблазнами Сапеги и Лисовского, оставался в бездеятельности. Во Лжедмитрия II не верилось, царь же Василий Шуйский возбудил казаков против себя тем, что преследовал казаков, считая и донцов заодно с ворами и беглыми крестьянами.

10 декабря 1610 года Лжедмитрий II был убит, и всякие сомнения у казаков должны были исчезнуть.

Спасать уже приходилось не царей, которых было двое и которые воевали один против другого, а нужно было думать о спасении Руси православной от поляков. Польские полки короля Сигизмунда занимали все города русские к западу от Москвы, сам король с большим войском шел в Москву, намереваясь посадить на престол Московских государей своего сына, королевича Владислава.

В эту пору порабощения Руси поляками и жидами, когда все русское угнеталось, давилось и топталось в грязь, когда над русскими людьми смеялись, а сами русские легкомысленно вставали друг на друга, помогая врагам, в эту пору нищеты и несчастья, со страшной силой вспыхнул на Руси патриотизм, то чувство сильной, все преодолевающей любви к родине, которое таится в груди каждого человека и составляет самое святое и драгоценное его души. Не зря говорится: чем ночь темней – тем ярче звезды... Чем тяжелее было русским людям в это ужасное время смуты, тем на большее самопожертвование оказались они способны. Из Троице-Сергиевой лавры на Русь шли воззвания о помощи. Монах Авраамий Палицын красноречиво описывал бедствия Русской земли:

«Отечество, – писал он, – терзали более свои, нежели иноземцы: наставниками и предводителями ляхов были наши изменники. С оружием в руках ляхи только глядели на безумное междоусобие и смеялись. Оберегая их в опасности превосходным числом своим, русские умирали за тех, которые обходились с ними как с рабами. Вся добыча принадлежала ляхам и, избирая себе лучших юношей и девиц, они отдавали на выкуп ближним и снова отнимали их... Многие гибли уже не за отечество, а за свои семейства: муж за жену, брат за сестру, отец за дочь. Милосердие исчезло: верные царю люди, взятые в плен, иногда находили в ляхах жалость и уважение; но русские изменники, считая их противниками царя Тушинского (Лжедмитрия), подвергали жестокой смерти: кидали в реки, расстреливали из луков, перед родителями жгли детей, носили их головы на саблях и копьях, младенцев разбивали о камни. Смотря на это, сами ляхи содрогались и говорили: что же будет нам от россиян, когда они и друг друга губят с такой лютостью. В этом омрачении умов все хотели быть выше своего звания: рабы – господами, чернь – дворянством, дворяне – вельможами. Не только простые простых, но и знатные знатных обольщали изменой. Вместе с отечеством гибла и церковь: храмы были разоряемы: скот и псы жили в алтарях, воздухами и пеленами украшали коней, из чаш со Св. Дарами пили, на дискос клали мясо, на иконах играли в кости... Священников и иноков жгли огнем, допытываясь сокровищ. Города пустели. Могилы, как горы, везде возвышались. Граждане и земледельцы укрывались в дебрях, в лесах или болотах. Грабители, чего не могли взять с собою, сожигали дома и все, превращая Россию в пустыню!»

Князь Пожарский в битве под Москвой. 1611 г.

По всем городам читали эту печальную повесть. И со слезами на глазах говорили русские люди: да, это правда! И вот, из среды русских людей выдвинулись сильные духом граждане. Нижегородский купец Козьма Минин собирал пожертвования на устройство сильной рати, чтобы изгнать поляков. Во главе этого нового ополчения становился старый, но искусный воевода князь Дмитрий Пожарский. Царю Василию и Москве шло на помощь одушевленное любовью к родине войско.

В Рязани против Сигизмунда и поляков восстал дворянин Прокопий Ляпунов. Его пылкие, страстные речи увлекли донцов, и Межаков с казаками примкнул к его ополчению и стал уже не за царя, про которого он не знал, кто истинный царь, а за Русь и за веру православную. Свое содействие Ляпунову в спасении Руси предложили и бывшие изменники, сторонники Лжедмитрия, Заруцкий и Трубецкой, бывшие начальниками всякой московской сволочи и беглых людей и называвшие себя «казацкими» атаманами. И Ляпунов, горячий и честный, принял и их в свое войско.

В начале марта 1611 года Ляпунов уже шел к Москве. В Москве стояли поляки. По всем углам, площадям и улицам были расставлены сильные конские отряды. Народ был возбужден. Поляки опасались открытого бунта в самой Москве. И, действительно, 19 марта поляки начали избивать москвичей сначала в Китай-городе, в торговых рядах. Из Китай-города они пошли к Тверским воротам и здесь разыгралась жестокая битва в улицах Москвы. Народу, стрельцам и ополчению князя Пожарского удалось загнать поляков обратно в Кремль, но подожженная ими Москва горела в разных местах. Три дня длился пожар, и большая часть Москвы выгорела...

И в стане Прокопия Ляпунова было неблагополучно. И это неблагополучие больше всего чувствовали казаки. Свободные, вольные у себя дома, казаки на походе сковывали себя железной дисциплиной. В дисциплине, в порядке, в беспрекословном подчинении воле атамана они

видели главный залог успеха, чуяли победу. В отряде же Ляпунова не было дисциплины. Воеводы его не слушались, каждый делал что хотел, чернь и беглые крестьяне, самовольно называвшие себя казаками, пьянствовали и бесчинствовали. Они тянули к своему вождю, Заруцкому, которого называли атаманом. Ляпунов пытался ввести порядок в этой дикой и пьяной толпе, которая окружала Заруцкого. Однажды двадцать негодяев Заруцкого, именовавших себя казаками, были пойманы на месте преступления, в грабеже крестьянского имущества. Ляпунов приказал казнить их по казачьему обычаю: в куль, да в воду. Во всем стане казачьем поднялась тревога. Полки Заруцкого схватили оружие и кинулись частью к ставке Ляпунова, частью в Донской лагерь.

Живо собрались донцы в круг. Атаманы Заруцкого с волнением стали передавать донцам будто бы изданный Ляпуновым приказ: перевешать всех казаков.

– Так и указал, – кричали они: – где поймают казака – бить и топить. Идите под Заруцкого или Трубецкого!

В это время прибежали и еще люди и сообщили, что Ляпунов убит чернью Заруцкого, и что теперь войском будет командовать Трубецкой.

Межаков с товарищами согласились стать под начало Трубецкого и Заруцкого.

Но эти люди оказались недостойными предводителями. Они переписывались тайно со вновь появившимся самозванцем и поляками и со всею своею ордою стояли, ничего не делая, в то время, как вся Русь поднималась против врагов отечества как один человек.

Не только поляки, но и прежние враги России – шведы, думая, что Руси пришел конец, послали свои войска и предлагали своего королевича в цари Московские.

Но не погибла Русь. Из Троице-Сергиевой лавры шли от архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына грамоты и увещания всем подниматься за Русь и идти под знамена князя Пожарского. Грамоты эти приходили и в стан Трубецкого и Заруцкого. Читали их и наши донцы и ждали прихода князя, надеясь, что он введет порядок в лагерь и поведет их спасать Москву.

20 августа 1612 года войско князя Пожарского подошло к Москве и остановилось в 5-ти верстах от нее, на р. Яузе. Трубецкой, стоявший под Москвой, звал князя стать вместе с ним, но из стана кн. Пожарского и Козьмы Минина получил ответ:

– Отнюдь не бывать тому, чтобы наш стан вместе с ворами-казаками.

Трубецкой и казаки обиделись. Обиделся и Межаков с донцами, и хотя и понимали они, что ворами-казаками в ополчении Пожарского называли действительно воров, самозванных казаков Заруцкого, но обида осталась в сердце донцов, и они не пошли от Трубецкого.

Пожарский приступил к правильной осаде Москвы, прочно занятой поляками. На выручку Москве пошло польское войско гетмана Ходкевича. Вечером 21 августа Ходкевич уже занял Поклонную гору. На рассвете 22 августа Ходкевич перешел через Москву-реку и напал на войска князя Пожарского. С восхода солнца, в продолжение 7 часов, бились поляки с русскими и, наконец, начали одолевать. Уже полки Пожарского отступили к городским стенам, уже разбитая отличными польскими конными латниками мужицкая конница Пожарского стала спешиваться и, не умея сражаться в спешенном порядке, побивалась поляками, уже гибло дело защитников Руси! Но явилась в тяжелую минуту гибели помощь – и помощь эта была – *Донцы*.

Они давно стояли на краю лагеря Трубецкого и ждали, когда же они пойдут в бой. Но наглая, распущенная чернь Заруцкого, он сам и Трубецкой спокойно смотрели, как под ударами поляков гибли русские люди. Они смеялись над неудачами рати Пожарского и ругали несчастных ополченных мужиков.

Донские казаки атаманов Межакова, Коломны, Романова и Козлова были готовы к бою. Они держали лошадей в поводу, и скорбели их простые казачьи сердца при этой гибели русского народа. Но больше всех возмущался сам Межаков. Уже давно чуял он измену в Трубец-

ком и Заруцком, давно догадывался, что не о государственном, не о русском деле хлопочут они. И теперь, при виде победы поляков над русскими, он сказал Трубецкому открыто:

– От вашей нелюбви Московскому государству пагуба становится!

А потом, обернувшись к своим донцам, крикнул: «на коней!» и помчался стремительной лавою на польские войска. Поляки дрогнули и побежали. Многие из них были порублены казаками, остальные отступили в свой лагерь на Поклонную гору.

25 августа гетман Ходкевич отошел совсем от Москвы. Перед войском Пожарского был только небольшой отряд, прочно укрепившийся в Москве.

После победы над поляками у Поклонной горы Пожарский примирился с Трубецким, и только чернь Заруцкого мучила всех, ссорилась с ополченцами, требовала жалованья и грозила уйти и перебить начальников. Но к ним явился архимандрит Дионисий и обещал им выдать все сокровища Лавры, и тем успокоил их.

Донские казаки с атаманом Межаковым заняли видное место в войске Пожарского. Да, можно сказать, только они одни и были настоящим, обученным, дисциплинированным, стойким войском. Остальные были толпой, вооруженным народом. Помощь донцов сказалась в бою 25 августа, когда донцы взяли приступом польское укрепление близ церкви Св. Климента, а потом, севши на коней, врубались в польскую конницу, сражавшуюся с нижегородской конницей Минина, и так храбро накинулись на поляков, что прогнали их. Во время осады Москвы, 22 октября, донцы взяли приступом Китай-город.

Наконец, 22 ноября 1612 года последние остатки поляков, запершиеся в Кремле, доведенные голодом до отчаяния, сдались. Вся Москва была освобождена от поляков.

Русский народ не забыл помощи донских казаков в это тяжелое смутное время. В те поры зародилась на Руси и пословица – *«пришли казаки с Дону – погнали ляхов к дому»*.

27 ноября 1612 года все ополчения сошлись на Красной площади у Лобного места. Здесь архимандрит Дионисий начал служить торжественный молебен. После молебна войско и народ двинулись в Кремль. Там, в Успенском соборе, отслужена была обедня и второе молебствие по случаю освобождения Москвы от поляков.

Под Москвою же архимандрит Дионисий и келарь Авраамий прислали атаману Межакову богатую церковную утварь взамен награды за помощь, оказанную в войне с поляками. Но донской атаман вернул эти вещи Дионисию, сказавши, что казаки считали своей обязанностью и долгом помочь Москве, что они очень тронуты этим подарком, видят в нем признание своих заслуг, но вещей не возьмут, что они и так поклялись – не взявши Москвы, не идти на Дон, – и исполнили клятву!

Король Сигизмунд лично спешил к Москве с большими войском, но его встретило ополчение Пожарского и донские казаки с атаманами *Марковым* и *Епанчиным*, которые пришли с Дона. Король был разбит у Волоколамска и бежал, преследуемый воеводой Иваном Карамышевым и донскими казаками до самой границы своего королевства.

Подлинно: пришли казаки с Дона – погнали ляхов к дому!..

21 февраля 1613 года в Москве, для выбора царя, собрались выборные люди со всей России – Земской собор. На соборе царем был избран Михаил Феодорович, по прямой линии происходивший от Рюрика и близкий родственник царя Иоанна IV.

Избрание на престол боярина Михаила Федоровича Романова

На Земском соборе этом, подобном Государственной думе, обсуждались между прочим и действия казаков. Смешивая чернь и беглых негодяев, окружавших Заруцкого, с казаками, московские люди всячески поносили имя казачье. Другого названия, как «воры казаки», им не было. Спокойно выслушал все эти обвинения и брань представитель донских казаков, а потом с достоинством объяснил, что донские казаки не могут принять на себя этих обвинений, что они работали только на пользу Москвы, никого не грабили и такими же бедняками и нищими возвращаются домой, какими и пришли с Дона. Он просил не смешивать казаков, пришедших

с Дона, с теми негодьями, которые самовольно назвали себя казаками. И там же на соборе было постановлено – казаками этих воров не называть, чтоб прямым атаманам, которые служат, бесчестья не было. На соборе при выборе царя вышло разногласие между боярами. Первым за Михаила Феодоровича подал голос Галицкий дворянин. Это раздражило многих. Раздались сердитые голоса: кто принес? Откуда? В это время из рядов выборных выделился донской атаман и, подошедши к столу, также положил свое писание. – «Какое это писание ты подал, атаман?» – спросил его кн. Д.М. Пожарский. «*О природном Царе Михаиле Феодоровиче*», – отвечал атаман. Этот атаман решил дело. «Прочетше писание атаманское, бысть у всех согласен и единомыслен совет», пишет летописец. Михаила провозгласили царем.

Так кончилось смутное время междуцарствия на Руси. Донские казаки, участвовавшие во всей этой тяжелой боевой работе, в решительную минуту явились спасителями Москвы. Их чисто русское сердце подсказало им, что нужно делать, и помогло им разобраться в таких сложных делах, где и русские князья и воеводы теряли головы.

Не велико было число донцов, но там, где они появлялись – они заражали всех своим мужеством, знанием военного дела, преданностью государю и государеву делу. Имя атамана Межакова должно стоять наряду со славными именами спасителей Москвы и Русского государства – князя Пожарского и Козьмы Минина. Донцы не забудут того, что он поддержал славу и честь пославшего его Войска Донского.

Памятник Минину и Пожарскому в Москве. Середина XIX в.

12. Запрещение казакам заниматься набегами по Волге и ходить под Азов

15 июня 1614 года от царя Михаила Феодоровича приехал на Дон, в Смагин юрт, царский посланник Иван Опухтин с грамотой от царя и царским жалованьем. Весть о прибытии его быстро разнеслась по юртам казачьим, и казаки съехались к нему и собрались на круг. Иван Опухтин, по наказу царскому, спросил их, от имени государя, об их здравии.

Атаманы и казаки на это приветствие встали на колени и били головой до земли, а потом поднялись и атаман от имени казаков отвечал:

– Дай, Господи, чтобы Государь, Царь и великий князь Михаил Феодорович всея Руси был здоров и счастлив и многолетен в своих государствах, а мы, слыша к себе Его Царского Величества неизреченную милость, чего от прежних государей нам не было, о его многолетнем здоровье Бога молим и милосердому Господу хвалу воздаем!»

После этого Иван Опухтин подал атаману царскую грамоту и передал государево жалованье: деньги, сукна, порох, свинец, селитру, серу и припасы, и сказал им, что государь приказал, чтобы они ему служили, о его государских делах радели и промышляли так, как государь укажет им в своих грамотах.

Атаман на это отвечал, что казаки рады Его Царскому Величеству служить и кровь свою в борьбе против его государевых недругов и изменников проливать, пока они живы, готовы и до смерти биться, сколько Бог поможет. После этого казаки служили молебен, стреляли из ружей и из пушек, а потом читали царскую грамоту и слушали ее, сняв шапки. Затем судили одного казака за то, что во время смуты он, в пьяном виде, смеялся над атаманами и казаками и говорил, что они делают вздор, воюя за государевы дела, что все равно всех их покорит Заруцкий. Товарища его за такие же дерзкие слова уже повесили и этого тоже хотели казнить, но просили Опухтина помиловать, потому что говорил он это спьяна и по глупости, а не с умыслом.

Казака помиловали, и атаман перед всем кругом войсковым прочел ему выговор за то, что он своими воровскими словами смущал казаков и порочил их.

После этого круг разошелся, принесли на площадь доски, устроили столы и стали делить царское жалованье, а потом пировали до утра...

Пожалование донским казакам царского знамени царем Михаилом Федоровичем в 1614 году. С картины художника Д.Н. Кардовского

И часто стали ездить так бояре через Донскую землю. То привезут жалованье, то доставят грамоту, то едут к султану турецкому, то к Азовскому паше, то к крымцам. Всех этих людей казаки обязаны были встречать и провожать через войско для того, чтобы никто их не обидел.

Московское государство, которое было раньше далеким и маленьким, вдруг приблизилось, усилилось и устроилось. Раньше оно отрекалось от казаков. «Казаки-де, – писали из Москвы, – люди вольные, нам не подчиненные»; теперь, после того как в Москве убедились, какая большая сила Донское войско, – от него не отрекались, но просили донцов не трогать ни татар, ни турок, пока Москва с ними в мире. Приглядывались донцы и к московским людям, узнавали, что делается на Москве, и старые атаманы и казаки начинали понимать, что настает

конец вольной, гулебной, охотничьей жизни. Грамота за грамотой напоминали нашим предкам об этом.

Но остановить казаков от набегов еще нельзя было. Это была их жизнь. Набегами да охотою они существовали. Для этого дела шли на Дон новые люди, жаждавшие удалых поисков. Притом же, постоянно жаловавшиеся на казаков азовцы сами задирали донцов, брали пленных, мешали ловить рыбу. Тут, в гирлах Дона, на Азовском море, война продолжалась по-прежнему, и набеги казачьи доходили и до больших черноморских городов – Синопа и Трапезонта.

И вот, 22 октября 1625 года пришла от царя Михаила Феодоровича грамота. В грамоте этой царь писал казакам о том, что посланным от него в Крым Осипу Прончищеву и Болдыреву в Крыму было много неприятностей от царя крымского. Грозилась крымцы идти войною на Москву и жаловались на донцов за то, что они взяли Трапезонт, подходили к Азову, на р. Каланче взяли башню, сняли с нее пушки, а караул убили. Кроме того, жаловался султан Махмет Гирей на казаков и за то, что они взяли у него город Старый Крым. Просил крымский хан запретить казакам ходить по Черному морю и нападать на турецкие корабли.

«Мы уже приказывали вам об этом, – писал государь, – и вы то наше повеленье поставили ни во что, и нашего повеленья не слушаете, и нам то в великое подивленье!»

Напоминал царь казакам о том, как скверно им жилось раньше: «и вам, – было писано в грамоте, – было бы пригоже памятовать, какая вам неволя была при прежних царях Московских, а особенно при царе Борисе. Вы не могли не только приехать в Москву, но даже и в пограничные города к своим родным придти; всюду вам было запрещено покупать и продавать. Во всех городах вас хватили, сажали в тюрьмы, многих казнили, вешали и в воду сажали... Мы же все ваши прежние вины забыли и приняли вас, как своих верных слуг».

Напоминал царь казакам и о том, что он их жалует за их верную службу своим жалованьем. Упрекал государь казаков за и их дружбу с запорожскими казаками, которые в смутное время много насилия и беспорядка производили в Московской земле и стоя за ляхов.

Длинная была грамота, на двенадцати листах. Долго читал ее войсковой дьяк на кругу. В конце царь грозил лишить казаков своего жалованья, запретить им ездить в русские города. «И в том, – заканчивал царь свое послание, – вы будете сами виноваты, а не я».

Приздумались казаки. А тут еще пришло известие, что ездившая с Дона в Москву на зиму за жалованьем, так называемая *зимовая станица*, четверо казаков с атаманом Алексеем Старовым, схвачена в Москве и сослана в монастырь на Белое озеро. Нужно было мириться и слушать царское повеленье.

Два года спустя казаки собрали по этому случаю войсковой круг. На кругу атаман *Елифан Радил* по общему уговору учинил следующий *крепкий наказ*: – «от сего времени, впредь и навсегда, чтобы никто с Дона не ходил для воровства на Волгу; а ежели кто объявится на Дону, и тому быть казнени смертью».

Мало того, казаки отписали и волжским казакам, чтобы и они не ходили для добычи по Волге.

Это был первый приказ о том, что набег почитается за преступление. Раньше тоже на «воров казаков», ходивших на Волгу, смотрели нехорошо, но гулебщиков не преследовали, – теперь же, «от сего времени и навсегда» – казаки преследовали за набеги, позорили тех, кто не слушался, били на кругу кнутами, а иных, по казачьему обычаю, сажали «в куль, да в воду», а предводителей выдавали Москве для казни при всем народе.

Многие казаки считали виновным во всех этих несчастьях турецкого султана и крымского хана. Они-де жаловались царю и настраивали государя против казаков. В 1630 году в Москву приехал от турецкого султана посол, грек Фома Кантакузен. Он опять жаловался на казачьи разбои и передавал отцу царя, патриарху Филарету, что султан, если царь не угомонит казаков, возьмет Дон себе и разрешит казакам грабить Московскую землю.

Казачков, сопровождавших Кантакузена, сослали в ссылку, а на Дон не было послано жалованья. Для увещания же казаков, вместе с ехавшим обратно Кантакузеном, был послан посол Савин с воеводою Иваном Карамышевым с 700 стрельцов. Прибытие на Дон, неизвестно для чего, русского войска смутило казаков. Карамышев благополучно на лодках доехал до устья р. Маныча и здесь остановился у Орехова ярка, недалеко от Монастырского городка. Посол Савин потребовал атаманов и казаков в стан свой для выслушания царской грамоты. Но казаки и раньше принимали царских послов и знали порядок, как это делается. Посол должен сам придти и говорить речь по наказу царскому и войсковой дьяк в его присутствии должен был читать грамоту на кругу перед атаманами и казаками. Войсковой атаман пригласил Савина на круг. Савин пришел, и при нем прочли царскую грамоту, в которой казаков опять обвиняли в набегах на Азов, на Крым и на Турецкие земли. Царь приказывал казакам, чтобы загладить свою вину, учинить крепкий мир с азовцами и под начальством турецких пашей идти на войну с поляками.

– Пока же вины не исправите, – жалованья вам не будет!.. – так закончил свою речь царский посол.

Молча, опустив головы, выслушал круг войсковой царское посланье. Все стояли, покорно обнажив головы. Когда кончилось чтение, атаман надел шапку и зашумели, как рой пчел, казаки. Приехавшие с послом из Москвы казаки рассказали, что по просьбе Фомы Кантакузена 60 казаков сослано в ссылку. И еще шумнее стало на кругу. Но, вот, атаман, выслушав ответы старшин, взялся за шапку.

– Помолчи, честная станица! – звонким голосом возгласил есаул. – Атаман трухменку гнет...

Смолк круг войсковой. Атаман начал держать речь царскому послу.

– Войско Донское, – сказал он, – молить Бога о многолетнем здравии Царя и Патриарха не перестанет! С воеводами царскими, но не с пашами басурманскими против всякого врага мы готовы идти поголовно. И головы свои за Царя сложим. По воле Государя с Азовцами помиримся и послов до Азова с честью проводим!

– А на море ходить перестанете? – спросил Савин.

– Не ходить на море нам нельзя, – отвечал атаман. – Казаки на море против басурман ходят потому, что им иначе кормиться нечем. Без добычи казаки будут наги и босы. Царского жалованья мы давно не получаем, и сейчас его с вами не прислано. Азовцы сами виноваты, что казаки ходят против них. Они сами задирают казаков, грабят нашу границу.

– Аминь! – раздались голоса из круга.

Наступало время кончить переговоры и расходиться, но тут из круга начали раздаваться отдельные буйные и гневные голоса. Сверкнули обнаженные шашки над головами.

– Фому (Кантакузена) – в воду!.. кричали казаки. – Его вина, что 60 провожавших его товарищей наших томятся в ссылке! В воду предателя!

– И Карамышева в воду! Он сам вызвался идти на Дон и похвалялся, что без царского указа напоит казаков допьяна и всех перевешает.

– Глянь, какой пряткий!

– Он Царя не чтит!

– Он и когда грамоту царскую читали, стоял в шапке, закуся бороду!

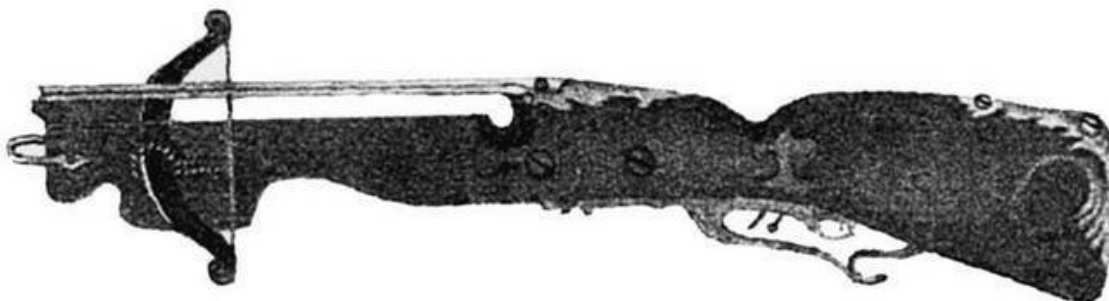
Часть казаков бросилась на Карамышева, отбила его у перепуганных стрельцов и бросила в воду, изрубив саблями.

Ни атаман, ни Савин не могли остановить буйных казаков. Совершив свое злодейство, они разбежались.

Атаман обещал разыскать виновных, назначил большой конвой для проводов Кантакузена и Савина и распустил круг.

Про этот случай у казаков сложилась песня:

Подымался с Москвы большой боярин,
Он на тихий Дон гуляти.
Не доехавши тиха Дона становился,
Похвалялся всех казаков перевешать;
Казаки-братцы тотчас догадались,
Во единый круг они собирались,
Среди круга становился Царев боярин,
Он стал читать Государевы указы.
Дочитался он до Царского титула,
Казаки все шапки снимали,
А большой Царев боярин шляпы не снял,
Оттого казаки взволновались,
На боярина они бросались,
Буйну голову его срубили,
А бело тело в тихий Дон бросили,
И, убивши, телу говорили:
Почитай ты, боярин, Государя,
Не гордись ты перед ним и не славься.
Ко Царю они с повинной приходили.
Ты гой еси, батюшка, православный Царь!
Ты суди нас праведной расправою,
Повели над нами делать, что изволишь:
Ты волен над нашими буйными головами!

Аркебуз (старинный усовершенствованный лук)

13. Взятие Азова. 18 июня 1637 года

Как было казакам исполнить повеление государя и не воевать с азовцами, когда у азовцев томились в жестокой неволе молодые казаки и казачки?!

И теперь еще можно слышать, как поют донские казаки следующую песню:

Ах талан ли мой талан такой¹⁰
Или участь моя горькая!
Ты звезда моя злосчастная!
Высоко звезда восходила,
Выше светла млада месяца,
Что затмило солнце красное!
На роду ли мне написано,
На делу ли¹¹ мне досталось,
Что со младости и до старости,
До седого бела волоса,
Во весь век мне горе мыкати,
Что до самой гробовой доски?
Во Азове славном городе,
Во стене ли белокаменной,
Как была тут темная темница
Без дверей и без окошечек;
Во той ли темной темнице
Сидел там добрый молодец,
Добрый молодец Донской казак,
В заключенье ровно двадцать лет,
Ровно двадцать лет и два года;
Случилось тут мимо ехати
Самому царю Турецкому.
Как возговорит добрый молодец:
«Ой ты, гой еси, турецкий царь!
Прикажи меня поить, кормить,
Прикажи меня скоро казнить,
Не прикажешь ты скорей казнить —
Прикажи на волю выпустить,
Не прикажешь ты вон выпустить —
Напишу я скору грамотку
К товарищам на тихий Дон:
Славный, тихий Дон взволнуется,
Весь казачий круг взбунтуется,
Разобьют силу турецкую
И тебя, царя, в полон возьмут!»
Как возговорит турецкий царь:
«Выпускайте добра молодца,
Удалого казака Донского

¹⁰ Талан – судьба.

¹¹ На делу – значит на дележе.

Во его ли землю русскую
Ко его ли Царю Белому».

И действительно, как в песне поется, писали из Азова донские пленники о тяжелой неволе. Мутилось сердце казачье тоскою, злобою загорались очи, когда читали они эти письма. Бельмом на глазу сидел в устьях Дона Азов. Из-за него нельзя было казакам выбраться на синее Азовское море, пройти за Керчь к берегам Крыма, где люди не знают зимы. И далекой мечтой донцов было – взять Азов.

Знали про это азовцы. Знали через своих разведчиков, под видом купцов приходивших на Дон, знали и от перебежчиков. Старая песня донская поет про эти думы казачьи, поет и про изменника туму¹² – Сеньку Маноцкова.

У нас, братцы, на Дону,
во Черкасском городе
Проявилась у нас, братцы, приржоная тума.
Он из тум, братцы, тума,
Сенька Маноцков злодей;
Крепкой думушки с стариками
он не думывал,
Думывал крепкую он думушку
с ярыжками,
Перекинулся, собака, к Азовскому паше,
А Азовский-то паша стал его спрашивать:
«Ты скажи, скажи, приятель,
правду истинную,
Что-то думают у вас, во Черкасском городе?»
«Старики-то пьют, гуляют,
по беседушкам сидят,
По беседушкам сидят, про Азов ваш
говорят:
Ой, не дай Боже Азовцам
ума разума того —
Не поставили б они башенки на усть
речки Каланчи,
Не перекинули бы цепи через славный
тихий Дон,
Не подвели бы они струны ко звонким
колоколам!»¹³
Уж нельзя нам, братцы, будет во сине море пройтить,
По синю морю гулять, зипунов-то
доставать! —
Как у нас было, на Дону,
во Черкасском городе
Войсковой наш атаман во всю ночушку
не спал,

¹² Тума – не казак, пришлец *татарского племени*, или казак, родившийся от татарки.

¹³ Азовцы подводили струны к колоколам и привязывали их у ограды, чтобы ночью, если стража заснет, а враг подойдет – колокола зазвонили.

Как со вечеру, сокол наш, Роговые
проплывал,
По белу свету, сокол наш,
по синю морю гулял,
По синю морю гулял, кораблики разбивал!

Убедившись в том, что Московский царь не в силах удержать казаков от набегов на море, азовцы стали укреплять Азов. Каменные стены города были обновлены, прокопаны новые водяные рвы, насыпаны валы, построены башни. За крепостной оградой турки выстроили еще прочный замок, где бы мог спастись гарнизон в случае, если бы казаки одолели стены. На берегах Дона поставили они передовые крепостцы. Отборный четырехтысячный отряд янычар был назначен для охраны Азова.

На правом берегу Дона, ниже теперешней Старо-Черкасской станицы, находится Монастырское урочище. На месте этом, еще с 1610 года, стоял Монастырский городок и в нем собиралось «Главное Донское войско» для совета и для похода. Здесь собирался войсковой круг, здесь принимали послов и царское жалованье. Зимой 1637 года по всему Дону были посланы гонцы с приказом – к весне быть на Монастырском яру для решения общего *войскового дела*.

Весной собрался круг. На круг этот прибыли запорожские казаки, возвращавшиеся с набегов.

Собравшиеся на кругу атаманы предложили «Главному войску – атаманам и казакам» совершить великий подвиг: смыть вины свои перед государем, сделать то же, что сделал Ермак; открыть Москве свободный доступ к морю, дать ей возможность торговать со странами всего света – пойти *«посечь басурман, взять город Азов и утвердить в нем православную веру!»*

– Аминь! – указали казаки.

Атаманы обратились к запорожцам со следующей речью:

– Путь ваш далек и опасен, вряд ли дойдете. У нас же запасов много и в союзе с нами вы найдете богатую добычу. Возьмем Азов, откроем свободный путь в моря Азовское и Черное и найдем за морями все, чего только можно пожелать!

Запорожцы поклялись идти заодно с донцами и до смерти воевать против басурман.

Тогда же послали казаки атамана Ивана Каторжного¹⁴ в Москву с донесением царю о своем намерении взять Азов и подарить его государю!..

Походным атаманом был избран *Михаил Иванович Татаринов*. Не было у казаков стенобитных тяжелых пушек, и всю артиллерию тогдашнего войска Донского составляли четыре легкие пушки – фальконета.

Отпели молебны, поклонились старым образам, попросились с родителями и часть казаков пошла на лодках по Дону, другая на конях вдоль берега. Вскоре увидели казаки высокие сероватые стены Азова, увидели и башни. Отцы их не раз бывали там, не раз брали и самый Азов, но тогда это была небольшая деревянная крепость, теперь же перед казаками возвышалась каменная громада со многими башнями. Войско казачье разделилось на 4 части. На Дону стала судовая стража, зашли казаки и к самому морю и отрезали все сообщения Азова.

Разбить стены азовские казаки не могли. И вот они решили взять Азов открытой силой, подкатить к стенам плетневые туры, насыпанные землей, забросать турок камнями, а потом ворваться в крепость и взять защитников ее в шашки!

Три недели вели земляные работы казаки. Турки смеялись над ними. Им, вооруженным отличными, по тому времени, пушками, смешными казались действия казаков. Они толпами

¹⁴ Иван Каторжный получил свое прозвание за смелые морские набеги, которые делал на каторгах. Каторгами же назывались большие гребные суда. Каторжный в своих морских поисках доходил до самого Константинополя.

выходили на стены и кричали: – «сколько вам под Азовом ни стоять, а его, как ушей своих, не видать!»

Пробные штурмы казаков все были отбиты. Уже немало полегло казаков под стенами Азова, не хватало и пороха, а ничего не произошло нового в стане казачьем.

В это время у казаков находился тот самый посол турецкий Кантакузен, при котором убит был воевода Карамышев. Он ехал от турецкого султана в Москву и для сопровождения его из Москвы прибыл воевода Чириков, привезший казакам жалованье.

Кантакузен, увидавши, что делается под Азовом, послал тайно одного грека к турецкому султану с письмом о помощи азовцам. Казачьи разъезды поймали этого грека, обыскали его, нашли письмо и сейчас же донесли атаманам. На кругу порушили арестовать Кантакузена. Его заковали в цепи и посадили под стражу.

Напрасно воевода Чириков доказывал атаманам, что они не имели права этого делать, что посол – лицо неприкосновенное, казаки говорили, что посол не смел ничего отписывать султану о том, что он видел, и что он уже больше не посол, а лазутчик и предатель.

Во время этих переговоров прискакал с южных казачьих постов казак с донесением о том, что от Кагальника идет к Азову подмога. Это были наскоро собранные в Керчи, Темрюке и Тамани турецкие отряды. Конные казаки бросились на них. Произошел быстрый конный бой. Казаки рассеяли турецкие полки. Часть турок была переколота, часть прогнана. Ни один не дошел до Азова. Но немало пало и казаков при этой атаке.

Казак

Весело вернулись победители в свой стан. Собрался круг войсковой; ходившие в атаку атаманы рассказывали о победе, о бегстве турок.

– А все *его* дело, – добавляли они, – Фомкино. Тогда через него 60 казаков по монастырям разослали. Теперь мы стоим под Азовом, голодной смертью помираем, а он, собака, греков к азовским людям с вестями посылает! В куль его, да в воду!

– Через него тогда и Карамышева убили! Государю ответ из-за него держать должны!.. – раздавались голоса. – Жалованья и милости царской лишились!

И порешил весь круг войсковой казнить Кантакузена и все его посольство.

Сейчас же бросились к нему и убили турецкого посла и всех людей, которые были с ними...

И снова принялись за осаду. С казаками был немец Иван Арадов, приставший к казачьему отряду еще в России во время смуты Московской. Немец этот знал окопное дело. Под его руководством казаки начали рыть подкоп под стены азовские.

Неутомимо принялись они за работу. Турки смотрели на них, смеялись и кричали:

– Стойте под Азовом, сколько хотите, – города ничем не возьмете! Сколько в стене камней, столько голов ваших ляжет под ним.

Молча продолжали донцы свою кропотливую работу. 17 июня подкоп был кончен. Вкатили в узкую галерею бочки с порохом, приготовили фитили. Тихо было в стане казачьем в этот день. Постом и молитвою готовились казаки к кровавому штурму. Они исповедались у священников, бывших при войске, прощались друг с другом и со слезами говорили: «Поддержим, братия, честь нашего оружия, постоим за православную веру! Умрем, но не посраим себя!»...

В 4 часа ночи затлели фитили. Побежала искра пороховая по нитке и грянул гром страшного взрыва. Затряслись азовские стены, переломились, взлетели на воздух и грудой камней упали на землю. Полетели на землю и люди, державшие стражу и спавшие на стенах.

Атаман Михаил Татаринов первым с молодецкой дружиной, с саблями наголо, бросился в пролом. Кругом, пользуясь суматохой, по сотням тайно заготовленных легких лестниц лезли на стены казаки. Опомнившиеся янычары встретили их частой стрельбой из ружей и луков. Они сталкивали тех казаков, которые не успели еще влезть, сыпали им в глаза песок, лили на голову кипяток и расплавленное олово. Но уже много донцов было в городе. За пешими в пролом по грудам камней устремлялись конные полки и в улицах шел кровавый бой. Уже не гремели пушки, не трещали ружья, и при первых лучах восходящего солнца, шел страшный рукопашный бой. Весь день борьба в улицах не прекращалась. Везде валялись убитые казаки и янычары, от пролитой крови скользкою стала земля. К вечеру, кто успел – заперся в замке, остальные через стены по приставленным лестницам бросились в бегство, в степь. Конные казачьи станицы понеслись за ними. Турки у каждого ерика, у каждой балки устраивали оборону, но казаки стремительными атаками опрокидывали их и уничтожали. Наконец все были рассеяны.

Оставалось взять замок – последнюю надежду турок. Три дня, побиваемые со стен замка камнями, осаждали его казаки. Наконец и он пал и храбрые защитники его были перерезаны.

Азов был взят. Сбылась давнишняя мечта казаков. Свободным стало море, а с ним и набеги, и торговля, и богатство.

Но казакам предстояла новая, еще более трудная работа – удержать Азов в своих руках.

14. Азовское сидение. Июнь – сентябрь 1641 года

Как только весть о подвиге, совершенном донскими казаками, о взятии Азова, дошла до Монастырского городка, перешло в Азов из своего городка и главное войско Донское. Приехали жены казачьи, и казаки прочно стали устраиваться в крепости. Прежде всего они восстановили уцелевшие с древних времен греческие храмы св. славного пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна и святителя Николая Чудотворца. Затем снарядили в Москву атамана Потапа Петрова с четырьмя казаками для отвоза царю донесения о взятии Азова и с повинною в неисполнении царского указа и убийстве турецкого посла.

«Отпусти нам, Государь, вины наши, – писали казаки, – мы без твоего повеления взяли Азов и убили изменника турецкого посла. Еще до получения грамот твоих, с Чириковым посланных, мы всем войском сделали приговор промышлять над басурманами, сколько попустит Бог. Государь! – мы, сыны России, могли ли без сокрушения смотреть, как в глазах наших лилась кровь христианская, как влеклись на позор и рабство старцы, жены с младенцами и девы? Не имея сил долее терпеть Азовцам, мы начали войну правую, с Божьею помощью овладели городом, побили неверных за их неправды и православных освободили из плена».

Убитых казаков с честью похоронили; трупы янычар побросали в реку Дон, и течением их унесло в море, и там расклевали их птицы.

Четыре года устраивались казаки в Азове. Несколько раз турки пытались отнять его у казаков, но казаки всякий раз мужественно отражали их. Из Азова часто ходила «зимовая станица» в Москву. То казаки просили Московского государя прислать иконы, утварь и книги во вновь отстроенные церкви, то доносили о своих работах по укреплению Азова.

Казаки понимали, какое важное значение имеет Азов – этот ключ к морю – и для них, и для всего Русского государства. Атаман Наум Васильев, получивший в 1640 году от царя Михаила Феодоровича грамоту и жалованье – шесть тысяч рублей, не отдал этих денег казакам, как то обыкновенно делалось, а с общего войскового решения употребил их на работы по укреплению Азова.

Пороховой погреб в Азове

В городе многие места строились очень давно, камень клали без извести и от дождей стены начали осыпаться. И вот, Васильев починил эти стены, сделал их шириною в три сажени, насыпал их щебнем, поправил и пушки. Пушек в Азове было взято казаками всего 296. На оставшиеся деньги накупили запасов и решили обороняться от врага до смерти, но Азова не сдавать.

В Азове стояло тогда 5000 казаков и 800 жен казачьих, приехавших из войска на свиданье с мужьями. Атаманами были: Наум Васильев и Осип Петров.

Между тем пленные татары рассказывали, что прежний султан турецкий Амурат умер, на его место вступил султан Ибрагим, который собирает громадное войско и поклялся взять у казаков Азов. Жутко стало казакам. Были они храбрые воины, но войну вели больше полевую. Не было у них опытных пушкарей, которые могли бы обращаться с большими пушками, не было литейщиков, чтобы лить ядра, не знали они хорошо и инженерного дела – все делали «самоуком». Посоветовались на кругу и решили просить царя Михаила Феодоровича принять от казаков Азов в подарок, взять его под свою высокую руку, как предки его брали от донских казаков и раньше немало городов, как принята была и Сибирь царем Иоанном от атамана Ермака.

«Бьем челом тебе, – писали казаки, – праведному великому Государю, Царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея Руси Самодержцу... городом Азовом со всем градским строением и с пушками, а пушек в нем, Государь, двести девяносто шесть. А мы, Государь, холопи ваши, *не горододержцы*; в мимошедшие лета, при прежних царях и великих князьях прежние наши братья, Донские казаки, многие города у иноверных поганных народов брали и сами этими городами не владели, все вам, Государь, земли прибавляли и кровь свою проливали за вас, государей, и за святые Божьи церкви и за веру христианскую... Если же ты не примешь города, то брести нам с голода и наготы всем врознь. А если примешь, то повели нам вернуться в свои юрты и жить по-прежнему»...

Но царь не принял Азова от казаков. Как ни заманчив был донской гостинец, быть может, важнее и самой Сибири, потому что открывал путь в чужие земли, но Русь не могла принять Азова. Истерзанная и своими и чужими врагами в смутное время, она еще не оправилась. Не было в ней порядка. Шайки разбойников бродили по Руси и грабили именья, поляки и шведы сообща воевали с Россией. Старые русские города были в руках поляков. Войско еще не было собрано. Русь только-только устраивалась.

Принять Азов – это значило бы начать кровопролитную войну с турками, а это было Руси не под силу! И царь отказал в помощи казакам и наказывал им оставить Азов.

Но казаки решили оборонять город, купленный кровью их братьев. Они дали крестное целованье в том, что Азова не сдадут.

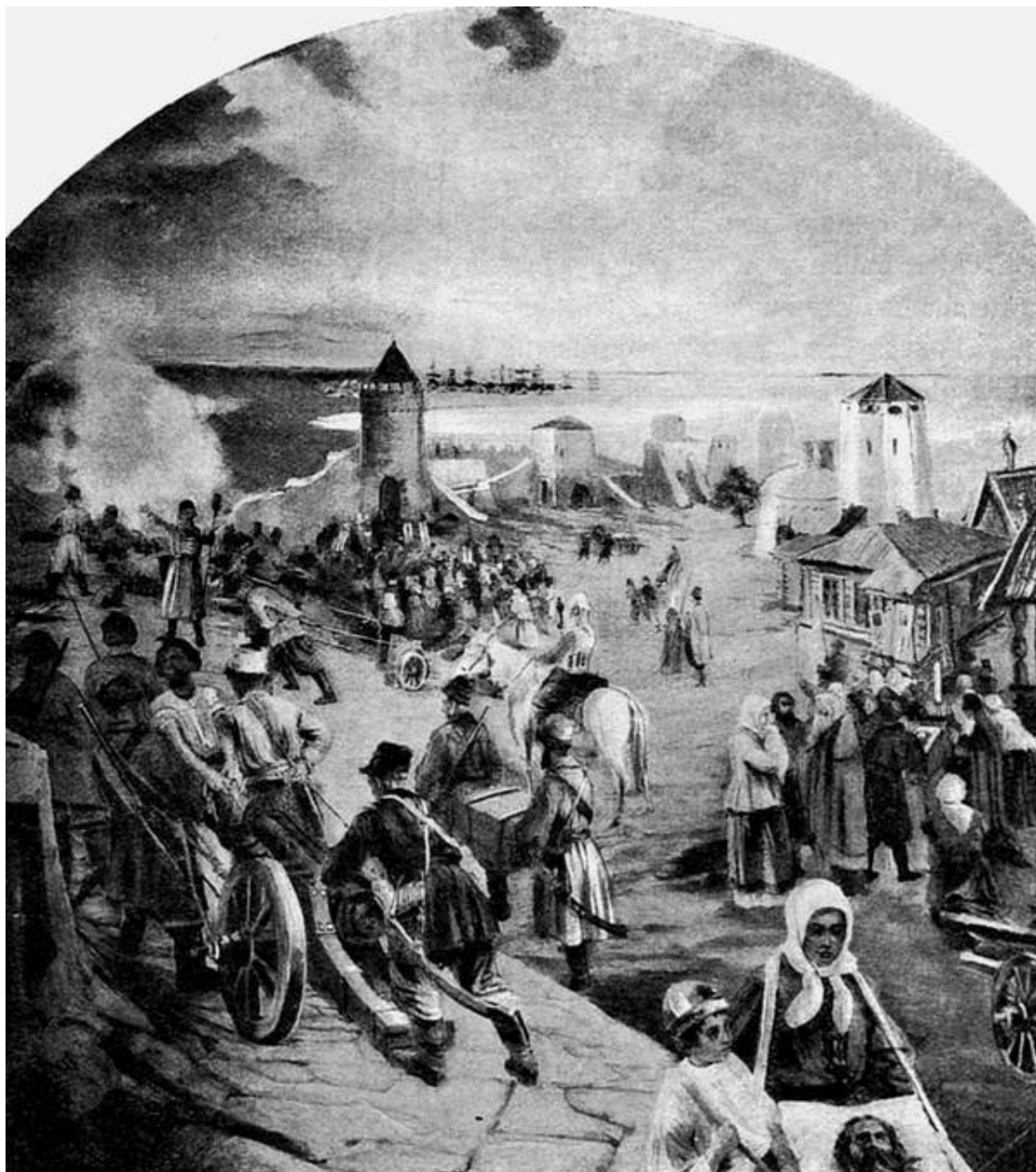
Весною 1641 года громадная рать, состоявшая из разных народов, подвластных султану, отправилась морем из Царьграда и сухим путем из Крыма для обложения Азова. Командовал ей *Сераскир-паша Гуссейн*. В войске этом было 6000 наемных мастеров осадного дела. Были венецианские кораблестроители, – в то время Венеция славилась своими кораблями не меньше, чем теперь Англия; были немецкие мастера подкопного дела, знатоки как брать города, были французские *планищики*, или землемеры, искусные снимать местность на бумагу, были греки и шведы. Целые толпы безоружных землекопов, молдаван и валахов, гнали с собою турки. Боевого войска считалось более ста тысяч. Осадных пушек, стрелявших ядрами в полпуда, было привезено на судах 129, да мелких полевых пушек 674 и мортир для перебрасывания снарядов через стены подвезли 32. С моря Азов обложили 45 больших кораблей и многое множество мелких лодок-галет, чаек и других.

24 июня войско подошло к Азову. Пестрой и шумной толпой окружило оно крепость. От знамен и от значков, от пестрых чалм и плащей – казалось, что степь снова зацвела. Целый день гомонили на всех языках и кричали в стане турецком, целый день слышалось ржание коней,

крик ослов и рев верблюдов и скотины. Точно буря шумела на синем море и волны ревели, разбиваясь о берег. Никогда еще казаки не видали такой большой рати. А ночью, на много верст, светились огни бесчисленных костров, зарево поднялось от них над небом и тишину уснувшего стана нарушали протяжные крики часовых, да редкий рев ослов. Но не смутились донские атаманы Наум Васильев и Осип Петров, засевшие в Азове с 5000 казаков. Как только установили лагерь, сейчас же к стенам Азова подъехало три богато одетых всадника. Это были: Магомет-Али, янычарский начальник – от турецкого главнокомандующего, Курт-Ага – от начальника турецкого флота и Чехом-Ага – от Крымского хана. Они явились для переговоров, с предложением сдать Азов. «Помощи и защиты ждать вам от Московского государя нечего, сопротивляться бесполезно, силы наши громадны, – говорили переговорщики, – сдадите Азов и получите за то 12 000 червонцев сейчас же и 30 000 по выступлении»...

Но не прельстился речами соблазнитель войсковой атаман. Отогнав переговорщиков от стен, он обещал прислать свой ответ.

Всю ночь в станичной избе атаманы составляли ответ, писарь записывал их речи, а переводчик переписывал на турецкий язык. Под утро длинное послание было послано с пленным татаринном сераскиру Гуссейну-паше.

Азовское сидение в 1614 году. С картины художника Т.К. Петрусевича

Вот что писали донцы:

«Мы вас отлично знаем, и силу вашу знаем тоже. Не раз бились мы с вами на суше и на море. Давно мы вас к себе поджидали, да вы что-то мешкали. Вы говорите, что Турский султан прислал четырех пашей, да адмирала, да полковников, да триста тысяч солдат, не считая мужиков, и нанял против нас еще 6000 мудрых немцев... – Что же, не велика будет ему честь, если он нас возьмет такими громадными силами и умом, и разумом, и промыслом немецким. Он такой победой не изведет нашей старинной славы, и не запустеет от того Дон головами нашими!

И на взыскание наше (отомстить за нас) будут молодцы с Дона.

Если же мы отсидимся от вас, со своими малыми силами, всего 5000, то великая срамota будет царю вашему от всех государств и земель.

Город Азов – строение великих царей Греческих, православно христианской веры, а не вашего басурмана царя Турского, и он владел им напрасно. Мы – Божьи люди. Вся надежда наша на Его милость и на Пречистую Богородицу, и на всех святых Его угодников и на своих братьев-товарищей, которые живут на Дону, по городкам. Те нас выручат.

Имя нам – вечное казачество Донское вольное, бесстрашное! И нас не так-то легко побить.

Город Азов мы у вас взяли в 7145 году¹⁵ у вашего царя Турского, не как разбойники, или воры, а своей силой и умом, дрались с вами, поганцами, лицом к лицу, не боясь и не страшась вашей великой силы. Теперь мы сидим в Азове малыми силами нарочно, чтобы посмотреть ваш турский ум и промысел.

Помощи мы от Руси не ждем.

Будто такие люди, как мы, Руси надобны и дороги?

Мы в Московском государстве никому не нужны и не годны и это знаем отлично.

Государство Московское великое и пространное, и многолюдное; сияет оно, посреди всех государств и земель и орд басурманок и греческих, и персидских, как солнце.

Нас, бедных, на Руси не любят, ненавидят нас, аки псов смрадных, потому, что ушли мы от государства Московского и из разных городов от неволи и налога, из работы и из холопства вечного и от неволи великой; от его государевых князей и бояр, и дворян, и детей боярских Московских и всяких городовых приказных людей. Поселились мы здесь в непроходимой пустыне и надеемся только на Бога и на святых Его угодников!

Кому о нас, бедных, в Московском государстве потужить или порадеть? Все князья, и бояре, и дворяне и дети боярские, и московские приказные концы, и смерти, и погибели нашей рады. Ничего нам с Руси никогда не посылают, кормит нас Бог в поле своею милостью; зверьми дикими, да морской рыбой питаемся, як птицы небесные не сеем, не орем, ни житницы собираем, а сыты бываем. Так мы, бедные, питаемся подле синего моря.

А серебро и золото мы берем у вас за морем. То вы и сам знаете.

А жен себе выбираем у вас же, уводим из Царьграда и живем с ними.

И город Азов мы взяли у вас своею волею, а не государственным повелением, для добычи, и за это на нас, холопей своих дальних, великий Государь, Царь и великий князь Михаил Феодорович весьма разгневался и мы за взятие Азова боимся от Государя смертной казни.

Вы хотите, чтобы мы служили царю вашему Турскому – но нам это никак невозможно. Вот, если отсидимся в Азове от таких его великих сил, тогда побываем у него и за морем под его Царем-городом и посмотрим его город. Там с ним, царем Турским, уже обо всем переговорим.

Лишь бы ему наша казачья речь полюбилась!

Теперь нам с вами говорить не о чем.

Мириться нам с вами и верить вам нельзя. Разве может быть мир между христианином и басурманом? Христианин побожится душою христианскою и на том стоит, а ваш брат, басурман, побожится верой басурманской и все-таки солжет.

К нам больше со своей глупой речью не ездите. Сманивать вам нас – это только время терять понапрасну. Кто приедет – мы того убьем. Делайте то, для чего вы к нам под Азов город присланы. Мы у вас же взяли Азов малыми силами, так и вы добывайте его своими многими тысячами. Только знайте, что не видать вам его из рук наших, казачьих, как ушей своих.

Вот разве примет его от нас Царь всея Руси, Михаил Феодорович, да вас им пожалует – тогда уже будет на то его государская воля!»...

Так писали казаки турскому сераскиру-паше. Они нарочно писали о том, что царь их не жалует и в Москве их ненавидят, и что Азов взяли они самовольно, чтобы турки не напали на

¹⁵ В 1637 году. В те времена летосчисление на Дону и на Руси было от сотворения Мира.

Москву. Пороча себя – они обеляли, выгораживали обожаемого своего монарха и отвлекали от России новую войну...

Все брали они на себя, на свои малые силы, надеясь только на Господа Бога!

25 июня, ночью, затрубили в турецком стане в трубы и видно было, что все полки стали собираться и строиться. Потом забили в большие барабаны, затрещали в маленькие янычарские барабанчики, и жалобно заиграла свирель. И поняли казаки, что турки готовятся на приступ. И так всю ночь били барабаны и трубили в трубы и копошился и гомонил стан турецкий.

На рассвете стало видно казакам, что турки выступают из лагерей. Загорелись на солнце золотые полумесяцы над знаменами. Там краснели, точно маков цвет, алые фески турок, там – как снег или стадо гусей – белела янычарская пехота. Наездники на дорогих конях в богатых уборах джигитовали впереди, выхваляясь своею удачью. На далеком пространстве видны были только войска. От треска и грохота больших барабанов, называвшихся *набаттами*, от резкого завывания труб и гомона сотен тысяч людей шум был такой, какого казаки еще никогда не слышали.

Окруживши стены азовские, турки бросились на приступ. Первыми пошли немецкие полки со стенобитными машинами, а за ними и лучшее войско турецкое – янычары. Одни стреляли по стенам, другие старались топорами и железными ломом сломать стены, третьи приставили лестницы и лезли на стены. Турки, надеясь на свои громадные силы, хотели взять Азов сразу. Прикрывая полки, заговорила турецкая артиллерия...

И в ответ загремели казачьи пушки. Белый дым густыми клубами подымался над крепостью, молнией сверкал огонь из пушек – точно над Азовом стала грозная туча с громом и молниями. Казаки заранее подрыли землю у стен и навели на подрывные места пушки, заряженные дробью и железными мелкими осколками. Толпы турок, попавши на эти места, провалились и, пока они вылезали, казаки били их из пушек.

Страшен был этот день для турок! Уже громадное алое знамя с золотым полумесяцем было поднято янычарами на стены и за ним со всех сторон, как муравьи на гору, лезли турки, уже паши турецкие скликали людей ворваться в город. Казаки бросились к этому месту, отняли знамя и погнали янычар. Не было в Азове ни одного человека, который бы не работал. Женщины готовили кипяток, плавил олово, раскаляли песок и носили все это на стены. Пока казаки огнем и копьями, а местами и врукопашную сталкивали турок со стен азовских, жены казачьи кидали на подходивших песок, лили кипяток и олово.

Уже солнце опускалось за холмами, уже краснела вечерняя заря и сумерки спускались на землю, а штурмы турецкие все не прекращались. На место убитых шли новые и атака шла за атакой до самой темноты. Ночью турки отхлынули. Бой прекратился.

Утренняя заря осветила место боя. Везде убитые и раненые. Казаки убили в этот день шесть янычарских командиров, двух наемных немецких полковников и шесть тысяч наемных немцев. Трупы убитых турок лежали валом выше пояса вокруг города. Тучи черных воронов реяли над ними и солнце пекло их мертвые белые лица.

Под вечер к Азову прибыл переговорщик с переводчиком, просил разрешения убрать трупы убитых и предлагал за каждого убитого янычара по золотому, за начальников и полковников по сту серебряных рублей...

Но казаки отказались от денег.

– Мы не продаем убитых и не торгуем мертвыми, – сказал от войска атаман. – *Не дорого нам серебро ваше и золото, дорога нам слава вечная.* Это вам, собакам, из Азова от нас, донских казаков и молодцов – первая игрушка. Это мы только оружие свое прочистили, дальше вам хуже будет!

Два дня турки хоронили убитых. Тихо было в их пестром и горделивом лагере.

На третий день турки приступили к правильной осаде Азова. В продолжении трех дней тысячи рабочих копали землю и насыпали валы. На глазах у казаков вал поднимался все выше и выше и стал уже выше стен азовских.

Тогда казаки горячо помолились и, попрощавшись друг с другом, вышли всем отрядом, под начальством атамана, и силою в пять тысяч бросились на трехсоттысячное турецкое войско.

– С нами Бог! – кричали казаки, – разумеете языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!

Атака казачья была так стремительна, что турецкие полки побежали. В эту вылазку казаки отняли у турок несколько знамен и побили множество турок. Кроме того, взяли 28 бочек пороха, которым тут же подорвали турецкий вал.

Турки отошли дальше и принялись насыпать валы еще больше первого. На пять верст тянулся новый вал. Целые горы воздвигались вокруг Азова, на горы эти ввозили тяжелые пушки и устанавливали их против города.

Началась бомбардировка. Шестнадцать дней и шестнадцать ночей длилась она. Страшный грохот громадных пушек потрясал землю и – как записали об этом казаки – «дым топился до небес».

Турецкие ядра разрушали стены, ломали дома, валили башни. Разбита была ими церковь Иоанна Предтечи, все постройки были снесены до основания и только уцелела церковь Св. Николая Чудотворца, уцелела потому, что стояла внизу горы и снаряды до нее не долетали.

Но, по мере того как валились стены азовские, казаки рыли землю и устраивали подземные жилища. Все зарылись под землю и хоронились там от пушечного боя. Затем казаки провели под турецкий лагерь 28 подземных ходов и начали по ночам делать подземные вылазки и нападать на турок. За разрушенными стенами насыпали земляные валы и так за время осады построили *четыре вала!*

Турки тоже прокопали подземные ходы, и началась страшная *подземная война!*

Тогда стали осыпать Азов всякими *хитростями немецкими*, бросали чиненные порохом ядра, раскаленные камни, наконец, вдруг перестали стрелять и 24 дня подряд кидались на штурм. Но казаки всякий раз отбивали турецкие атаки. Жены опять помогали своим мужьям сбрасывать турок с валов азовских...

Тяжело было казакам. Но не легче было и туркам. Турки ничего не знали о том, что делается в крепости. Перебежчиков у казаков не было, а от пленных ни обещаниями, ни пытками турки не могли дознаться, в каком положении находятся казаки. В турецком стане не хватало продовольствия. Трупы убитых, плохо закопанные, лошадиные остовы разлагались в летние жары и страшный смрад стоял над лагерем сераскира-паши. Начались болезни. Раненые и больные умирали без помощи и без ухода. Наконец паша, чувствуя, что не взять ему Азова открытой силой, отписал турецкому султану грамоту и просил его отложить взятие Азова до весны.

– Паша! Возьми Азов или отдай свою голову! – отвечал ему султан.

В сентябре месяце сераскир решил взять казаков измором. В продолжении двух недель он каждый день посылал по 10 000 человек на штурм, сменяя штурмующих каждый день, и днем и ночью вел непрерывную стрельбу по крепости.

Последние силы истощались у казаков. От смрада, стоявшего над городом от трупов, которые не успевали погребать, казаки стали болеть цингой, «поцынжали». От бессонных ночей и дневной работы при отбитии штурмов измучились.

«Ноги под нами подогнулися, – описывали казаки это тяжелое время, – и руки наши обороненные уже служить замертвели. А уста наши и не глаголют от беспрестанной стрельбы пушечной и пищальной. Глаза наши, по ним, поганых, стреляючи, порохом выжгло. Язык наш в устах наших на них, поганых басурман, закричать не может».

С трудом держали казаки в руках оружие и сами считали, что уже нет у них силы оборонять Азов. И вот они решили выйти из разрушенного турками города и пасть всем до одного, чтобы не было срама им, что они Азов сдали.

Ночью, 26 сентября, начали прощаться донцы с Азовом, который отстаивали четыре месяца. Тени, а не люди ходили по обломкам Азова и спускались к храму Николая Чудотворца.

– Прости ты нас, грешных и непотребных рабов своих, Великий Государь и великий князь Михаил Феодорович всея России, и вели помянуть нас, грешных, – говорили казаки.

– Простите все, православные христиане, и помяните души наши грешные со всеми нашими родителями. Не позор мы, бедные, учинили государству Московскому.

– Простите нас, леса темные и дубравы зеленые, простите нас, поля чистые и тихие заводы.

– Простите нас, море синее и тихий Дон Иванович. Уже нам, по тебе, атаману нашему с грозным своим войском не ездить и дикого зверя в чистом поле не стреливати. И в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливати!..

Так простившись, на рассвете 27 сентября, истомленные, скорбные, раненые и больные люди вышли из лагеря – и, выйдя, почувствовали в себе былую бодрость и силу. Встрепенулись сердца, и эти несчастные готовились дорогой ценой продать свою жизнь...

Но в передовых укреплениях турецких царила мертвая тишина. В утреннем тумане медленно подвигалась горсть защитников Азова. Но вот повеял с моря легкий ветерок, и казаки увидели пустой лагерь и турок, поспешно грузящихся на суда.

Господь услышал молитвы казачьи. Сераскир не счел возможным, ввиду болезней в его лагере, продолжать осаду, и отступил.

Казаки, из последних сил, побежали за турками и открыли по уходящим беглый огонь, а потом атаковали и отняли одно большое знамя и семь малых знамен.

Так кончилась знаменитая оборона казаками Азова. Из пяти тысяч казаки потеряли 3000 убитыми, да и те две тысячи, которые остались с атаманами Наумом Васильевым и Осипом Петровым – все были переранены...

Уже Азов давно не крепость, а маленький торговый городок Области Войска Донского, уже от стен его остались одни развалины, а кости защитников его давно погнили в земле. От Монастырского городка, где собиралось под Азов главное войско Донское, ничего не осталось. Его сожгли в 1643 году турки, мстившие казакам за доблестную оборону города, – а память об азовских удальцах осталась и до нашего времени.

Ежегодно на Монастырском урочище совершается панихида по Донским воинам, живот свой за веру, царя и отечество положившим.

В 1867 году на месте Монастырского городка сооружен на средства всего Войска Донского памятник «в честь и вечную славу» донских героев, покорителей и защитников Азова. Памятник этот имеет вид часовни. Внутри поставлены иконы и сделаны надписи. Подле памятника стоят старые азовские пушки. В числе икон находится и точный список иконы св. Пророка и Крестителя Иоанна. Эта икона, быть может, одна из тех, перед которыми так трогательно молились израненные казаки перед уходом из Азова.

Часовня на монастырском урочище

Панихида совершается в субботу, предшествующую 1 октября. На панихиде этой бывают войска и представители соседних со Старочеркасском станиц, и начальствующие лица. Перед панихидой прочитывается грамота царя и великого князя Михаила Феодоровича от 2 декабря 1641 года, присланная на Дон в похвалу службы и крепкостоятельства при защите Азова. После панихиды, при пении вечной памяти, войска отдают воинскую честь залпами из орудий и ружей, а музыка играет «Коль славен».

Затем все присутствующее, депутации и войска отправляются в Старочеркасск, где от станичного общества им предлагается, по древнему обычаю, поминальные хлеб-соль.

Так поминают донцы своих удальцов-героев.

15. Оставление казаками Азова по царскому указу в 1643 году

28 октября 1641 года храбрый атаман Осип Петров отправил в Москву атамана Наума Васильева, есаула Федора Порошина с 24 казаками и с подробным донесением об осаде Азова турками и о том, как казаки его отстояли. Вместе с тем казаки просили Московского государя взять Азов себе.

– Мы готовы, – говорили казаки, – стоять верою и правдою за государя, но без царских войск Азова нам не удержать. От сидения в Азове *много славы добыли мы своему войску, но добычи не получили никакой*. От нужды и истомы оголодали и обнищали так, что не на что нам снарядиться в морские поиски за добычей. Азов лежит в развалинах. Много нужно денег и труда для того, чтобы восстановить его.

Царь пожаловал казаков похвальной грамотой, послал жалованья 5000 рублей, а весной обещал с водою прислать хлеб, съестные припасы, порох, свинец и сукно. Из Москвы послали людей для осмотра азовских укреплений.

Когда на Дону узнали, что в Москве еще не решили: брать Азов, или не брать, – второй раз послали атаманов уговаривать взять Азовъ.

3 января 1642 года был собран Великий Земской Собор из разного звания людей. Собору было предложено решить – принимать от казаков Азов и вести из-за него войну с турками, или отдать Азов назад туркам.

Высшие московские чиновники советовали отдать Азов казакам. Пусть сами его обороняют.

Воин времен царя Ивана III в шлеме, доспехах из железной цепи со стальными плитками, с копьем, щитом и мечом

Дворяне говорили, что оборонять Азов следует поручить одним казакам, да охочим людям. Но, если государь повелит, – они готовы воевать за царя, но при этом добавляли, что государь знает, они теперь обеднели.

Но тут встали представители Новгорода, Костромы и Смоленска и городовые дворяне и боярские дети.

– Грех будет на нас, если мы отдадим христианский город басурманам. Нужно всей землей крепко стать за Азов! – говорили они.

То же говорили и купцы и разного звания мелкие люди.

Долго спорили в соборе. Московские люди понимали, что решался важный вопрос – быть Руси при море, или нет...

А между тем султан Турецкий уже собирал сильное войско, чтобы идти на Русскую землю. Новыми бедами грозила эта война опустошенной самозванцами России. В таких тяжелых обстоятельствах собор не решился оставить Азов за собой, и 30 апреля 1643 года спешно выехал из Москвы есаул Родионов с царским наказом: – «*великому Войску Донскому Азов оставить, возвратиться по своим куреням, или отойти на Дон, кому куда пригодно будет*»...

Казаки вывезли из Азова 80 пушек, крепостные железные ворота с петлями, железные калитки, городские железные весы со стрелой. Из церкви Иоанна Предтечи взяли медное пятиярусное паникадило, чудотворную икону Иоанна Предтечи и всю церковную утварь. Теперь паникадило это находится в Старочеркасском соборе, там же хранятся и серебряное кадило и икона св. Иоанна Предтечи.

С молитвами выкопали казаки и кости своих товарищей: – «да не оставит их братство в басурманской земле», и похоронили на Монастырском урочище.

Остатки азовских стен были взорваны казаками и само место башен сравнено с землей...

Турки вскоре явились в гирла Дона с большим флотом и войском и начали ставить на месте старой крепости новую, с громадными стенами, недоступную никакой осаде без сильной артиллерии.

Взятие и оборона Азова были последним делом, совершенным всем войском самовольно. С этого времени войско окончательно становится в покорность русскому царю, живет охотой, рыбной ловлей и *царским жалованьем*. Все реже и реже ходят ладьи казацки для разорения турецких берегов.

На Волгу же идут лишь отчаянные головы, лишь голытьба, которая не боится и головой ответить за свою гульбу и охотничанье.

На свободных атаманов этих шаек само войско смотрит как на разбойников.

Посмотрим, как жили у себя дома в эту пору донские казаки.

16. Основание города Черкаска. 1644 год

Не могли турки простить казакам взятия Азова. В 1643 году большое турецкое войско неожиданно подошло к Монастырскому городку. Закипел кровавый бой в улицах и скоро огненные языки начали лизать плетневые крыши бедного казачьего городка. На беду, гулял по степи ветер. Алое зарево вспыхнуло на небе и отразило страшный пожар. Нечего было и думать что-либо тушить. Приходилось только спасаться. В часовне Монастырского городка сгорело царское знамя, погорели и драгоценные иконы... К вечеру на том месте, где кипела жизнь казачья, где собирался круг войсковой, где в маленьких хижинах укрывались от непогоды удалые донцы – тлели уголья, да на черной земле там и там виднелась груда камней – следы казачьих очагов. Скоро строились в те времена казачьи городки, но и скоро исчезали с лица земли.

Уцелевшие в страшном кровавом бою казаки ушли в Раздор и оттуда начали хлопотать об устройстве нового городка. Сейчас же войсковой дьяк отписал государю Московскому грамотку от войска:

«В прошлом, Государь, – писали донцы, – в 151 (1643) году, как грех учинился над нами, холопи твоими, на Монастырском островку от Турских людей приходу и в то, Государь, время твоего Царского Величества знамя, каково к нам, холопам твоим, на Дон в прошлых годах прислано, в часовне с образами сгорело... Вели, Государь, своим государевым иконникам образ Иоанна Предтечи и другие написать. Из обрывка же пушечной меди и двух поврежденных колоколов слить на пушечном дворе два колокола»...

Запорожцы

В Раздорах шумели на кругу казаки. Решали важный вопрос, где заложить новый городок.

– Строить город, так строить его так, чтобы не сладко от него было туркам, – говорили казаки.

– Нет лучше места, – сказал атаман Павел Федоров, – как на Черкасском острове.

– Дело говоришь, атаман. Там и до Азова недалече, – подтвердили старые донцы.

– Там турок у нас на виду будет. Там мы, с Божьею помощью, и с Азовом управимся, – подбивали донцов запорожские казаки, пришедшие с Черкасского острова.

– Быть по сему!

– Дело! Верное дело!

– Аминь! – раздавались голоса.

Круг порешил идти на те места, где жили пришедшие на Дон днепровские казаки, которых донцы называли *Черкасами*.

Как по Дону селилась вольная община удалых людей ради смелых набегов и войны, так же точно поселились лихие молодцы и по Днепру. Они ставили свои хижинки, строили городки на том месте, где Днепр, разбившись о пороги, широко и плавно течет по степи, ставили свое войско за *порогами* и получили потому название Запорожских казаков, а так как они были малороссами, то их и называли Малороссийскими казаками. Запорожцы не раз соединялись с донцами в походах на Крым и на турецкого султана. Были они и под Азовом, и часть их жила по Дону, и место, занятое ими, носило название Черкасского юрта. К ним и решили на кругу в Раздорах идти ставить новый городок вместо сожженного турками Монастырского городка.

24 апреля 1644 года на многих лодках, вниз по Дону, пошло все войско Донское. Казаки подошли к тому месту, где стоял Черкасский городок запорожцев, также сожженный турками, и деятельно принялись за работу. Земляной вал и деревянный забор окружили города – поставили на валу пушки, а внутри разбили место под станицы. Шесть станиц образовало новый городок, получивший название Черкасского: – две было *Черкасских*, запорожских станицы, потом четыре донских: *Средняя*, *Павловская*, названная в честь атамана Павла Федорова, *Прибылянская* и *Дурновская*. Потом стали прибывать к Черкасску и еще люди, места стало мало на острове, стали ставить новые станицы. За протокой прибылые люди поставили новую *Прибылянскую* станицу, потом поставили *Скородумовскую*, *Тюттеревскую* станицы, за ними стало три *Рыковских* станицы, да еще татары, покорившиеся казакам, образовали татарскую, или *Базовую* станицу.

Так возник на пожарище старого запорожского Черкасского городка – новый донской Черкасский городок. Туда перешло из Раздор войско Донское, там стал собираться главный войсковой круг и там поселился и атаман. Сто шестьдесят один год, до самого основания Новочеркасска, – Черкасский городок был главным городом всего войска Донского.

Туда было прислано царем Михаилом Феодоровичем новое знамя на место сгоревшего, и туда же в часовни поставили и подаренные Московским царем иконы.

30 апреля 1644 года, в сопровождении большой охраны, «с великим береженьем» перевезли казаки из Раздор в Черкасск царских послов Илью Милославского, дьяка Леонтия Лаврентьева и турецкого посланника. Они прожили в Черкасске до 11 июня, а 11-го июня в сопровождении атамана Осипа Петрова со станицею на судах отправлены в Воронеж.

По стенам Черкасска стали пушки, частью присланные от Московского царя, частью взятые в Азове. Для хранения пороха были построены пороховые погреба.

В Черкасске казаки решали и свои походы. Сильнее становились турки и татары. Маленькими партиями казаки не могли одолеть их. В поход должны были собираться уже не десятки удалцов, а сотни. И вот, каждую весну к Черкасску стали съезжаться казаки всем товариществом. Здесь, в степи, у берегов широко разлившегося Дона, располагались они громадным станом и отсюда начинали они и свои походы. Услышат казаки о движении татар, о нашествии

их на их землю – и вот, избранный ими войсковой или походный атаман собирает сотни и ведет их навстречу врагу. А иногда станица смельчаков, человек 50 или 100, неслась на юг, на лодках к Крыму или на конях на Кубань. Они врвались в татарские земли, и в то время, как главное войско татарское шло на Русь, они нападали на улусы татарские и уничтожали их, беря добычу. И гнали, возвращаясь с такого набега, казаки табуны коней, везли добычу. Радостно, с ружейной пальбою входили они в Черкасск, их приветствовали громом выстрелов черкасские пушки и гуляли молодцы вовсю после кровавого набега. Тут играли в кости или зернь, там менялись товарами, там пили и гуляли, пропивая нередко все до последнего платья. Только оружие было священо у донца. И оттого на печати войсковой изображен был обнаженный казак с ружьем верхом на бочке.

Не было тогда ни телеграфа, ни почты, ни газет, но казаки знали все, что происходит в степи, знали все, что делается и на Руси. Шумной и веселой, боевой жизнью жил тогда Черкасск.

17. Жизнь и обычаи донских казаков во время борьбы за Азов

В это время смелых походов под Азов на Дону никто не занимался хлебопашеством и степь лежала целинная, не распаханная. Народа было еще немного. Все войско насчитывало около десяти тысяч человек. Жили охотой, рыбной ловлей; старики занимались пчеловодством. Были у казаков лошади, волы и другой рогатый скот. Хлеб и всякий товар получали в *жалованье* от государей Московских или покупали на московской границе у купцов. Немало вещей получали и из добычи, за которой нет-нет да и пускались казаки.

На походах казаки жили весьма дружно, отличаясь товариществом. Но у себя, на Дону, каждое общество казаков желало иметь для себя свои земли для охоты и рыбной ловли. И за границу своих угодий уже не пускали соседей. Такая земля, занятая для охоты и пастбы скота обществом казаков, называлась станичным *юртом*. На Задонской стороне, по которой бродили ногайские татары, границу проводили от берега на таком расстоянии, на какое хватало тогдашнее ружье, то есть шагов на четыреста.

Старый донец в одежде времен борьбы за Азов

В юрту селились казаки одного общества, избиравшие себе атамана. Обыкновенно человек 80–100 селилось вместе, ставило свой *стан*, – отсюда и пошло наименование поселений казачьих – станицами; в станице дома окружали плетневой и земляной огорожей, откуда пошло название поселений казачьих *городками*. В каждом городке был один общий дом, называвшийся становой или *станичной избой*. Многие бездомовные казаки зимовали в ней, имея человек на десять общий запас, один котел и одну суму. Отсюда и продолжилось древнее название *односумов*. На охоте и на ловле каждый казак оставлял себе добычи только на один обед. Остальное заготавливалось и складывалось в суму для всех односумов. В свободное время казаки собирались в станичной избе. Приходили сюда и женатые, оставляя своих жен по домам. Старики вязали сети, вентери, тенета, делали рассохи. Играли песни, иногда тут же их и складывая про удалых атаманов. Песни эти запоминались молодежи. Так дошли они и до нас. Велись тут бесконечные разговоры о битвах, о ловле диких зверей, птиц и рыбы, и молодые учились у опытных охотников этому делу. Говорили о том, кто намерен что делать завтра и что послезавтра. И если кто-нибудь на охоте заметил стадо сайгаков, или выводок диких гусей или дроф, – не скрывал этого, а приглашал товарищей, чтобы назавтра вместе сообща бить.

В это время по станицам уже много было женатых казаков. Венчались, по большей части, без священника. Достать его было трудно. Да и церкви тогда только начинали на Дону строить. Обряд оглашения о том, что казак женится, мало чем изменился от прежнего. Доставши девушку, нареченный жених с невестой приходили на сбор в станичную избу. Перед образами молились Богу, кланялись на четыре стороны, и жених, кланяясь невесте, говорил:

– Ты, скить¹⁶, Настасья, будь мне жена!

Невеста кланялась жениху в ноги и говорила:

– А ты, скить, Гаврила, будь мне муж!

После этого жених целовался с невестой и все их поздравляли. Если в семье жили неладно, то муж выводил жену опять на сбор и говорил:

– Вот, скить, честная станица, она мне не жена, а я ей не муж!

Отказанную кто-либо прикрывал полою и брал себе тут же в жены.

Если в станицу приезжал священник, то те, кто не был обвенчан, венчались уже по-церковному.

Первое время при царе Иване IV, во времена Ермака Тимофеевича, охотников жениться было мало. Об этом и в песне казачьей поется:

Как со славной, со восточной
со сторонущи
Протекала быстрая речушка,
славный тихий Дон;
Он прорыл, прокопал, молодец,
горы крутыя,
А по правую по сторонущу —
леса темные,
Как да по левую сторонущу —
луга зеленые.
По Дону-то все живут, братцы,
люди вольные,
Люди вольные живут, братцы,
Донские казаки,

¹⁶ *Скить* – от русского *сказать*. Его употребляли казаки, как приговорку, подобно тому, как теперь многие казаки начинают свою речь словом *так что*.

Донские казаки живут, братцы,
все охотнички.
Собирались казаки-друзи во единый круг,
Они стали меж собой, да все дуван делить.
Как на первый-то пай они клали
пятьсот рублей,
На другой-то пай они клали всею тысячу,
А на третий становили красную девицу.
Доставалась красная девица доброму
молодцу.
Как растужится, расплачется
добрый молодец:
– Голова ль ты, моя головушка,
несчастливая!
Ко бою ли, ко батальице ты не первая,
На паю-то, на дуване, ты последняя.
Как возговорит красная девица
доброму молодцу:
– Ах, не плачь ты, не тужи, удаль,
добрый молодец:
Я сотку тебе шелков ковер
в пятьсот рублей,
А другой ковер я сотку тебе во всю тысячу,
А третий я сотку ковер, что и сметы нет.

Но потом холостая жизнь стала скучной многим, и казаки начали охотно жениться. Жен брали или по добровольному согласию в пограничных русских деревнях, или у казаков же в соседних юртах, или уводили у турок, у татар или черкесов. Но в некоторых станицах не женились до самого Азовского сидения. В Верхне-Курмоярской, например, станице помнят, кто была вторая женщина. Это была Чебачиха. Первого младенца, родившегося в этой станице, нянчили всей станицей, а первый зубок у него все с особенным восторгом и радостью смотрели. Горда была им молодая мать! Как же! Растет молодой казак, первый не пришлый, а настоящий гражданин станицы!

В свободное время, зимними вечерами, играли казаки в станичной избе в шахматы, а летом играли на дворе воловьими, овечьими и свиными пашками в *айданчики*. Этим занимались не только дети, но и взрослые казаки, упражняя меткость глаза. Дети до 15 лет, кроме этой игры, обыкновенно ничего не делали. По домам казаки водки не пили. А пили или на общий счет в станичной избе, или на собственный – в кабаке. Собирались компаниями – «*с носка по алтынцу*» пропить, а за кем жена придет звать из кабака домой, с того брали водки на два алтына.

Торжественные гульбы бывали по большим праздникам. В каждой станице были свои для этого дни. В Верхне-Курмоярской станице, например, общая гульба бывала на Троицын день и на масленицу. Соседние станицы при своих атаманах и стариках со знаменами съезжались верхом на рубеж с общественной водкой. На рубеже устраивали упражнения в джигитовке, стрельбе из ружья и лука, примерные бои, что называлось тогда *шермициями*, и дрались на кулачках. Часто до смерти. В четверг на Масленице все собирались на сбор, и станичный атаман отдавал приказ о том, чтобы во время гулянья не было бесчинств. Затем станица разделялась на несколько компаний. Каждая компания выбирала себе *ватажного атамана*, двух судей и квартирмистра. Во всякую компании выдавали знамена и хоругви. Гулянье шло по

домам и улицам до воскресенья; ходили пешком и на конях при оружии. При встречах компании салатовали и устраивали примерные бои, кидаясь друг на друга в дротики. В воскресенье вечером выносили на станичную площадь столы и скамейки, устанавливали их в круг и ставили напитки и закуски. Со всех сторон, имея впереди ватажных атаманов, сходились и съезжались компании. Приходил атаман при наске и старики ставили знамена кругом. Ватажные атаманы садились подле станичного атамана, затем есаулы и старики. Пили за здоровье Царя и Великого Князя Московского, потом за войскового Атамана, всего великого войска Донского и честной станицы. Каждая здравица сопровождалась ружейной пальбой. Все жители станицы, и женщины, и дети, сбегались на площадь. Окончивши питье за здравие, все вставали и всем народом молились на восток и прощались друг с другом, целуясь:

– Прости, Христа ради, – говорили при этом, – в чем согрешил.

– Бог простит, – отвечали.

Затем знамена относили в атаманский дом для сдачи, а народ расходился по домам.

Лавок и торговых людей тогда по станицам не было. *Воровства друг у друга никогда не бывало.* Оставленные где-либо вещи никто не трогал. Потерянные вещи нашедший приносил на сбор и там отыскивали потерявшего.

Донская казачка. Жена старшины в праздничном платье

Когда казак старился и чувствовал близость смерти, он, как раньше, очень часто отправлялся в монастырь. Долгое время таким прибежищем для казаков был *Борисовский монастырь*, построенный в 1613 году, на правом берегу Дона, в нынешнем Коротоякском уезде, Воронежской губернии. Монастырь этот служил перепутьем казакам, ездившим по разным делам в Москву, и казаки его хорошо знали.

На Дону первые православные церкви были в Азове, где они были поставлены еще греками, в те времена, когда по Дону были их города. Казаки при занятии Азова только возобновляли их.

Самими же казаками первые церкви начали строиться уже после Азовского сидения. В 1650 году казаки построили в городе Черкасске, вместо часовни, деревянный собор во имя Воскресения Христова, с четырьмя приделами. В 1652 году был основан Усть-Медведицкий монастырь. Ко времени царствования Петра Великого на Дону было: 1 собор, 2 монастырские церкви, 11 церквей в станицах и 3 часовни.

Истари казаки исповедовали православную веру, были очень набожны и, хотя церковей не было, посты соблюдали очень строго. Без молитвы, горячей и усердной, казаки не принимались ни за какое дело.

Одевались казаки или в своей работы зипуны, или в одежду турецкую и татарскую, взятую в добычу. Большею частью носили дома и на походе одежду домодельную, а в праздники наряжались в богатые азиатские или польские уборы, взятые в походах. Сукна получали из России в царское жалованье. Потом и сами казачки научились ткать из овечьей шерсти тонкие сукна.

Вот, для примера, что имел простой казак в 1630 году. Список вещей взят у казака Павла Рябинина, бывшего в зимовой станице в Москве. В сундуке у него при обыске нашли: пицаль – то есть ружье – с ремнем, голубой плащ (епанча), серый зипун, белый зипун, полосатый пояс, бурку (епанча полстяная), попону черкесскую, войлок из коровьей шерсти, подушку, шляпу, 2 рубахи, 9 портов, сермяжные перчатки, старые красные штаны, кожаные сапоги и пучок ремней. У атамана зимовой станицы имущества было гораздо больше. У него нашли серебряные: чашу, чарку, ковшик, винную чарку, медный позолоченный ящичек и в нем жемчужное ожерелье, золотые серьги с жемчугами «низано по-казацки», золотые перстни с камнями, золотой кафтан с серебряными пуговицами, несколько атласных и шелковых кафтанов, теплую шубу на куньем меху, несколько образов и печатных книг: Евангелие, часослов, требник, Четы миinei и Апостол. Книги и церковные ризы атаман припасал для войска.

Шапки носили из курпея с суконным шлыком. Обувь была разная – были лапти, поршни и сапоги.

Женщины одевались по-азиатски. Обычный женский сарафан, или *кубелек*, был суконный и не очень длинный. Красили сукно в пестрые цвета. Шубы носили длинные, азиатского покроя. Пояса из материй, а кто побогаче, то из серебра. На руках носили браслеты, называвшиеся *белезеками*, или обручиками. Девушки носили на голове перевязки с медными вызолоченными гвоздиками и золотой бахромой кругом; волосы заплетали в косы, и в косы вплетали яркие ленты и мохры. Замужние женщины носили кички с высокими рогами. Против лба надевался вышитый круг и от лба до ушей были подвески. Сзади был подзатыльник, весь убранный золотом, серебром и бисерными нитками. На висках были такие же нитки, называемый *чикилеками*. На шее носили ожерельники из монет и монисты. На ногах были красные сапожки с железными подковками в вершок, под каблуком.

Украшение из жемчуга на поясе (низано по-казацки)

18. Как управлялось войско во времена Азовских походов

Всеми делами в станице или городке ведал выборный на год *станичный атаман*. Важные же вопросы решались на кругу, в общем сборе, на площади, а зимою – в станичной избе. Казаки неохотно шли в атаманы. Обыкновенно избранный долго отпрашивался и откланивался перед кругом, иногда даже в землю кланялся, чтобы его «ослобонили» от этой чести.

В каждой станице был свой день для выбора атамана.

В Верхне-Курмоярской станице, например, выборы бывали в Богоявление, в Есауловской – в четверг на Масленице, и т. д. В день выборов, после утрени, вся станица скликалась в станичную избу. Атаман вставал, молился перед иконами, кланялся на все стороны и говорил:

– Простите, атаманы молодцы, в чем кому согрешил!

Станица отвечала:

– Благодарим, Зиновий Михайлович, что потрудились.

Атаман клал шапку на стол, поверх ее клал *насеку*. Насека в старые времена приготавливалась так: на терновом стволе, еще на корне, делали ножом насечки. Насечки, во время роста, заплывали кожицей и образовывали наплывы, получалась пестрая палка. Палку украшали серебряной булавой. Название насека получала, именно, от этих насечек.

Севши на место, атаман приказывал есаулу доложить:

– Кому, честная станица, прикажете насеку взять?

В станичной избе поднимался шум. Каждый кричал своего выборного.

– Сохрону Самойловичу! Сохрону Самойловичу! – наконец согласятся все.

Тогда еще и еще раз – обыкновенно до трех разделятся, то и больше докладывал есаул.

Наконец согласятся на Софроне Самойловиче.

Софрон Самойлович, старик, наиболее уважаемый и почитаемый в станице, принимал насеку и становился на место атамана. По его приказу есаул опять докладывал:

– Вот честная станица Курмоярская! Старый атаман свой год отходил, а вам без атамана быть нельзя, так на кого, честная станица, покажете?

Тут уже поднимался невообразимый шум. Каждый кричал своего выборного.

– Макея, Макея, Макея Яковлевича! – кричат одни.

– Якова, Якова Матвеевича! – вопят другие, третьи еще кого-нибудь. Нужно было иметь есаулу очень хорошее ухо, чтобы уловить, за кого больше голосов подадут. Есаул докладывает это имя старику, старик спрашивает еще раз: – Так на Якова Матвеевича порешили?

Опять крики. Но уже ясно становится, что большинство за него. Старик спрашивает и в третий раз и потом вручает Якову Матвеевичу насеку. Яков Матвеевич перекрестившись принимает насеку. Старики, в знак поздравления, накрывают его шапками, и он садится к старому атаману на главное место. К атаману в *подписные старики*, то есть в судьи, выбирали еще десять лучших людей в станице.

На их обязанности было, в случае опасности от неприятеля, бежать по полям со знаменами, скликая народ в станицу в осаду мирить ссорящихся, по общим делам, брать штрафы на выпивку, знать очередь в нарядах на службу, объявлять кругу о преступлениях и ждать от него приговора.

Суд творился на кругу или на *сборе*. Сбор происходил по *закличке* в станичной избе. Закличка делалась так: по улицам ходил есаул и резким протяжным, *станичным, есаульским* голосом кричал: атаманы молодцы, вся честная станица Курмоярская! Сходитесь на беседу, ради станичного дела! А кто не придет, на том станичный приговор – осьмуха!

Когда казаки соберутся, к ним выходил атаман с есаулом и атаман приказывал жалобщику доложить его дело.

Проситель выходил на середину, кланялся на все стороны и сказывал, о чем он просит. Старики-судьи слушали внимательно. Но на сборе казаки обыкновенно разговаривали о своих делах, так что часто и не слышали, о чем идет речь. Атаман, выслушавши жалобщика, говорил есаулу:

– Есаул, доложи!

Есаул кричал *станичным* голосом:

– Атаманы молодцы, вся честная станица Курмоярская! Помолчите!

Но казаки не сразу умолкали. Есаул бил тростью о пол и опять кричал:

– Помолчите-ста, атаманы молодцы, помолчите-ста!

Говор и крик переходит в шепот. Тогда вставал уже сам атаман и говорил:

– Помолчите, атаманы молодцы!

Наконец наступала тишина полная, и атаман говорил:

– Вот Аксен Пахомович просит о том-то. Что скажете? Дать или не дать?

И казаки отвечали: или «не дать? За что?», или «в добрый час!»

Потом вызывали обвиняемого в каком-либо проступке. Он тоже кланялся казакам и есаул докладывал его дело.

– Вот, честная станица! – говорил атаман. – Старики присудили наказать его плетью за то-то! Как прикажете? Простить ли его или выстегать?

И тогда, как часто и теперь, казаки невнимательно слушали на сборе, о чем идет речь.

Так, иной раз сын, не расслышав о ком и о чем дело, на вопрос атамана: – простить его или выстегать? крикнул: – в добрый час! Когда же растолковали ему, что хотят бить его отца, он тут уже закричал иным голосом: – за что батюшку сечь! – не надо!

Но если казаки находили, что какое-нибудь дело не стоит внимания, то атаман о нем и доклада сбору не делал. Отсюда на Дону и идет пословица: *атаман не волен и в докладе*.

Грамотных или, как тогда говорили, – *письменных* людей было мало. В Черкасове и в некоторых верховых станицах, поближе к русским монастырям, бывали грамотные казаки. Их знали за десятки верст и к ним ездили по всякому письменному делу. Вместо расписок в получении грамот выдавали деревянные палочки с нарубкой на них, а для прочтения выписывали грамотного человека.

От всего войска в Черкасском городе выбирался *войсковой атаман*. Он выбирался также на один год. В помощь ему назначали *старшин*. Если атаман был не угоден войску, то его могли сменить и избрать другого атамана. Атаман всегда оставался в Черкаске. Если его посылали куда-либо или он сам уходил, на его круг сейчас же избирали другого казака. Одного и того же могли избрать и второй, и третий раз.

Донской войсковой атаман в парадном кафтане

Для решения войсковых дел, касающихся всего войска, собирался *войсковой круг*. Для собрания круга посылали от войска по станицам грамоту.

Так как на кругу решались многие дела по старому обычаю, – писанных законов на Дону не было, – то нужно было, чтобы у атамана были люди знающие эти обычаи, знающие, *как раньше было*. Такими людьми были бывшие атаманы, приобретшие опытность во время своего атаманства. Они и оставались при атамане, как его советники, и получали название *старшин*.

Помощником у войскового атамана был *войсковой есаул*. Кроме того, был *войсковой дьяк*, писавший войсковые грамоты и отписки, читавший на кругу царские грамоты, так как атаманы тогдашние по большей части были неграмотны.

В походах казаки собирались в *сотни*. В сотне бывало по два сотника. Сотни делились на *курени*, куреней было в сотне до десяти. Курень имел своего атамана и есаула.

Кроме походов, набегов и поисков у казаков была еще и внутренняя служба. Служба эта состояла в охране проезжающих через войско московских чиновников, в отвозе грамот и отписок от войска в Москву и привоз из Москвы царских грамот и жалованья. Люди, посылаемые в Москву за жалованьем, назывались *зимовой станицей*. Зимовыми они назывались потому, что отправлялись в Москву зимой, оставались в Москве три месяца, и весной, по первой полой воде, возвращались обратно на Дон. В зимовую станицу назначалось от 4 и до 100 человек. Начальником зимовой станицы был назначенный за старшего *атаман* и в помощь ему, если станица была большая, назначался и *есаул*. С жалованьем, хлебом, порохом и иными припасами зимовая станица шла рекой Доном на *бударах* (барках). Каждая станица на рубеже своего юрта встречала зимовую станицу ружейной и пушечной пальбой. В Москве зимовая станица пользовалась почетом. Все казаки являлись к самому царю и приглашались на обед к царскому столу. При приезде и при отъезде казаки получали от царя подарки: камки, тафту и хорошее сукно. Станица в Москве жила за царский счет.

Проезд в Москву и обратно далеко не был безопасен для казаков. Редкая станица проходила благополучно через степь. На казаков нападали татары, и им приходилось отбиваться от них. Путь на Москву станицы был подобен движению разезда в неприятельской стране. Зоркими, чуткими и внимательными должны были быть казаки, опасаясь на каждом ночлеге ночного нападения, в каждом овраге или лесу засады.

Но эта-то жизнь, сопряженная с вечной опасностью, вечной близостью к смерти, и создала из казаков людей спокойных перед опасностью, решительных в бою, чутких и сторожких на походе. Вся их жизнь была вечным воинским упражнением. Мальчиком казак играл в айданчики на станичной улице, наматывая себе глаза, или прыгая и бегая гонял кубарь. Едва хватало у него силы, он уже брал пицаль и шел стрелять чутких дроф, или скакал по степи, загоня сорвавшийся в метель табун. Он ползал на животе, подкрадываясь к зверью, он переплывал Дон, спасаясь от татар, он знал, что промах из ружья для него – часто смерть или плен. Он делал сам все то, чему теперь мы учим казака на случай войны, и учителем его была жестокая смертельная опасность, а это учитель суровый!..

И оттого, в последующих боевых делах, которые казаки имели уже наряду с русскими войсками, они выделялись своим искусством в военном ремесле, заслуживали себе большие награды, славу великую, ставились в пример всему свету!

19. Пожалование войску Донскому первого царского знамени в 1645 году

В 1645 году на престол Московских государей вступил сын Михаила Феодоровича, царь Алексей Михайлович. Он принял государство от отца успокоенным. Войско было приведено в порядок и хорошо вооружено. Много иностранных людей было призвано при нем на службу на Русь для обучения солдат; мало того, строился военный корабль на Волге для того, чтобы можно было на нем ходить в Каспийское море к Персии. Царь понимал значение моря и очень желал, чтобы русские имели при море хотя бы один город. Ради такого города, как Азов, он не прочь был начать войну и с Турцией. Чувствовал достаточно силы для этого. Не боялся войны.

Старый собор в станице Старочеркасской

Иные грамоты стали получаться на Дону. Царь не только не запрещал ходить под Азов, но он предлагал казакам подробно о нем разведывать и, если возможно, взять башни, стоявшие у р. Каланчи. Царь прислал еще и русское войско для того, чтобы иметь с казаками воевать против крымцев. Но Азов уже был не тот. Венецианские, итальянские и немецкие мастера воздвигли в устьях Дона такую крепость, которую казакам уже и думать нечего было взять.

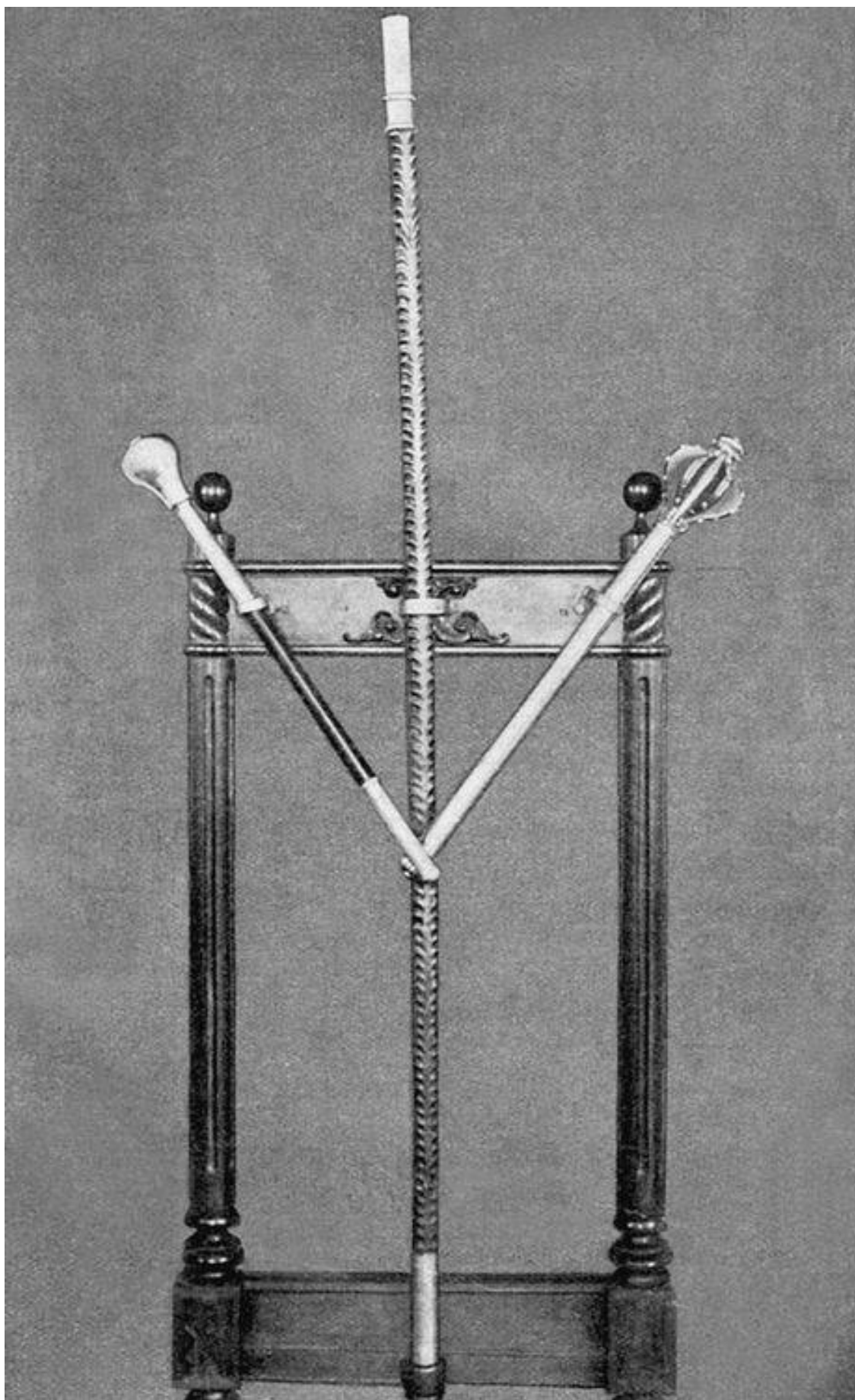
В июле 1645 года крымцы сделали набег на Черкасск, но казаки их отбили. Атаман, вместе с находившимся в Черкасске царским воеводой князем Семеном Пожарским, 5 августа тайно перешел через Дон, настиг отходивших к Крыму татар, разбил их, взял большую добычу и стал отходить к Черкасску. Татары собрали свою конницу и большими силами преследовали

казаков. Казаки отбили все атаки, благополучно вернулись в Черкасск, прогнали татар, а мелкие разведочные партии казачьи взяли у татар в плен пять человек.

В этом бою шестьсот человек вольных охотников из мужиков и несколько стрельцов, не выдержавши татарской атаки, бежали с поля сражения.

Донесения об этих делах повез в Москву атаман Васильев. Царь щедро наградил его и отправил 25 сентября 1645 года похвальную грамоту войску Донскому и *знамя*.

«За мужество и храбрость бившихся честно, жалуем и милостиво похваляем, – писал государь казакам, – и посылаем вам, нашему Донскому войску, атаманам и казакам, Нашего Царского Величества *знамя*, да впредь на нашу царскую милость будьте надежны. Тех же вольных людей и шацких стрельцов, всего 600 человек, которые на отходе разбрелись, и струги у вас вверх по Дону порастаскали и порубили, велели мы бить кнутом, чтобы такое воровство другим было не в повадку. Крымцев и Ногаев, воевать, а с турскими людьми под Азовом, жить мирно повелеваем!»

Войсковые регалии. Справа: пернач, пожалованный Императором Петром I в 1706 году; насека, пожалованная Императором Петром I в 1704 году; булава, пожалованная Императрицей Екатериной II в 1776 году

Знамя было малинового цвета с зеленой каймой, сверху знамя было длиной $2\frac{1}{4}$ аршина, а внизу $4\frac{1}{4}$ аршина и шириной $3\frac{1}{4}$ аршина. На знамени был вышит герб Русского государства – большой черный орел с гербом Московского княжества – Георгием Победоносцем по середине. На знамени была сделана надпись: «Повелением великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Руси Самодержца и многих государств государя и обладателя послано сие знамя на Дон. Донским атаманам и казакам, лета 7154 августа».

Это было уже не первое знамя, пожалованное государем Московским донским казакам. Знамя есть воинская святыня, под которой собираются верные долгу войны и с которой они идут в бой со врагом. Знамя должно напоминать воину, что он присягал служить честно и верно своему государю.

И раньше у казаков были знамена. На знаменах казачьих изображены были иконы. Так, на дошедшем до нас знамени донского атамана Ермака Тимофеевича изображена икона св. Дмитрия; были знамена с изображением Спасителя и Божьей Матери; это были знамена казачьи – *казачьей вольницы*. Вновь пожалованное знамя Донское имело посередине *русский герб*. Под ним должно было собираться с этого времени войско Донское и ему присягать. Победным кличем донцов становилось уже не «с нами Бог! за веру православную, за царя», но «с нами Бог! за веру православную, за царя и за Русь!». Этим знаменем с русским гербом как бы само войско Донское приводилось *к присяге на верность России и ее законам*.

Русскому царю войско Донское было верно всегда. За него и ради него оно воевало в Сибири, ради его царской пользы дралось с турками и татарами, за царя Дмитрия казаки сражались даже против русского народа, за царя брали Азов и Его Царскому Величеству подносили ключи его!

Знаменем с русским гербом царь как бы приглашал донских казаков начать служить не только ему лично, как служили его отцу и дедам, но служить и России, и русскому народу. Быть заодно с нею. Повиноваться русским законам. И донцы поняли это. Они поняли, что кончилось время их вольности, что теперь они – нераздельная, неотъемлемая часть Московского государства, его Донское войско. С этих пор сотни казачьи участвуют наряду с русскими полками. Уже в царствование Алексея Михайловича казаки воевали с поляками *в составе русских войск*. И раньше они воевали вместе с русскими войсками. С полками князя Курбского сражались донцы под стенами города Казани, побивая царевича Япанчу, но там они воевали *как союзники, по своей охоте*. Хотели – воевали, а не хотели – и ушли. Они не были обязаны, они шли на бои не по приказу, а по своей вольной волюшке. С этого времени на Дон уже посылается от царя наказ: послать столько-то казаков, такому-то воеводе, воевать с таким-то против поляков, идти на турок или на татар. Вольность казачья кончилась. Войско Донское становилось не самостоятельной, никому не подвластной, *почитающей* русского царя вольницей, но частью Русского государства, подчиненной царю.

Украшение из жемчуга на поясе

И поняли это казаки. Поняли, что им против царя и родины их России – не быть.

Поняли, но не все!

Еще долго, в продолжении целых ста лет, нет-нет, да появлялись на Дону казаки-гулебщики, которые шли на разбой, на убийство, ради добычи, ради не войсковой, не общественной, но *личной славы*. И первым таким был на Дону Степан Тимофеевич Разин.

20. Разин

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городе
Народился удалой, добрый молодец
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думы не думывал,
Ходил, гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепкую думушку с голутвою:
Сударь мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьем, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны,
сколько надобно,
Пойдемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье,
да на низ поплывем.

В 1667 году по Дону, на площадях и улицах, в самом Черкасском городке раздался давно забытый клич: «На Волгу-матушку рыбку ловить, на Черное море за ясырьми, на Хвалынское за добычью! Атаманы-молодцы, послушайте!»

То кричал статный и видный казак с русой окладистой бородой и длинными выющимися вокруг лба кудрями – Черкасской станицы казак Степан Разин. Его знала вся голь кабацкая. Все бездомовные, голутвенные казаки знали и любили его. С ними проводил он все время, мечтая быть на Дону атаманом. Да не вышло. Степенные, домовитые казаки на сборе одержали верх и в атаманы попал храбрый, разумный, благодравный казак Корнилий Яковлев.

И тогда в отчаянной голове Разина зародилась смелая мысль: добыть атаманство славой, добыть атаманство силой. Стать, как Ермак, князем. Царить и властвовать над людьми безгранично. Он думал только о себе. На тех, кто шел к нему, он смотрел как на рабов, глубоко презирая их...

Если бы гольтьба знала, на какую тяжелую работу, в какое слепое рабское повиновение Разину она шла, никто бы не кинул оземь рваной шапчонки своей и никто не примкнул бы к воровскому атаману. Но Разина знали, пока только, как смелого и отчаянного человека, как человека, играть с которым и опасно, и выгодно. У него одна ставка была голова, другая – богатая добыча, мешки золота.

И, несмотря на запрещение атамана, повалила к смелому казаку гольтьба черкасская и соседних станиц. Домовитые, степенные казаки тайно помогали им, выговаривая себе часть добычи. Силен еще в народе был старый обычай и помнили старики, что привозили отцы их с Волги, Каспия и Сибири.

Опять, как сто лет тому назад, появились на Волге черные каюки казачьи, опять

Из-за острова в туман,
На простор ручной волны.
Выплывают острогруды
Стеньки Разина челны.

Укрепившись на реке Камышенке, Разин стал грозой русских и персидских судов и смеялся над самими воеводами царскими!

Поднявшись вверх по реке Уралу, Разин укрепился в городке Гурьеве и там зимовал, готовя суда для набегов на Персию.

В 1668 году смелый атаман *пригрянул* к персидским берегам. У Разина было около 2000 казаков, великолепно вооруженных. На 40 стругах, с богатой добычей, набранной в разграбленных казаками деревнях близ Дербента, Шемахи и Баку, Разин подошел к персидскому городу *Ферабату* и здесь высадился. Казаки вошли в город, говоря, что они купцы, привезли кавказские товары и хотят обменять их на персидские. Персы охотно покупали у казаков их добычу, тем более, что казаки продавали все по очень дешевой цене. Шесть дней торговали так на базаре казаки. Разин гулял между ними, и казаки зорко поглядывали на своего атамана. На шестой день Разин стал так, чтобы его было видно со всех концов площади, обернулся и вдруг взял шапку и сдвинул ее набок. Это было условным знаком для казаков. Казаки бросились на персов, убивали купцов и отнимали у них и проданные, и их собственные товары. В Ферабате был дворец шаха, наполненный разными драгоценностями. Казаки разграбили этот дворец, взяли пленников, и Разин забрал себе красавицу персидскую княжну.

С удалыми песнями бросились казаки опять на море. Успех вдохновил атамана.

Его войско усилилось русскими пленниками, которых он освободил в Ферабате и других персидских городах. Он решил провести зиму в тепле, высадился близ Ферабата и укрепился на длинной косе, далеко уходившей в море. Здесь он построил городок. Пленные персы день и ночь работали, возводя по плану Разина валы и засеки.

Персидский шах собрал большое войско и напал на Разина. Казаки бились долго. Много удалых казаков полегло в этом бою. В конце концов Разину пришлось сесть на лодки и уйти дальше на косу и зимовать между морем и болотом. Голод и болезни унесли многих казаков у Разина. Хлеба не было. Казаки резали своих лошадей и ели конское мясо. На весну они снарядили струги и опять ходили в море за добычей.

В июне месяце 50 персидских судов с 3700 войска напали на легкую флотилию Разина. Произошло настоящее морское сражение. У персов были на судах пушки, но Разин атаковал их, под жестоким огнем порубил днища персидских судов, потопил большинство. Только небольшая часть персидского войска на трех судах спаслась к берегам. Но и казаки в этом страшном деле потеряли около 500 человек.

Тогда Разин решил со своей громадной добычей, награбленной им в течение двух лет, уйти назад на Дон.

В августе месяце 1669 года, изнуренный тяжелым переходом по морю, со многими больными казаками, но с богатейшей добычей подошел Разин к Астрахани.

В Астрахани уже находился присланный царем Алексеем Михайловичем воевода князь Прозоровский с большим войском. Казаки, узнав об этом, остановили свои суда и не входили в Астрахань. Тогда к Разину пошел на 50 стругах с 3000 стрельцов князь Львов и объявил, что казакам есть милостивая грамота. Казаки были измучены двухлетней непрерывной войной, они мечтали об отдыхе. Они приняли князя Львова и обещали полную покорность, но когда речь зашла об отдаче добычи и пленных, то казаки ничего почти не отдали. Они выдали только недавно взятую ими баржу, груженную персидскими лошадьми, и за то получили пропуск в Астрахань.

В Астрахани в это время стоял первый русский корабль «Орел», построенный нарочно выписанными из Голландии мастерами.

22 августа Разин входил в Астрахань. Богато обставил свой вход воровской атаман! Все паруса на его судах были сделаны из дорогой шелковой материи и все канаты были шелковые. Борты разбойничьих лодок были увешаны коврами и установлены золотыми и серебряными

сосудами. Казаки были одеты в шелка и золотом тканые одежды. И только голодные, худые, измученные, обветренные морской непогодой лица их говорили о том, что недешево досталась им добыча.

Яркое солнце играло зеленой волной моря; отражались в мелких волнах искрами золото и пестрые ткани. С «Орла» и со стен Астрахани пушки приветствовали Разина салютом и на казачьих судах им отвечали казачьи пушки. Толпы народа, стрельцы, весь город высыпал на стены астраханские, чтобы посмотреть, как входил донской атаман с казацкой вольницей.

– Поистине, – говорили астраханцы, – богат Стенька приехал! На судах его веревки и канаты все шелковые и паруса также все из материи персидской шелковые учинены.

Казакам было запрещено ходить в город, но удерживать их было некому. Стрельцы и народ с увлечением слушали хвастливые рассказы казаков о их набегах. Открытый торг добычей шел по всей Астрахани. А когда Разин, богато одетый, окруженный такими же нарядными казаками, прошел в приказную палату и отдал бунчук, десять знамен персидских и целые толпы пленных персиян, народ окончательно преклонился перед ним, как перед великим полководцем. Из имевшихся у Разина пушек, отбитых им на персидских судах, он сдал только пять медных и 16 железных, лучшие же 4 медные и 16 железных удержал у себя, говоря, что отдаст их тогда, когда вернется домой на Дон. Без пушек-де ему опасно идти мимо Царицына.

Успех вскружил голову Разину. Он стал считать себя равным Ермаку. Деньги давали возможность гулять, а в деньгах недостатка не было. Сам хмельной с хмельными казаками, в роскошно убранных ладьях, с музыкой и песнями гулял разбойничий атаман по Волге. С ним сидела на лодке и персидская княжна, полюбившая всей душой дикаря-казака. И Разин ее любил. И вот, однажды, в хмельном угаре, Разин взял ее, прекрасную, убранную в парчовые наряды, увешанную золотом и камнями самоцветными, на руки, поднял над водой и воскликнул: «Волга! Ты славная река, ты доставила мне много богатств, злата и серебра. Ты мать моей славы! Я ничем еще не поблагодарил тебя! Но я не останусь более неблагодарным!»

И Разин бросил персиянку в глубокие волны Волги реки.

Пьянствуя и гуляя с несколькими приближенными ему казаками, которых он называл есаулами, Разин в то же время жестоко наказывал казаков за малейшую провинность. За пьянство, за грубый ответ, за ничтожное промедление в исполнении приказа Разин приказывал завязать руки над головой, насыпать за пазуху песку, наложить камней и бросать в воду.

Наконец, Прозоровскому удалось выпроводить разбойников из Астрахани. Буйной, пьяной ватагой поплыли они вверх по Волге; в Царицыне они убили стрелецкого сотника, насмехались и издевались над дьяком в палате, раскрыли тюрьмы и выпустили преступников.

В пьяном чаду, в упоении своей славой, дошли казаки Разина до Пятиизбянской станицы и отсюда на лодках спустились до Кагальника¹⁷. Шайка устроилась на острове и стала рыть землянки на зиму. Никто не смел остановить, образумить или в чем-либо препятствовать Разину. Свою дружину он держал в строгой дисциплине, к родным в станицы пускал не иначе как ненадолго и на поруки. К себе из Черкаска выписал свою жену и брата. Всех приходящих к нему казаков щедро оделял одеждой, оружием и деньгами.

Шли к нему *голубые* казаки, шла голь кабацкая. Они называли его отцом своим. Разин останавливал хлебные барки, барки с товаром, высаживал их на острове и приказывал купцам торговать в его стане. И от этого еще больше народа стало в его ватаге. На Кагальник Разин прибыл с 1500 казаков; осенью уже у него было 2000, а к весне его шайка дошла до 4000 казаков.

На вопросы атамана, что он делает на Кагальнике, Разин отвечал, что им посланы гонцы к царю и, если они возвратятся к нему с милостивой грамотой – он пойдет воевать за царя на Крым или на Азов, или «где повеление великого государя им будет, и покроет вину свою

¹⁷ Кагальницкий городок находился тогда в верховьях Дона у р. Донца.

своему государю службой». А если милостивой грамоты не будет, то он пойдет к запорожцам и будет с ними воевать против поляков.

Но на уме у Разина было другое. Уже стоя в Астрахани, несмотря на хмельной угар, он увидел, что народ, живущий по Волге, темен, что он ненавидит бояр, жаден и способен на всякое злодейство, – и Разин задумал *тряхнуть Москвой* и ее боярами, от которых ему достаточно попадало во время его первых воровских набегов.

В мае 1670 года на Дон, в Черкасск приехал посол царский Евдокимов. Был круг; на кругу прочли царскую грамоту и разошлись. На другой день в Черкасск явился Разин со своей ватагой. В Черкасске в этот день был круг для передачи ответной грамоты Евдокимову. Вдруг, расталкивая казаков, окруженный вооруженными людьми, богато одетый явился на круг Разин. Все так и ахнули. Давно слава о его воровских подвигах гремела по Дону, но никто не ожидал, что он посмеет явиться на круг.

– Это почему круг? – властным голосом спросил Разин. Ему объяснили, что снаряжается станица для отвоза ответной царю грамоты.

– Кто привез грамоту? – продолжал допрос Разин.

– Евдокимов.

Разин потребовал Евдокимова на круг.

– Кто тебя послал на Дон? Государь или бояре? – спросил Разин.

– Я приехал с царской грамотой, – отвечал Евдокимов.

– Врешь! Ты не грамоту привез, а приехал лазутчиком. В воду его!

Разинские казаки сейчас же бросились на посла, убили его и бросили в воду.

Войсковые старшины начали уговаривать Разина не буйствовать, но Разин прикрикнул на них, и они замолчали. Войсковой атаман выступил было с увещаниями, но Разин ответил:

– Ты владей своим войском, а я владею своим. В мои дела не мешайся!

Все притихли в Черкасске, и Разин пробыл несколько времени в нем важнее самого атамана. Сбылись его мечты. Самолюбие его было удовлетворено. Но он уже не знал себе меры и спешил исполнить все, что хотел.

Увеличив свой отряд, Разин ушел из Войска и пошел опять на Волгу.

Как только он выступил из Черкаска, войсковой круг снарядил станицу с атаманом Михаилом Самаренином, с отпискою Царю обо всем случившемся и с выражением полной покорности Государю.

Между тем Разин подошел к Царицыну и приказал своему есаулу Василию Усу осадить город, где заперся воевода Тургенев со стрельцами. Жители Царицына продержались недолго. Как только начался у них недостаток в воде – они отворили ворота Усу, и казаки заняли город. Воевода Тургенев заперся с несколькими верными стрельцами в замке. Казаки осадили замок, перебили стрельцов, а Тургенева привели на веревке в стан Разина. Долго мучил его и издевался над ним Разин. Его били, кололи копьями и, наконец, утопили.

Занимая города по Волге, буйным победителем шел на ладьях вниз по реке Разин. Он шел – брать Астрахань. Астрахань при первых слухах о его приближении была отлично укреплена иностранными офицерами и могла бы противостоять пьяной ватаге, не имевшей тяжелых пушек. Но измена уже проникла в сердца астраханских жителей и стрельцов. Они помнили Разина в светлую пору его жизни, помнили, как пришел он из Персидского набега, на шелковых парусах, помнили, как поил и одаривал он чернь и гулял с ней по Волге.

22 июля 1670 года Разин подошел к Астрахани и приступил к осаде.

В этот день вечером боярин и воевода князь Иван Прозоровский, дьяки и головы (начальники) стрелецкие, принявши от митрополита Иосифа благословение, изготовились к бою. Разин со своими 300 судами подошел к городу и высадился у виноградных садов подле стен городских. Казаки приготовили лестницы для приступа.

Наступила ночь, и воевода приказал зажечь лежащую у стен города слободку, чтобы помешать казакам ворваться в темноте. Запылал пожар, и стало светло, как днем. Воевода и стрелецкие полки всю ночь стояли под ружьем.

Но, вот, в три часа ночи полки Разина тронулись от Вознесенского монастыря к Вознесенским воротам. Загремели пушки и сейчас же стихли. Изменники не только не стреляли, но помогали казакам приставлять лестницы и входить на стены. Все начальники были перебиты. Израненного пиками князя Прозоровского на ковре отнесли в собор. Туда же пришел митрополит и сбежались немногие верные стрельцы. Там же спасался и народ.

Светало. Казаки подступили к собору, ворвались в него и вывели Прозоровского к Разину. Разин, измучив его, бросил с башни в ров...

Началось безумное пьянство и резня по городу. Разин все позабыл. Пьяный, он ездил по городу, бил и рубил всякого, кто почему-либо ему не понравился. Так же вели себя и казаки. Они надругались над иконами, шатались по городу с чернью, пьянствовали и резали людей ни за что.

Слава Разина, как воровского атамана, быстро падала. Он и казаки его стали подобны зверям. Из обыкновенного разбойника и грабителя он обратился в изменника. Он распустил слух, что молодой царевич Алексей, умерший 17 января 1670 года, жив и вместе с опальным патриархом Никоном укрылся от мести бояр и находится в его стане. Черни показывали какого-то юношу в черкесском наряде, выдавая его за царевича. И чернь верила слуху.

По всей Руси были пущены Разиным письма, призывавшие чернь к мятежу и убийству помещиков и бояр. Страшная беда надвигалась на Русь. Отовсюду к Разину стекались крестьяне и стан его кровавой волной перекачивался по Руси.

Это уже не был Разин с казаками. Это был взбунтовавшийся народ. Царю Алексею Михайловичу пришлось напрячь все силы, чтобы подавить мятеж, волной докатившийся до самой Москвы. Воеводы его с отрядами стрельцов умирляли мятежные города и села. Разин потрянул Москвою!

Разин рискнул под Симбирском сразиться с воеводой Милославским. С Разиным уже были не верные его казаки, а всякая пьяная сволочь из деревень, умевшая бить только безоружных, женщин и детей: да и Разин был не тот. Спившийся, опустившийся атаман был разбит. Пробовал он снова взять Симбирск, но и тут потерпел неудачу.

Тогда Разин бросился на Дон, в Кагальник. Но и казаки не приняли его. Это пришел не удалец, атаман вольной ватаги, как год тому назад, а мятежник против царя. Из века в век преданное государю войско Донское возмутилось. 14 апреля казаки с атаманом Яковлевым взяли приступом Кагальник, связали Разина и привезли в Черкасск. Здесь, до отправки в Москву, приковали Разина цепями у дверей войскового Собора.

Войсковой круг приговорил сообщников Разина к смертной казни. Самого его атаман Яковлев лично отвез в Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.